

НА БОЕВОМ ПОСТУ

573
12.1989

А.Царевский.
**«СПАСИБО
ЗА СЛУЖБУ»**

Д.Шавьрин.
**РОК: СЛЕДСТВИЕ
И ПОСЛЕДСТВИЯ**

В.Лосев.
ОПЕРАЦИЯ

ВЕРНУЛСЯ

Бесценен для сегодняшних солдат боевой опыт фронтовиков. И прапорщик Николай Грушинов, несмотря на молодость, — фронтовик. Два года воевал, был ранен, награжден орденом Красной Звезды. Не забыть ему Афганистан...

О той войне много написано, не кончаются споры о ней. Но как бы то ни было — закаленные боями советские воины достойны уважения своего народа. А те из них, кто продолжает ратную службу, должны быть в числе мудрых наставников новобранцев. Помня об этом, вернулся в строй и Николай Грушинов.

Служба рядовых Олега Дубова и Леонида Кошевого только начинается. Все им интересно, каждое занятие — открытие. И даже перемены не тратят на пустые перекуры, просят своего инструктора рассказать об Афганистане. Прапорщик Н. Грушинов не возражает: «Бой тот вели в провинции Бамиан...»

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

572
574

НА Боевом ПОСТУ

12.1989

Издается с 1958 г.

...Задержанные Алиев и Ахмедов дышали трудно. Но, хоть дышали, надежды выйти сухими из воды уже оставили. Захвачены с личным — вот она, автоматическая винтовка ТОЗ, из рук «краповых беретов» не вырвешься.

с. 11.

У читателей при упоминании об органах и войсках НКВД довоенной поры сразу в памяти всплывают одиозные фигуры Ягоды, Ежова, Берии. Но почему они должны заслонить то позитивное, что имел в своем арсенале Народный комиссариат внутренних дел!

с. 54.

Верховодил в группе некий Гена, далеко не юнец, бывший уголовник. Присвоил себе звание «оберфюрер», ходил

В НОМЕРЕ:

■ СЛОВО НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР

ЦАРЕВСКИЙ А. «Спасибо за службу» 3

■ К XXVIII СЪЕЗДУ КПСС

САНИН В. Искать новые подходы и решения 5

Лоцманы моря житейского (встреча политработников внутренних войск с Министром внутренних дел СССР генерал-лейтенантом В. В. Бакатым) 8

■ МЕСТО СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

КАРПОВ Б. Люди на дорогах 11

Баку — город ветров (фоторепортаж) 50

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: УЧЕБА РАДИ

УЧЕБЫ; СЛЕЗЫ ПО ПРЕСТУПНИКУ!;
«ВВ» ИЛИ «СА»; ЧЕМ МЫТЬ РУКИ! 18

■ В ПОЛИТУПРАВЛЕНИИ ВОЙСК

По-деловому реагировать на критику 23

■ С IX ПЛЕНУМА ЦК ВЛКСМ

ДЕМИДЕНКО С. ЦК комсомола оказался в стороне 24

■ БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

КОСТРОВ А. 52 часа на колесах 26

ГЕРАЩЕНКО В. Мина замедленного действия 28

ТОЛПЫШЕВ М. Служба на грани фола 30

■ ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

КУДРЯШОВ В. Батальон сдал позиции 32

■ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА: СОДЕРЖАНИЕ, ДЕЙСТВЕННОСТЬ

НАЗАРЕНКО В. Что вместил политчас? 35

в форме офицера
войск СС — только
без знаков отличия.
с. 60.

Командующий войсками ОДВА В. К. Блюхер назначил начало операции в районе Фугдина на 30 октября 1929 года. По его замыслу войска армии были разделены на две группы — ударную и десантную.
с. 70.

НА НАШЕЙ ОБЛОЖКЕ:

1 с. — *воины в краповых беретах заслужили славу стражей порядка в самых горячих точках — НКАО, Фергане, Абхазии... Сержант Виктор Шишко (на переднем плане) — заместитель командира отличного взвода.*

Фото А. Александрова.

4 с. — *Заготовим бабушке дровишек!*

Фото Р. Рязанова.

ВОЛКОВ О. Проблемы пока остаются (заметки со сбора идеологических работников войск) . . .	37
* * *	
ЩЕРБАТЮК С. Дом, в котором жить . . .	38
Помогите уволиться . . .	52

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

АРТЮХОВ Е. ...И бросил партийный билет . . .	40

ПУБЛИЦИСТИКА

НЕЧАЕВ Е., СТУДЕНИКИН П. Эпидемия страха и ненависти . . .	44
ВОЛОХ А. «Я — за честную гласность» . . .	54
КУЗЬМИН С. Кому ставить памятник в Куропатах? . . .	57
АСТАШИН В. Свастика на плече... . . .	60

МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ «ПУЛЬС»

ШАВЫРИН Д. Рок: следствие и последствия . . .	64

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

ШЕВЦОВ С. Лев Прыгунов: «Легко ли быть чекистом...» . . .	68

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИСТОРИИ ВОЙСК

КОПЕЙКИН А. Выстрелы 38-го . . .	70

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ЛОСЕВ В. Операция (повесть, окончание) . . .	72
ФАЙНШМИДТ Я. Правда, Степанов? (рассказ) . . .	88
ЯГОДИН А. Стережущие (из поэмы) . . .	42

У нас в гостях журнал «Охотник» . . .	91
Указатель основных материалов, опубликованных в журнале в 1989 г.	94

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, В. И. Бусыгин (отв. секретарь), Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, В. Ф. Кузьменко, Г. А. Малюшкин, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Сокк, П. А. Студеникин, В. Н. Усков, В. А. Шоцин, В. В. Щуров.

Художественное оформление **Е. К. Селиковой.**

Технический редактор **И. В. Володина.**

Корректоры **Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.**

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.10.89 г.
Формат бумаги 70×108¹/₈
Уч.-изд. л. 11,5.

Подписано к печати 29.11.89 г.
Зак. № 2293.

Г-25931.
усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

1744
575

Наверное, все-таки мы не застрахованы, как жизнь показывает, что так или иначе возникают ситуации, когда надо оградить, обезопасить и наш процесс перестройки, и жизнь людей. И тогда мы обращаемся к помощи войск МВД. И я считаю, то, что они сделали до сих пор, они делали ответственно. Это ведь комсомольцы, наши же молодые ребята. Они так же, как все мы, заинтересованы в перестройке. И я думаю, на их миссию надо смотреть, как на спасительную миссию. Пока что так получается, что, выполняя эту очень нелегкую миссию, они больше получают ударов. Все общество заинтересовано в том, чтобы поддерживать их. Они действуют ответственно, и я уверен, они так и будут действовать — в рамках закона, оберегая безопасность людей.

М. С. ГОРБАЧЕВ.

(Из ответов на вопросы делегатов Всесоюзного студенческого форума 15 ноября 1989 г.)

АЛЕКСАНДР ЦАРЕВСКИЙ:

«СПАСИБО ЗА СЛУЖБУ»

ЧУВСТВУЮ себя сейчас так, словно окупился в юность. Волнение переполняет душу. Хожу по территории части, узнаю эти постройки, деревья... Даже воздух напоминает о прошлом.

Кому-то эта радость может показаться натяжкой, но я-то теперь знаю: без той закалки, что здесь получил, не добился бы всего, что имею, — ни трудовых успехов, ни уважения людей...

За двенадцать лет я нарубил 28 тысяч тонн угля. Зарабатываю, конечно, неплохо. Но платят, как говорится, не за красивые глаза. В бригаде нет ни одного человека старше меня. Пожилым такие условия не под силу. В среднем из 100 человек, входящих к нам на предприятие ежегодно устраиваться на работу, остаются в бригаде трое-четверо. Остальные не выдерживают. Когда я пришел на шахту (надо было себе на свадьбу денег заработать, мать у

меня одна), поначалу тоже думал: не выдержу. Но переборол себя: кто-то ведь должен уголь рубить. И сомнения были, и усталость жуткая. И повторяю: если бы не психологическая и физическая закалка, которую получил в дивизии Дзержинского, сломался бы. Уважать бы себя, наверное, перестал.

И вот, как только представилась возможность, я приехал в родную часть вместе с моими товарищами — народными депутатами. Приехал не только для того, чтобы повидать незабываемые места, но чтобы сказать командирам устами рабочего, зрелого человека: «Спасибо за науку». И еще чтобы поблагодарить солдат, офицеров за ту трудную и опасную службу, которую приходится им сегодня нести в различных точках страны.

Ферганские события зримо показали значение внутренних войск. Политическая

обстановка в стране очень непростая. Теперь уже совершенно очевидно, что есть силы, которые открыто выступают против перестройки. Прежде всего имею в виду ту руку, что направляла погромщиков в Фергане и Коканде, финансировала убийства, целенаправленно добиваясь хаоса, провоцируя кровавые столкновения.

Всем нам надо хорошо представлять, в чьих интересах осуществляются подобные провокации, делают те или иные политические заявления. Я не политик. Я — простой рабочий человек. Но не надо особого политического дара, чтобы понять, что натравливание народа на народ, погромы и убийства простым людям и всем тем, кто болеет за перестройку, не нужны. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: бездоказательное заявление академика Сахарова, будто советские военные расстреливали своих же, чтобы те не попали в плен к душманам, — это не наивный пересказ одной из передач западных радиоголосов, а совершенно определенное желание опытного политика убедить людей в беспредельной жестокости и беспринципности советских солдат и офицеров, еще раз ударить по авторитету наших Вооруженных Сил.

К сожалению, время такое, что все мы не застрахованы от новых потрясений, а значит, представителям внутренних войск, возможно, вновь придется защищать общественный порядок и безопасность людей. И я хочу пожелать всем им, особенно молодым, восемнадцати-двадцатилетним парням, твердости духа.

В этом накале страстей солдату порой здорово достается: в него летят и камни, и оскорбления. Даже стреляют в него! И пресса иногда позволяет себе нечистоплотные приемы. Самое обидное в том, что происходит это в родной стране, среди своих же сограждан.

Вспоминаю, как двенадцать лет назад я тоже участвовал в охране общественного порядка. Тогда об этом не писали в газетах, не передавали по Центральному телевидению. Сейчас солдат внутренних войск под пристальным вниманием всех. Его вдруг стали открывать для себя и «правые», и «левые». Кто он, этот парень с ВВ на погонах? Такое пристрастие, я понимаю, тоже ложится грузом на солдата. Тут ответственность какая нужна!

Но, скажу я вам, и интересное очень сейчас время. Я счастлив, например, что не стою в стороне от того, что происходит в стране. Ведь поглядите, весь мир меняется с нашей перестройкой! Главное, не дать ее противникам утопить все новое в распрах. И тут солдат внутренних войск останется одним из гарантов необратимости перемен.

А мы, народные депутаты, в свою очередь тоже будем вносить посильный

вклад в обновление страны. Отсиживаться не собираемся. Хотя работать в комитете по делам молодежи я буду не постоянно, а «как правило» (отрываться от бригады, от шахты мне нельзя), — все же надеюсь вместе с другими провести и утвердить на Съезде Закон о молодежи, другие важные документы.

В комитете по делам молодежи представлены интересы в основном всех слоев, объединений и групп советской молодежи, даже духовенства. Но что меня радует — у нас, молодых депутатов, почти по всем обсуждаемым вопросам находятся точки соприкосновения. Молодежь в стране пока ни социально, ни экономически не защищена. После службы, помню, я смог себе позволить купить в гарнизонном универмаге лишь дешевые брюки и рубашку. Все. А ведь парни уходят в большую жизнь, создают семьи... Если мы хотим иметь зрелое общество, мы должны заботиться о детях и молодежи. Она может и должна играть более активную роль в обществе.

На сессии Верховного Совета мы решительно выступили против некоторых кандидатур на посты в правительстве. И к нам прислушались: остались, например, без министерского портфеля бывший министр культуры СССР товарищ Захаров, другие. Мы убеждены, наступает время энергичных, компетентных, деловых людей. Хватит пустых лозунгов и разговоров. Главное слово сегодня не за болтунами, а за рабочим человеком, человеком дела.

Беспокоят нас, молодых депутатов, и национальные проблемы, их обсуждаем не только в официальной обстановке. Недавно я беседовал с одним из депутатов от Грузии. Он сказал мне: «В XVIII веке мы попросили Россию защитить нас от турок. Вы нас защитили. А теперь мы хотим полной территориальной и экономической независимости. Отделиться, словом».

— Экономически как будете существовать, порвав сложившиеся связи с Россией, с другими республиками? — спрашиваю у него.

— У нас, — отвечает, — курорты черноморские, цитрусовые, чай...

— Но, товарищи, — продолжаю, — к чаю ведь и сахар, и пироги нужны...

Это звучит полушутливо, но большая доля правды тут есть. Как нам, куда нам друг без друга? Если посчитать это «полное отделение», то оно никому не выгодно. Я уже не говорю о других, возможно, более опасных, потерях — человеческих связях...

Нам надо скорее пережить это временное недоверие и вместе меняться, помогая друг другу. Именно на такой позиции стоит подавляющее большинство моих товарищей в комитете по делам молодежи.

ИСКАТЬ НОВЫЕ ПОДХОДЫ И РЕШЕНИЯ

Генерал-майор В. САНИН,
начальник политотдела
внутренних войск МВД СССР
по Украинской ССР и Молдавской ССР

Сегодня в дальнейшем осмыслении нуждается практика реализации кардинальных мер, выработанных на XXVII съезде КПСС. Именно этим было обусловлено постановление сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК партии приблизить сроки созыва очередного XXVIII партийного съезда и провести его в октябре 1990 года. О том, как воспринято это решение коммунистами войск, какую работу проводят партийные организации частей и подразделений, готовясь к этому важнейшему в жизни нашей партии событию, корреспондент журнала беседует с делегатом XIX Всесоюзной конференции КПСС начальником политотдела внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР генерал-майором Василием Никифоровичем Саняным.

* * *

— Как вы считаете, Василий Никифорович, является ли решение о созыве XXVIII съезда КПСС в какой-то мере ответом на критику партии, которая в последнее время звучит все чаще?

— Прежде всего решение о приближении сроков созыва съезда учитывает предложения коммунистов, партийных организаций, оно продиктовано самой жизнью, ситуацией в стране, довольно непростым характером проблем, встающих перед партией и советским обществом в ходе перестройки.

На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что приближение сроков созыва съезда обусловлено и необходимостью с учетом требований времени решить назревшие проблемы развития нашей партии, осуществить ее глубокое обновление как политического авангарда общества.

Да, сегодня каким только нападкам не подвергается партия? радикалы критикуют ее за неповоротливость, ретроградность за инициативу и решительность. Чтобы скомпрометировать политический авангард, недоброжелатели пытаются отделить его от народа. Но кто, спрашивается, начал революционный процесс обновления общества?

Кто выступил гарантом его необратимости? Партия. Так как же может она не пользоваться авторитетом у советских людей?

Другое дело, что коммунистам сейчас более чем когда-либо нужны инициатива и самостоятельность, деловитость и творчество в работе. И тот, кто до сих пор не избавился от привычки действовать с оглядкой, перестраховываться, дожидаться указаний сверху, остается в проигрыше. Порой раздаются голоса, дескать, не знаем, куда нас ведут, не видим, как было раньше, четких ориентиров. По-моему, подлинный престиж завоевывается и утверждается конкретными делами, а не громкими лозунгами. Партия же по-настоящему сильно авторитетом и боевостью своих первичных звеньев, активностью рядовых коммунистов.

— Вы назвали инициативу, самостоятельность, творчество в работе главными качествами партийца сегодня. Но ведь не так далеко время, когда за любое несогласие с руководством следовали ответные меры: критикованные подвергались преследованию.

— Лично я считаю, что преследование за критику — извращение сути партийного реагирования. А оно необходимо, чтобы досконально разобраться в действиях коммуниста, выяснить, допустил ли он при этом нарушение Устава КПСС. Решать же, виноват коммунист или нет — дело партийной организации. Партийные бюро и партийные комиссии являются «карающим мечом» лишь в тех организациях, где нарушаются ленинские нормы партийной жизни. Когда они соблюдаются, обстановка иная. Есть конкретные примеры, когда та же партийная комиссия при политотделе войск, где, казалось бы, должны предьявлять самый строгий спрос, восстанавливала справедливость в отношении коммунистов, необоснованно наказанных.

— Несомненно, это только делает честь партийной комиссии и повышает ее авторитет. А вот хотелось бы узнать о том, что беспокоит сегодня, в ходе подготовки к съезду партии, политический отдел

войск в работе коммунистов-руководителей?

— Не скрою, порой бывает элементарная неисполнительность по службе, но не это самое страшное, так как обстановка коллективной и личной требовательности, которая сегодня все прочнее утверждается в коллективах, не позволяет проявлять нерадивость. Тревожат больше сторонники административно-командного стиля в работе. Его приверженцы не лодыри: работают напряженно, но сделать стремятся все сразу, наскоком. Результат им необходим тотчас же, немедленно. Действительно, закрутив все гайки, им удается на первых порах добиться определенных результатов. Но стабильности в таких коллективах, как правило, не бывает, поскольку люди находиться в напряжении длительное время не могут — обязательно наступают сбои.

В подобных случаях определенная доля вины ложится и на политический отдел войск, который призван направить деятельность коммунистов-руководителей в русло политических методов руководства. Бесспорно, командир есть командир, его приказ — закон для подчиненного, но все же нужно уметь видеть ту черту, за которой работа с людьми подменяется голым администрированием. Очень важно не забывать, что коммунист-руководитель — не просто управленец, а авторитет партии складывается из авторитета каждого ее члена.

— На сентябрьском Пленуме ЦК отмечалось, что успех на пути перестройки нашей жизни в значительной мере будет определяться последовательной и целенаправленной идеологической работой, опорой на мнение и поддержку масс. Поэтому следующий вопрос о том, что нового появилось в практике идейно-воспитательной деятельности пропагандистов войск, как реагируют они на изменение идеологической ситуации?

— Не буду говорить об идеологической ситуации: то, что она сегодня сложна, ясно всем. Пропагандисты же должны без промедления реагировать на каждый нюанс в ее изменении. Для примера возьмем только один момент. Как известно, в последнее время предпринимались попытки дискредитировать внутренние войска, раздавались призывы об их роспуске. Мне кажется, что во многом это шло от незнания истории и традиций войск, того, насколько сложны и ответственны государственные задачи, которые они призваны выполнять. Таким образом, перед нашими пропагандистами встала конкретная практическая задача: распространение знаний о войсках, формирование правильного общественного мнения и наряду с этим усиление воспитания у личного состава достойного отношения к службе, верности присяге, своему воинскому долгу.

В эту работу нам удалось вовлечь республиканскую печать, радио, телевидение. На страницах местных газет неоднократно публиковались интервью с начальником войск, начальником политотдела. «Рабочая газета» одной из первых дала объек-

тивный материал о нашей службе в Закавказье. Своеобразным откликом на «Случай в спецвагоне» явилась публикация «Службу не выбирают». Важной составляющей и такая деталь — немало публикаций было на украинском языке. О жизни и службе наших частей регулярно рассказывает передача телевидения «Слава солдатская». Для работы с допризывной молодежью кишиневская телестудия создала фильм на базе нашей части. На киностудии имени А. Довженко снимается художественный фильм о военнослужащих войск.

Может возникнуть справедливый вопрос: а где же работа наших пропагандистов? Действительно, она вроде бы на первый взгляд и не просматривается. На самом же деле инициаторами, а зачастую авторами публикаций и сценариев являются наши, войсковые журналисты и политработники.

Непростая ситуация сегодня и в межнациональных отношениях. Свои проблемы в Молдавии, свои на Украине. Это, конечно же, заставляет вносить коррективы в содержание идеологической работы, искать новые формы. Вот, к примеру, появились в частях и подразделениях политклубы. Вроде бы дело новое, а дискуссии там идут острые и по проблемам внутриполитическим, и по отношению к армии, внутренним войскам, регулярно поднимаются вопросы межнациональных отношений.

— Василий Никифорович, приближаются выборы в местные органы власти. Хотелось бы знать, какую позицию занимают коммунисты вашего управления по отношению к этому важному событию.

— Ни один военнослужащий внутренних войск, к сожалению, не стал народным депутатом СССР, и это для нас серьезный урок. Наверное, мы были очень робкими при выдвижении своих кандидатов. Но наши воины отдали голоса за представителей народа, которые в свою очередь приняли к исполнению наказания военнослужащих.

Что касается выборов в республиканские и местные органы власти, наша позиция определена четко. Прежде всего, активно выдвигать кандидатами в народные депутаты лучших из лучших военнослужащих, оказывать им помощь и поддержку в формировании платформы и проведении предвыборной агитации. И конечно же, наши воины-избиратели будут всемерно поддерживать на выборах кандидатуры передовых рабочих, тружеников села, представителей интеллигенции, которые занимают прогрессивные позиции, работают на перестройку.

— Что бы вы пожелали читателям журнала в наступающем 1990 году?

— Конечно же, успехов во всех делах, здоровья, большого личного счастья. Коммунистам хотелось бы пожелать, чтобы подготовка к XXVIII партийному съезду стала мощным импульсом в решении первоочередных важных и ответственных задач.

ВОСПИТЫВАТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

Наши воинские коллективы исключительно разнообразны по своему национальному составу. В среднем в роте внутренних войск служат представители 15 национальностей. Из солдат и сержантов срочной службы на сегодняшний день русским, например, является каждый третий, более 10 процентов личного состава — узбеки, более 5 — казахи, 4 процента — азербайджанцы. За этими цифрами — десятки тысяч людей со своим национальным складом характера, традициями, особенностями.

Ежедневно тысячи караулов и войсковых нарядов заступают на службу с боевым оружием, выходят на патрульные маршруты в отрыве от своих подразделений. В таких специфических условиях любое проявление национального чванства способно осложнить обстановку в небольшом многонациональном коллективе и привести к конфликту на боевой службе. А если учесть, что ныне жизнь потребовала от внутренних войск выполнения задач по поддержанию общественной безопасности в ряде регионов со сложной оперативной обстановкой среди коренного населения, зачастую отравленного националистическим угаром, то становится особенно актуальным усиление интернационального воспитания личного состава. Если не сформировать у солдата, сержанта, прапорщика и офицера идеологической устойчивости, осознания своей интернационалистической, гуманной миссии, можно, образно говоря, пожать очень горькие плоды — от озлобленности до жестокости и противоправных действий по отношению к местным жителям.

О проблемах, поиске путей совершенствования интернационального воспитания военнослужащих внутренних войск с большой озабоченностью говорил в своем выступлении на очередном заседании коллегии МВД СССР 25 октября с. г. начальник Главного управления — начальник внутренних войск МВД СССР генерал-полковник Ю. В. Шаталин.

Коллегия под председательством Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В. В. Бакина рассмотрела состояние работы по интернациональному воспитанию сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск в свете решений сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС.

Докладчик начальник Политуправления МВД СССР генерал-лейтенант А. В. Аникеев, а также выступившие в прениях участники обсуждения отмечали серь-

езные недостатки на этом важном участке организаторской и идеологической работы. В ней не хватает целеустремленности, необходимой гибкости, комплексного подхода к многообразию сторон интернационального воспитания. Трудно руководителям дается живое общение с людьми. Мало внимания уделяется культуре межнациональных отношений. Все это приводит к тому, что некоторые сотрудники коренной национальности в своих регионах активно занимают рассмотрением дел по привлечению к ответственности лишь лиц других национальностей, проявляют социальную пассивность. Серьезные огрехи остаются в подготовке национальных кадров. Выказывались предложения об организации стажировок сотрудников органов внутренних дел — представителей коренных национальностей ряда регионов в союзном и республиканских министерствах. Актуальными являются и поиски определенных контактов правоохранительных органов с деятелями религии в целях профилактики правонарушений. Поставлен вопрос на коллегии о создании суворовского училища внутренних войск, которое ранее существовало и приносило весьма ощутимую пользу в формировании надежного резерва для офицерского корпуса войск. Получили одобрение у членов коллегии и предложения об улучшении оснащения оперативных частей внутренних войск средствами современной полиграфии, походными автоклубами.

В заседании коллегии МВД СССР приняли участие и выступили депутаты Верховного Совета СССР А. Бородулин, З. Керимов, Г. Таразевич и другие. Они отметили важность углубления контактов сотрудников правоохранительных органов с народными депутатами в деле совершенствования законодательных актов. Подчеркивалась также необходимость постоянного повышения авторитета сотрудника милиции, военнослужащего внутренних войск.

Итоги обсуждения подвел Министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакин. Он акцентировал внимание собравшихся на необходимости изменения отношения каждого сотрудника органов внутренних дел, военнослужащего войск МВД к закону, примата закона в условиях создания правового государства. Формирование интернационального сознания — это не дань моде, а настоятельная потребность жизни, веление времени.

ЛОЦМАНЫ

Сержант А. ОХРИМЕНКО

ВСТРЕЧА ПОЛИТРАБОТНИКОВ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК С МИНИСТРОМ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТОМ В. В. БАКАТИНЫМ.

Подполковник В. ЕВЛАМПИЕВ

Майор П. ЗАСТАВНИЦКИЙ

Старший лейтенант В. ГАБУДА

МОРЯ ЖИТЕЙСКОГО

НЕПРОСТА, нередко и опасна служба наших воинов. Вот почему ей так необходима мобилизующая партийно-политическая работа. Но для этого и самим политорганам войск, отметившим 21 октября свое 70-летие, как подчеркивалось в приветствии коллегии и Политического управления МВД СССР, следует «быть душой многонациональных воинских коллективов, силой, сплачивающей и цементирующей военнослужащих».

Что необходимо комиссарам нынешнего дня для реализации курса на перестройку! Об этом немало говорилось на торжественных собраниях в частях. В канун юбилея большую группу политработников, представляющих различные регионы страны, принял Министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакатин.

Этой встрече менее всего были свойственны торжественно-юбилейные черты. С первых минут она приняла сугубо деловой, рабочий характер.

Выступает Министр внутренних дел СССР В. В. БАКАТИН

В кратком вступительном слове В. В. Бакатин подчеркнул неоднозначность процессов, протекающих ныне в активно политизирующемся обществе, сложность и особую ответственность задач, выполняемых внутренними войсками. Сегодня, когда правовая база весьма несовершенна и целый ряд законов находится в стадии разработки, партийно-политическая работа выдвигается на первый план, а политработник становится фигурой номер один. Ему надо постоянно быть на острие событий, улавливать новое, умело используя его в борьбе за людские сердца. Он должен трудиться так, чтобы окружающие, в том числе и гражданское население, видели в нем лоцмана, ведущего за собой других в бушующем страстями человеческом море. Чтобы военнослужащие рядом с ним ощущали себя не просто силой, но силой с человеческим лицом. И чтобы лицо это соответствовало народному пониманию идей перестройки.

Что удалось уже сделать на этом пути, а что — нет, что мешает поднять на новый уровень действенность политработы — об этом и шел откровенный и обстоятельный разговор. В. В. Бакатин предложил политработникам вести его в форме диалога, живого обмена мнениями. Военнослужащие докладывали Министру об обстановке на местах, моральном духе личного состава, делились болевыми, заостряли внимание на узких местах службы, задавали вопросы. На некоторые из них Вадим Викторович отвечал сразу, принимал решения, с чем-то не соглашался, в чем-то обещал разобраться...

Старший лейтенант В. Габуда, заместитель командира роты по политчасти:

— Мы несем службу в Баку и зачастую испытываем недоброжелательность местного населения. Задерживать правонарушителей, которых поддерживает толпа в полсотни, а то и сотню человек, — затруднительно. В то же время местные органы внутренних дел стараются либо закрывать глаза на происходящее, либо под любым предлогом уходить в сторону, дабы не портить отношений с земляками. Можем ли мы повлиять на них! Нет, здесь нужна ваша помощь...

Сержант А. Охрименко, курсант 4-го курса Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ:

— Наша учебно-методическая база далека от требований времени, слабо оснащена технически. А наша специализация!.. Почему бы офицеру-политработнику не иметь юридическое образование, тем более что внутренние войска все чаще именуется войсками правопорядка!

Майор П. Заставницкий, заместитель командира батальона по политчасти:

— Тяжело работать с людьми, когда пробуксовывает система информации. Она пока оперативна только снизу вверх. Выполняя ответственные задачи, мы испытываем недостаток в газетах, фильмах, листовках об отличившихся на службе.

Майор В. Кибальник, слушатель Военно-политической академии имени В. И. Ленина:

— Годами твердим, что нужно лучше производить отбор на учебу. Но если бы на местах знали, что выпускник академии сюда же и вернется, причем на высшую должность, все сразу стало бы на свои места...

Подполковник В. Евлампиев, редактор войсковой газеты «На посту»:

— Как выйти на массового читателя в тех регионах, где выполняем ответственные задачи, если мобильной полиграфбазы нет, а те машины, на которых работаем сегодня, свой век отжили два-три десятка лет назад!

...Это краткий конспект лишь наиболее запомнившегося в выступлениях некоторых участников встречи. А ведь в разговоре принимали активное участие и полковники А. Полозов, П. Лысиков, подполковник А. Митрофанов, старший лейтенант Д. Насиров и другие. Речь шла о правовой незащищенности военнослужащих войск; об обострившейся жилищной проблеме; о требующейся большей заботе о семьях, прежде всего в тот момент, когда мужа и отца выполняют задачи в «горячих точках»; о чуткости к пострадавшим и памяти о героях; о более качественном укомплектовании подразделений, несущих патрульно-постовую службу; о языковых затруднениях и наконец — о нервозности, вызванной задержкой приказа об очередном увольнении...

Неоднозначны проблемы, постановочные вопросы, соответствуют им и прозвучавшие ответы. Конечно, как заметил товарищ Бакатин, мы «далеко пойдем», если министр начнет следить за исправностью училищного водопровода или теплосети, но в остальном — все можно сделать, если трудиться сообща, подходить к любому делу конструктивно, предлагать, а не только просить, не нервничать, проявлять побольше мужества.

Что ж, жизнь покажет, насколько мы к этому готовы. По крайней мере, настрой у политработников, принимавших участие в этом разговоре, соответствует лоцманскому.

Наш корр.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

579

~~580~~

ЛЮДИ

НА
ДОРОГАХ

ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР, резерва у меня практически нет, пятеро, не считая меня... дневальные еще. В Ходжаллах с утра опять машину разбили—и началось... Туда направил, остальные в Аскеране. Понял... Понял... Есть!

Телефонная трубка не успела опуститься на рычаг, как к майору Сидоренко обратился солдат:

— Товарищ майор! — голос срывается, дрожит. — В Ходжаллах опять громят — с КПП позвонили...

— Спокойно, — Сидоренко уже взял фуражку, — сделайте вдох-выдох и продолжайте.

Но говорить больше было нечего, надо было действовать. Военный комендант участка за месяцы, проведенные в НКАО, привык к подобным вводным. Вслух, как бы комментируя происходящее для меня, рассуждает:

— В Ходжаллы уже двинулась мангруппа, «крупные беретые» там, курсанты милициской школы тоже—эти, правда, послабее. Мне надо в райцентре наблюдать — как бы толпа на подмогу не ринулась. Поеду к начальнику РОВД. Вы, если в Степанакерт хотите, давайте к нашим ребятам на КПП, тут рядом, — они помогут подсказать...

РЯДОВОЙ ШУТЕНКО ведет свой ЗИЛ уверенно и красиво, зная каждую выбоинку на дороге между Степанакертом и Аскераном, между палаточным городком своей части и нефтебазой, где берут соляр для прожорливых бэтээров. Боевые машины под броней и на броне возят солдат по горным дорогам, сопровождают колонны, мечутся с маневренными группами, основная задача которых — не допустить кровопролития, гасить яростные вспышки меж-национальной розни.

— Шутенко молодец, — хвалит своего тезку замполтех роты старший лейтенант Сергей Попович, — сутки напролет если не на колесах, то на ногах: заправка — само собой, он и в ремонте водителям помогает. Без него ни одна «боевуха» не обойдется...

«Боевуха», «проводка колонн», как и двоянные по-афгански рожки автоматов и обеды сухпаем на броне, — реалии карабахской жизни. На здешних дорогах стреляют. Дороги бывают в огне. И не только в переносном смысле, когда страсти накаляются до безрассудства и ослепления людей. В самом прямом смысле горели дороги.

...**МАЙОР АКИМОВ** вел двенадцать рефрижераторов с продуктами из Гориса в Степанакерт. В районе Лачина под колеса полетели бутылки — двести пятьдесят метров дороги занялись огнем. КамАЗы, половина которых на газовых баллонах, встали

у роковой черты. По кузовам загремели камни. Водители растерялись — машины вот-вот рванут, толпа предвкушает расправу. Еще минута и... Акимов вскинул автомат. «Ра-зой-дисы!!!» Коротко и отчетливо прогремела в небо очередь. Безумная толпа отпрянула. Огненные метры проскочили без потерь. «Моральные не в счет, — горько усмеивается теперь Владимир Васильевич. — Навесили на меня прозвище «пятнистый майор, который стреляет», пригрозили поквитаться за то, что армян защищал. Да если все угрозы в наш адрес считать! Хотя, конечно, нервы ни у кого не железные, устали и офицеры, и солдаты...»

Назавтра майору Акимову предстояло ехать в отпуск, и был он оттого на необычайном подъеме и, похоже, даже на самых ярких местных националистов и экстремистов (с обеих сторон) зла не держал: «Придет время — одумаются». Блажен, кто верует...

РАЗМИК СЕРГЕЕВИЧ НАЛБАНДЯН, прокурор Гадрутского района, тоже не теряет веры, произносит тихо и горестно: «Надо быть терпимыми...» И словно в ответ — доклад вынырнувшего из темноты офицера: «По радиции сообщили: на КПП у въезда в город толпа. Сказали, не разойдутся, если в Физули не освободят семерых». Опять ультиматум. Вздохнул сокрушенно и начальник Гадрутского РОВД майор милиции В. Степанян: «Если наших ребят не выпустят, завтра никто на работу не выйдет, некому будет винограду убирать».

Мы стояли во дворе физиулинского ПТУ, где расквартировано подразделение внутренних войск. Была полночь. Съев по банке консервированной каши, прикорнули в кузове «крупные беретые». Остывали после многочасового «кряляки» машины. Уставшие за день, вполголоса переговаривались руководители Гадрутского района. В Физиулинский (читай — азербайджанский) РОВД, который совсем рядом, они не идут. Выручать своих не пошли ни первый секретарь райкома партии, ни прокурор, ни начальник РОВД. Парламентарем-мироотворцем в который раз выступал представитель войсковой оперативной группы полковник Б. Пономарев. Поджидая его, пунктирно восстанавливаю, листая блокнот, события первых двенадцати часов в НКАО...

ПРОВОРНЫМ ЯКАМ, порхающим на местных линиях, ну никак не перекинуть всех желающих через горные хребты, никак не вывести из кипящего страстями Нагорного Карабаха (одной из сторон он именуется исключительно Арцахом). Толпа у ограждения степанакертского аэропорта в досаде опускает взгляд к серой бетонке, по которой пробежал наш АН-72: «опять военные, опять телевизионщики...» Я их понимаю, этих карабахцев (или арцахцев?) — надоело, устали... ИНЖ

МЕСТО СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

Парни в милицейской форме с автоматами наперевес тоже устали: не первый месяц в командировке. Курсанты Волгоградской высшей следственной школы МВД СССР Александр Овчинников и Владимир Галков — первые, кто нас встречает.

Ставропольские, липецкие, калмыцкие сотрудники ГАИ у ступеней областного УВД тоже при оружии — такая теперь обстановка на дорогах, идет война. И не только пресловутая «каменная», гибнут люди, гибнут солдаты правопорядка.

Из распахнутого окна дежурной части слышатся обрывки фраз: «Село Карадаглы... убирали виноград... взяли троих, увели в деревню...»

С обедом придется повременить — едем на место происшествия с маневренной группой, которая формируется на выезде из Степанакерта. У обочины разглядываем схему окрестных дорог. Азербайджанские города на ней тщательно вымараны, грязные пятна остались на месте Агдама, Физули, Шуши, Лачина... Видимо, кто-то всерьез мечтает перекроить границы, стереть с лица земли жилища «ненавистных».

В отместку летят камни в армян, в тех, кто их защищает. Агдам стал кровавым, огненным рубежом...

ЭДУАРД ОСИПОВИЧ БАГДАСАРЯН едва сдерживал слезы: «За что? Скажите, что я им сделал?» Не могли мы ответить на этот вопрос. Вряд ли вразумительно ответили бы и те, кто в селе Каргабазар Физулинского района расколотил вдребезги стекла в машине под номером 80—04 АГЯ. Серия на номерном знаке подсказала, что фургон этот из НКАО. Значит — за рулем армянин, которого надо бить.

«Слава богу, ноги унес! — говорит Багдасарян. — Но за что они так? Ни к кому я не питаю неприязни, ни к одному народу. У меня жена — русская, из Свердловска. Четверо детей у нас. Ведь могли же убить эти...»

Сдержался, не назвал преступников преступниками... И не потому, что презумпцию невиновности хотел соблюсти. Просто не стал низводить себя до бранно-драчливого состояния подонков, которые подкараулили его на дороге.

Мы их видели, эти своры, сидящие до поры на лавочках возле собранных в кучи камней. И в азербайджанских селах они ждали своего часа, и в армянских. Затаились, готовые толпой ринуться на зазевавшегося, растерявшегося или просто не верящего в вероломство.

Примерно такие семеро «смелых» попали в поле зрения комендантского патруля. Абрамян, Григорян, Бабаян, Давидян, Аветисян, Мурадян и Алавердян были задержаны в придорожных зарослях. Здесь же обнаружили бутылки с «горючкой». Что замышлялось? Это и предстояло выяснить работникам милиции. Но закавыка в том,

что задержанные юноши из армянского Гадрута переданы были в РОВД азербайджанского города Физули, так как именно на территории этого района намеревался действовать «отряд самообороны». «Армян — азербайджанцам?! На растерзание?! Не позволим!» — взволнованный Гадрут восстал.

Пока мы беседовали в райкоме партии с его первым секретарем Григорием Леоновичем Багияном и председателем райисполкома Эльмиром Владимировичем Навасардяном, съёмочная группа Центрального телевидения отправилась в народ, на улицы города.

Выяснилось, что сопредельные районы конфликтуют уже не первый день. На территории Физулинского района, где находится несколько гектаров виноградника гадрутского совхоза, накануне забросали камнями два трактора, автобус. Сегодня сборщики винограда отправились на работу под охраной своей «дружины». Их-то и забрали в Физулинский РОВД. Теперь все боятся самосуда.

В разговор вступают заведующий орготделом райкома партии Мадат Атаевич Атаян и первый секретарь райкома комсомола Нелли Марданян. Слушая их, я невольно обратил внимание на взвешенность каждого слова ветерана (Атаян — инвалид Великой Отечественной войны) и горячность молодежного вожака. Один просил передать в военную комендатуру просьбу партгруппы села Аракюль — прислать десяток солдат для защиты от азербайджанцев. Нелли Шагеновна демонстрировала нам заржавленный клинок — «вот смотрите, с чем на нас идут турки». Записывая ее должность, спросил: чей же райком Нелли Шагеновна возглавляет, какого комсомола? Азербайджана, должно быть, — ведь НКАО на территории этой республики? «Нет! — решительно прозвучало в ответ. — Напишите: «райком комсомола... Арцах»».

ТОЛПА В ГАДРУТЕ тем временем плотно обложила наших «киношников». Намерения в отношении гостей были весьма серьезные: не отпустим, пока не выдадут наших ребят. Центральному телевидению, «Красной звезде», чей корреспондент тоже был с нами, досталось за «необъективность информации о ситуации в НКАО и вокруг нее» (такие же обвинения раздавались и со стороны азербайджанцев).

Диалога в Гадруте не получилось. Разъяренная толпа не желала слушать призывов к благоразумию, великодушию, терпимости. Перед нашими лицами размахивали кулаками, нас обвиняли в том, что семерых гадрутских «мальчиков» военные отдали «туркам». «Их там убьют, если еще не убили!» — причитали женщины. Материнские чувства поняты, в горле стоял комок страдания, жалости... И вдруг: «Фашисты! Зачем вы здесь? Оккупанты! Не уедете отсюда, пока не вернете наших детей! Под колеса ляжем!»

Чтобы хоть как-то снять напряжение, привезли матерям записки их отчаянных чад — «живы, здоровы, никто нас здесь не бьет...» Это не очень-то помогло, причитания продолжались с новой силой. Трудно сказать, сколько времени просидели бы мы в райцентре, блокированные толпой, если бы помощь наших солдат не понадобилась в армянском селе, которое якобы собираются сжечь азербайджанцы. Тут уж «солдатики, выручайте!» Начальник местной милиции втолковал землякам, что солдатам надо спешить туда, где может пролиться кровь. С асфальтовой ленты свернули в темноту, машины закачались на пыльных волнах... Люди спешили на помощь людям...

Помощи, к счастью, не потребовалось — сигнал, пока дошел по «испорченному телефону», оброс вымыслам, страстями. То ли кто-то решил перестраховаться, вызывая войска, то ли просто «расшатывал оборону», подбрасывая дезинформацию. В деревне, куда мы спешили, всего-навсего загорелся ветхий плетень. Об этом с усмешкой сообщил встретившийся капитан милиции — азербайджанец: «Эти армяне только страхи нагнетают». А может быть, снова наводит тень на плетень? — мелькнула мысль. Истина «доверяй, но проверяй» — одно из правил военных в особом районе. Сомнения рассеяли только ребята из такой же мангруппы, обследовавшие окрестности села Эдилли.

...ЗАДЕРЖАННЫЕ АЛИЕВ И АХМЕДОВ дышали трудно. Но, хоть дышали, надежды выйти сухими из воды уже оставили. Захвачены с поличным — вот она, автоматическая винтовка ТОЗ, из рук «краповых беретов» не вырвешься. Капитан И. Митрофанов, лейтенант С. Пахолков, сержанты В. Бурдюков и А. Кирюхин, рядовой А. Бычок сделали свое дело профессионально — выследили в районе Шуши террористов, обстреливавших армянское село, взяли, несмотря на оказанное отчаянное сопротивление. Шушинец и его гость из Баку даже самодельную гранату в солдат бросили, потом в рукопашную схватились. Но куда там!

Наши парни тоже еще не отдышались, после схватки прошли какие-то четверть часа. Мы подъехали к Степанакерту с равнины со стороны Агдама, они привезли экстремистов из Шуши, с гор. Кто-то из офицеров высказывает опасение, что азербайджанцы, узнав о том, что задержанных оставили в «армянском» Степанакерте, встанут на дыбы. Как оказалось, опасения эти были не напрасными — на завтра повторится гадрутская эпопея с толпой, ультиматумом, угрозами... Вернее, это будет уже сегодня — на часах четыре часа ночи. Пристигните на сегодня — Дом политического просвещения. У входа — часовой с автоматом. В просторном зале — солдатские койки в два яруса. Допросившись! Наутро, фотографируя наших солдат, вы-

полняющих боевую службу в самом центре Степанакерта, прочитаем внушительный транспарант: «Да здравствует марксизм-ленинизм — вечно живое революционное интернациональное учение!» В кадре у Дома политпросвещения с оружием в руках — рядовые Сергей Трубаров — русский, Сейдагул Мусаев — казах, Виталий Кувита — украинец.

— **АРМЯНИН** — вдруг закричал один из мужчин. Он с такой силой ухватился за борт грузовика, что побелели пальцы. — Армянин!

Толпа придвинулась и плотно взяла наш ГАЗ-66 в кольцо. Десятки пар глаз пронзали полумрак крытого кузова. Задние из толпы, вставая на цыпочки, кого-то старательно выискивали. Кроме дюжины спецназовцев и нас, двух военных журналистов, в машине никого не было.

Поняв, в чем дело, солдаты расхохотались. В своей «охоте на ведьм» бедный шушинец совсем потерял нюх (а может, и разум) — принял за армянина, за «неверного»... рядового Диму Сахарова, черновобрового, посмуглевшего под ферганским и карабахским солнцем. Пришлось, чтобы погасить припадок ненависти, показать «непримиримому» военный билет рядового Сахарова, русского, призванного в войска из Минска.

Солдаты посмеялись дорожному курьезу. А мне, признаться, было не до смеха, когда здесь же кое-кто называл «армянами» и первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана А.-Р.Х. Везирова, и председателя Комитета особого управления НКАО А. И. Вольского, и... М. С. Горбачева, словом, всех, кем в чем-то недоволен. «Армянин» стало в устах вчерашних братьев-содесей самым страшным ругательством.

Зная о пресловутом «инстинкте толпы», стараюсь на этой шушинской площади вглядеться в лица людей, перемолвиться хоть парой человеческих слов. Конечно, не все срываются на крик. Вот интеллигентного вида мужчина, назвавшийся специалистом по межнациональным отношениям из Академии наук, вежливо интересуется, из какой части приехавшие солдаты, какое у них оружие... Хорошую осведомленность проявляет собеседник в дислокации воинских, милицейских подразделений в НКАО и вокруг. Понимаешь, что, действительно, курочка по зернышку клюет... В поисках ли, золотого зерна истины?

А вот мне показывают гильзу автоматного патрона и хитро так, будто видят всех военных насквозь, спрашивают угрожающим шепотом: «Кто это стрелял, не знаете?!»

Привлек внимание почтенный старец в барашковой папахе. Уверяют, что Резакули Кулиеву из села Ипакли Лачинского района... 143 (сто сорок три!) года — ни больше ни меньше. Аксакал вспоминает: «У

меня до революции пятнадцать тысяч ба-ранов было. Сотню себе оставил, осталь-ные государству отдал. Кто их съел? Что от государства теперь имею?» Попробуй, ответь.

Нам откровенно советовали «убираться в Россию совсем» или «уйти из Карабаха на недельку», за это время, мол, сами с армянами разберемся. Утверждали, что мы защищаем лишь армян, попустительствуем бесчинствам с их стороны. Ну, как тут не вспомнить вчерашний Гадрут. Как не приве-сти цифры лишь из одного донесения: «...За два дня подверглись нападению и были повреждены 82 автомашины, 38 азербайджанских и 44 армянских. При этом по-страдали 19 человек — 10 армян и 9 азербайджанцев...» Кто взорвал водовод из Шуши в Степанакерт, чтобы оставить лю-дей без воды? Кто в отместку перекрыл воду, чтобы засох хлопок на полях? В обо-их случаях — дело рук вчерашних соседей-братьев. Око за око?

ЕЩЕ ОДИН ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ удивил вопросом: «Вы ведь знаете историю с сыном Сталина, попавшим в плен? Сталин сказал тогда, что своих солдат на марша-лов не меняет... Не кажется ли вам, что сегодня придется помянуть ваших генера-лов на наших солдат?»

Верные своей подленькой тактике, эк-стремисты блокировали в здании Дома культуры представителей войск и МВД Азербайджанской ССР. Блокировали с по-мощью... женщин и детей. Сами, выжидая, рыскали вокруг. Расчет был настолько же прост, насколько и коварен: или военные начнут разгонять толпу, где могут постра-дать женщины и дети (помнят «тбилисский синдром», когда экстремисты почему зря обвиняли войска в жестокости), или выда-дут наших ночных знакомцев Алиева и Ах-медова, которые станут «национальными героями», как в свое время «герой» Сум-гаита, еще один Ахмедов, приговоренный за участие в убийствах к высшей мере возмездия.

«Героев» вскоре действительно привез-ли, чтобы сдать в местный РОВД, толпа схлынула...

Последний вопрос к нам на площади был: «А какое право имели солдаты бить наших задержанных парней?» Синяки, по-лученные в схватке с солдатами, за ночь выцвели. Отрезвели ли головы боевиков?

АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ ВОЛЬСКИЙ, обе-щавший нам с корреспондентом «Красной звезды» пяток минут, расщедрился на двадцать. В этом мы усмотрели дань иск-ренного уважения председателю Комитета особого управления к военным.

Тяжело ему между двух огней, но при-сутствия духа не теряет — собран, энерги-чен, находчив. Наш общий вопрос о ситу-ации в области парирует анекдотом, не слишком, правда, веселым. Потом все рас-кладывает по полочкам, зная, что каждая

газетная и журнальная строка, касающаяся НКАО, будет скрупулезно препарирована как армянской, так и азербайджанской сто-роной, рассмотрена под всевозможными увеличительными и уменьшительными стек-лами, через разные призмы.

О нежелании двух сторон протянуть друг другу руки он сказал в своем выступлении на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС. Это — главный камень преткновения. Глыба на дороге дружбы. Глыба, объезжают кото-рую нередко по судьбам людским...

В военной комендатуре особого района десятки писем и телеграмм с одним лишь ответом на один-единственный вопрос — «Оставаться ли в Карабахе войскам?». Есть ответы лаконичные, кричащие: «Да! Войска должны остаться!» Есть глубокие рас-суждения о роли и месте войск в обо-стрившемся межнациональном конфликте. Есть утверждения весьма спорные.

Но теперь, после Пленума ЦК КПСС, по-священного вопросам национальной поли-тики, всем совершенно ясно — дальнейшее разжигание конфликта грозит губительны-ми последствиями для обоих народов, ко-торые веками жили рядом и должны жить дальше. Ясно и то, что решительные меры для недопущения анархии и кровопролития способны предпринять именно войска. пра-вопорядка — внутренние войска.

Трудно им, ох как трудно расчищать за-валы и в Лачине, и в Евлахе, и в Агдэме. Пролилась кровь сотрудников милиции — разнузданная толпа растерзала невинных. Погиб рядовой Женя Терновых — спас бе-женцев, а сам погиб...

Солдатские руки разгружают вагоны, во-енные везут хлеб — людям, корма — жи-вотным, бензин — машинам. Рядовой Миха-ил Ряднов, оренбуржец, которого мы встретили на посту у развалин древней ас-керанской крепости, рассказывает: «Тут неподалеку есть ферма, где сиротинуш-ками стоят коровы: без слез нельзя смот-реть на них. Армяне боятся здесь рабо-тать. Им советовали — вы заберите скот на соседнюю, крупную ферму. Не хотят — уберем, мол, коров, так азербайджанцы нашу землю захватят... В общем — замкну-тый круг. О чем только люди думают?!»

О ДЕТЯХ, О ДЕТЯХ своих думайте, лю-ди! А люди в ответ: «И внуки моих вну-ков будут их убивать!»

На карте коменданта участка рассыпаны красные и зеленые квадратики — села с армянским и азербайджанским населением. Некоторые раскрашены в оба цвета — вместе живут люди. Меж селами — жилки дорог. Дороги — это жизнь. На дорогах — люди.

Подполковник Б. КАРПОВ,
наш спецорг.

■ **А. И. Вольский**, председатель Комитета особого управления НКАО, считает, что у военнослужащих нет иной задачи, кроме обеспечения мира и порядка в регионе, недопущения гибели женщин, стариков, детей.

■ На горной дороге — маневренная группа.

■ Эти молодчики были задержаны с оружием, когда обстреливали мирное село. Спротивлялись они отчаянно, даже бросили в солдат взрывное устройство... Но «красные береты» — не из робкого десятка.

■ Проверки на дорогах — мера вынужденная. Пост у Аскерана.

■ Перегреваются, не выдерживают порой мощные машины. На пределе сил — люди. Люди на дорогах.

Фото
А. АЛЕКСАНДРОВА.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

- УЧЕБА РАДИ УЧЕБЫ
- СЛЕЗЫ ПО ПРЕСТУПНИКУ?!
- «ВВ», ИЛИ «СА»?
- ЧЕМ МЫТЬ РУКИ?

ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС

А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...

В № 11 за 1989 год было опубликовано письмо офицера запаса Ю. Ильина «Кому нужны такие сборы?». В нем автор рассказывает о том, как бездарно прошло для него время на сборах военнообязанных. Ничего полезного для себя он из них не почерпнул.

«Ради чего отрывают людей от семей, лишают народное хозяйство столь дефицитных сегодня рабочих рук?» — спрашивал Ю. Ильин.

И вот пришел ответ за подписью генерал-майора Ю. Богунова. В нем разъясняется, что боевая и политическая подготовка на упомянутых в письме сборах проводилась в соответствии с учебной программой и методическими указаниями ГУВВ МВД СССР, что размещались военнослужащие запаса в лучших казарменных помещениях части. Им были созданы надлежащие бытовые условия, обеспечено приличное питание и т. д.

И лишь в конце довольно пространного документа отмечалось: «...Вы справедливо заметили, ряд занятий по боевой и политической подготовке проведен на низком методическом и организационном уровне, на что указано ответственным лицам...»

Вне всяких сомнений, ради чего проводятся сборы военнообязанных, — совершенствование их профессиональных навыков, повышение боевого и служебного мастерства воинов запаса. Все остальное — размещение людей, организация их досуга и питания — работает на достижение поставленной цели. Если же учебный процесс организован плохо, если КПД его невысок, то выходит, что учеба проводится ради учебы.

Именно на таких сборах, судя по письму, и побывал товарищ Ю. Ильин. И прежде всего его возмутила бессодержательность занятий по боевой и политической подготовке, вылившаяся в конечном итоге в пустое времяпровождение.

Бессмысленность таких сборов для автора письма очевидна. А вот товарищи, ответственные за их проведение, этого не видят. Или не хотят видеть.

Ответа по существу затронутого товарищем Ю. Ильиным вопроса не получили ни автор, ни редакция. А потому оставим его открытым...

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Скажу откровенно, очень мы переживали, что служить наш Саша попал во внутренние войска: чего только не пишут о них в печати! Не выдержала я, решила съездить к сыну. Как говорится, лучше один раз самой увидеть, чем

слушать всякое. Посмотрела — и глазам не поверила. Всюду в подразделении чистота, порядок, уют. Ребята все дружные, неразлучные, не поймешь, кто из них первогодок, а кто старослужащий. И ведь такая обстановка здесь бла-

годаря командирам. Спасибо им за это. Хочу, чтоб дошла моя благодарность до них.

А подразделение, где служит сын, расположено в Днепропетровске.

Мать рядового
Александра Романова.

г. Ульяновск.

583

СНОВА РАНЫ, СНОВА КРОВЬ

ПРОЗРЕЙТЕ!

Сначала несколько рассказов участников событий в Кишиневе 10 ноября 1989 года.

Рядовой Игорь ШЕВЧУК:

— Нам кричали из толпы: «Фашисты! Оккупанты! Скоты!». Все, кого я видел перед собой, были пьяны. Летели камни, бутылки... Рядом со мною взорвался взрыв-пакет. У меня сотрясение мозга и сильный ушиб шеи.

Рядовой Игорь ОРЛОВ:

— Видел, что в рядах экстремистов были только молодые люди. У многих в руках — металлические прутья. Они били нас по щитам и каскам. Около меня упала и разбилась бутылка с песком. Пока прочищал глаза — раздался взрыв. Я потерял сознание.

Рядовой Виктор ВЫСОЦКИЙ:

— Камни летели в нас. Бросала первая шеренга и тут же уступала место второй. Чтобы снова запастись камнями. В какой-то момент я оказался в толпе нападавших. Вытащили меня наши ребята. Они да мой бронезилет спасли мне жизнь...

Эти и другие свидетельства участников событий можно услышать в госпитале МВД Молдавской ССР, в котором на излечении находятся 36 военнослужащих внутренних войск. Двое из них в тяжелом состоянии. Рядовой Олег Радченко лежит в центральной городской больнице. Как говорят специалисты, солдат может лишиться глаза.

Рассказы военнослужащих комментирует главный врач госпиталя капитан медицинской службы Юрий Павлович **БОГАТЫЙ:**

— Ночью 10 ноября к нам стали поступать раненые, в основном солдаты внутренних войск и сотрудники отряда милиции особого назначения. Их доставка в госпиталь была сопряжена с большими трудностями. Выходы из Министерства внутренних дел были блокированы экстремистами. Немалого труда стоило прорваться через обезумевшую, бесчинствующую толпу.

Диагнозы в основном такие: ушибы и раны от колющих предметов и камней, закрытые черепно-мозговые травмы.

Все доставленные находились в сильном стрессовом состоянии. Они и сегодня еще не отошли от шока той страшной ночи. Воины окружены заботой и вниманием, и не только со стороны медицинского персонала. Их навещают представители трудовых коллективов. Кишиневцы горячо благодарят воинов за то, что в критический момент, рискуя жизнью, встали на защиту правопорядка в городе, дали отпор экстремистам.

Полковник В. ТАРАН.

ВОПРОС РЕБРОМ

ГОРДИТЬСЯ НАДО... *не*

Отслужив, некоторые солдаты, сержанты на полном серьезе обсуждают, в чем ехать домой — в гражданской одежде или в форме СА! Я не поддерживаю таких настроений, более того, осуждаю их. Да, есть объективные причины у увольняющихся ребят для подобных вопросов и сомнений. Виною тому и газеты, журналы, формирующие подчас вокруг нашей службы неверное общественное мнение. Однако убежден: если два года на твоих плечах были погоны с буквами ВВ, то стыдиться тут нечего. Мы гордиться должны, что прошли нелегкую, а для многих и суровую школу внутренних войск.

Рядовой С. САМАРИН.

Погиб рядовой Сергей Вальков. На солдатской могиле гранитное надгробие появится, видимо, не скоро: Сережина мама, одинокая женщина, лежит в больнице, разбитая параличом... Проходя мимо скромного обелиска, вряд ли кто догадается, разве что по фотографии, по буквам ВВ на погонах, как оборвалась жизнь рядового Валькова. Погиб Сергей в схватке с матерым рецидивистом, имеющим три судимости. Одну из них — за убийство...

Когда вижу на экране телевизора преступника-убийцу, которого нам подают как «жертву социальной несправедливости», охватывает негодование. Нет оправдания преступлениям! Преступник он и есть преступник, у него нет ни души, ни сердца. Он переступил в себе то, что переступить нельзя. Вполне допустимо, что когда он выйдет на свободу, то снова вернется на тропу злодеяний...

Все ли понимают это! К сожалению, нет. Результат такой «пропаганды» налицо. У тех, кто находится за решеткой, в «местах не столь отдаленных», сегодня много сочувствующих, которые наивно полагают, что преступниками становятся «по слабости характера», «из-за несчастного детства», «из-за несчастного детства», винят во всем общество. Прозрение наступает чаще всего, лишь когда они сами становятся жертвами лиц из преступного мира.

Как человек, отдавший внутренним войскам пятнадцать лет жизни, как солдатский депутат, присоединяюсь к тем немногим, кто требует: усилить меры борьбы с преступностью! Иначе будут новые жертвы, будут гибнуть военнослужащие внутренних войск. На боевых постах. А их матери преждевременно сесть от горя.

Н. ФЕТКУЛИНА.

В ЧАСТЬ НА ПРАЗДНИК

По приглашению командования мы, родители молодых воинов, побывали в части, где служат наши сыновья. Признаться, ехали туда с противоречивыми представлениями о внутренних войсках: уж слишком сложный сейчас период переживают они. Однако то, что мы увидели, и успокоило, и обрадовало нас.

Встретили нас тепло. Офицеры А. Михайлин, В. Финогенов, А. Горбунов, И. Коржиков, В. Вольнов, которые непосредственно занимаются обучением и воспитанием пополнения, познакомили

со спецификой службы, бытовыми условиями, организацией учебно-воспитательного процесса личного состава. Понравилось нам, что новички окружены заботой и вниманием, что они попали в обстановку строгой дисциплины и четкого порядка. И пришла уверенность, что ребята пройдут здесь хорошую жизненную школу.

С уважением и благодарностью родители молодых воинов
**Ю. КОТЕЛЕВСКИЙ, М. ПОНОМАРЕВА,
М. ЯЦЮК.**

УВВ по Западной Сибири.

НЕДОУМЕННОЕ ПИСЬМО

МЫЛО НЫНЧЕ — ДЕФИЦИТ...

В период, когда мыло практически полностью исчезло с прилавков магазинов, в том числе и войсковых, меня и моих сослуживцев, прапорщиков - ремонтников, заинтересовал во-

прос: почему, собственно, нам его не выдают на рабочих местах? Известен приказ МВД СССР от 1973 года об обеспечении мылом личного состава. Однако наши специальности в его пе-

речне отсутствуют по той простой причине, что организации типа нашей формировались позже...

По заявлению тыловых работников части и ревизора Московского окружного управления материально - технического и военного снабжения, для сантехнических надобностей прапорщикам, специалистам ИТСО, мыло не положено даже в туалеты. Вот так! А чем же нам все-таки мыть руки, когда его нет в свободной продаже? Ведь постоянно приходится работать с флюсами, пайкой, хлорным железом, заниматься чисткой, окраской, упаковкой аппаратуры, слесарными работами... Так что без мыла, как говорится, «и не туды и не сюды». Помогите, пожалуйста, разрешить «мыльную» проблему.

Прапорщики В. ВНУК,
Н. РАЗДОБУДЬКО
и другие.

Приволжское УВВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы поинтересовались у снабженцев: как в действительности обстоят дела с обеспечением мылом прапорщиков-ремонтников! За подписью заместителя начальника ГУМТивС МВД СССР В. Бессарабова пришел ответ, разъясняющий, что согласно названному в письме приказу прапорщикам внутренних войск положено выдавать на туалетные надобности мыло туалетное 200 граммов в месяц на человека. Денежная компенсация в таком случае не выплачивается.

Этим же приказом военнослужащим-специалистам воинских частей, постоянно выполняющим загрязненные работы, предусмотрено на санитарно-гигиенические надобности выдавать 200 граммов мыла хозяйственного 60-процентного в месяц на человека (перечень лиц, постоянно выполняющих загрязненные работы, определяется комиссией войсковой части).

Ну вот, оказывается, все предельно ясно! И теперь все встанет на свое место.

Не тут-то было! Прапорщики вновь обратились в редакцию: все, что нам сообщили, давно всем известно. А мыла-то у нас так и нет...

Интересно, а что думают по этому поводу в Приволжском УВВ! Может быть, проблемы прапорщиков объясняются не столько дефицитом мыла, сколько недостаточной компетентностью конкретных должностных лиц, отсутствием надлежащей заботы их о подчиненных!

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Понимаю, что квартиры всем сразу дать невозможно. Но надежда-то у людей должна быть! Это я о том, что по крайней мере в очередь на квартиру можно бы записаться. А вот у нас

очереди вообще не существует. Сначала записали нуждающихся в подразделении, потом в ИТУ, потом оттуда опять выбросили нас. И тишина. И никто из командования ничего пояс-

нить на этот счет не может. Или не хочет? Помогите хоть надежду обрести — встать в очередь!

ИВАНОВА Нина Викторовна
Коми АССР.

582
583
584

КАК ОБУЗДАТЬ «БУМАЖНОГО ДЖИНА»?

Ни для кого не секрет, что наш офицер, кроме своих прямых служебных обязанностей, должен еще уметь писать плакатным пером, рисовать, чертить и даже печатать на машинке. А кто не умеет этого, тому приходится пользоваться услугами подчиненных.

Журналы учета боевой и политической подготовки, выисканий и поощрений, списки по мерам безопасности, доведения приказов, описи оружия, имущества, план совершенствования учебно-материальной базы, схемы маршрутов движения личного состава на учебные занятия, закрепления помещений и территории для уборки — вот далеко не полный перечень документов, которые надлежит аккуратно и в срок исполнять офицеру. А теперь прибавьте к ним план партийно-политической работы, планы проведения занятий, конспекты работ классиков марксизма-ленинизма и партийных документов, подготовку различного рода сведений с процентами, особенно по организации социалистического соревнования... Вот на что уходит львиная доля служебного времени. Согласитесь, тут уж не до близости к людям. Да за нее как-то не всегда и спрашивают. Иным проверяющим нет дела до реальной обстановки в подразделении, им «справные» бумажки подавай...

Порою бумаготворчество доходит до абсурда. Вышестоящие политработники, например, не признают методических разработок в помощь руководителям групп подотрядов, публикуемых в журнале «На боевом посту». Требуют развернутый конспект, этак страниц на 6—8.

Возникает вопрос: можно ли бороться с ненужными бумагами? Уверен, можно. Например, в нашей учебной части офицеры Б. Биккинин, А. Березовский на методическом совете предложили разработанные ими комплекты учебно-тренировочных карт по каждому предмету обучения. Карты эти заключают в себе весь объем информации, нужной для успешного проведения того или иного занятия. При подготовке к нему командир взвода (роты) пишет только небольшой план. Необходимость в длинных, подробных конспектах отпадает сама собой. Хороший пример творческого подхода к делу. Но ведь это лишь капля в море.

А что думаете по этому поводу вы, дорогие товарищи? Какой опыт есть у вас в обуздании «бумажного джина»?

И еще. Неужели нельзя сделать какой-нибудь универсальный журнал офицера, чтобы он включал и всю отчетность, и всю писанину?

Старший лейтенант А. САЧЕК.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Большое спасибо работникам редакции за то, что журнал наш стал интереснее, что его теперь с нетерпением ждут в подразделениях.

Считаю целесообразным объявить конкурс на лучший материал в номере, на наиболее популярную публикацию за определенный период — за квартал, полугодие, год. Результаты конкурса (а может быть, анкетирования) хорошо бы регулярно доводить до читателей.

Майор Е. ГЕЙХМАН.

КАК ИЗМЕНИТЬ КВАЛИФИКАЦИЮ?

Майор Б. Параднюк, капитаны В. Гусев, В. Журавлев, С. Винокуров, старший лейтенант Е. Уласевич, окончившие в разные годы Высшее политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, спрашивают: можно ли им получить взамен имеющейся новую квалификацию, ту, что присваивается нынешним выпускникам?

Разъяснение по этому вопросу дает начальник отделения по работе в вузах Политического управления внутренних войск МВД СССР кандидат исторических наук, доцент полковник А. ГУРНАК.

Приказом Минвуза СССР № 127 от 17 февраля 1987 года организована специальность «Партийное и советское строительство». Это нашло отражение в новом учебном плане Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, куда были внесены соответствующие изменения. В нем, в частности, предусмотрена теперь специальность «Военно-политическая, партийное и советское строительство», а также квалификация — «Офицер-политработник с высшим военно-специальным образованием, преподаватель обществоведения и научного коммунизма» вместо специальности «Военно-политическая, общевойсковая» и квалификации «Офицер с высшим военно-политическим образованием».

Изменение квалификации выпускников училища повлияло как на структуру, так и на содержание учебного плана. Вот почему новым квалификационным требованиям ранее окончившие данное учебное заведение офицеры не соответствуют.

Получить аналогичную квалификацию можно в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и в высших партийных школах.

ПОМОЩЬ ПОДОСПЕЛА ВОВРЕМЯ

Стихия разыгралась не на шутку. Весь день и ночь лил проливной дождь. По улицам текли бурные потоки.

На железнодорожный вокзал одна за другой прибыли четыре электрички и поезд «Москва—Владивосток». Городские автобусы и трамваи не могли пробиться сквозь сплошной поток воды на улицах. И тогда на помощь пассажирам пришли воины внутренних войск.

Первыми прибыли на железнодорожный вокзал сержанты В. Лауб, В. Величко, А. Баг-

люк, И. Липейко, А. Юнгман. Под руководством офицеров С. Бакшутова, А. Кравченко, В. Воробьева всю ночь до утра они перевозили граждан от вокзала до улиц Балева, Луговой, до бухты Тихой.

Городской штаб борьбы со стихией выразил благодарность воинам, оперативно откликнувшимся на это бедствие.

Майор С. ЗАЙЦЕВ.

...А О ПОЖАРЕ УМОЛЧАЛИ

Давняя дружба связывает часть, где служит офицер В. Гусев, с подшефным совхозом «Железнодорожный». Как-то осенью его директор обратился к воинам с просьбой оказать содействие в заготовке сена. Помочь сельчанам вызвались свободные от службы прапорщики Т. Шишляникова, Л. Тарасова, Г. Радионова, Н. Рябоконе, младшие сержанты М. Мельничук, Г. Слюсарь, рядовые И. Иванова, Л. Реме-нюк и служащая Н. Кухарева.

Потрудились женщины на славу, дневную норму выполнили быстро. Об этом и доложили, возвратившись, командиру. А

спустя несколько дней позвонил секретарь парткома подшефного хозяйства В. Евченко. От души поблагодарил за хорошую работу подчиненных и за... смелость и решительность, проявленные ими при тушении пожара. О том, что по дороге в поле пришлось вступить в поединок с огнем, грозившим уничтожить большой участок леса и совхозные постройки, девушки скромно промолчали.

Это ведь о таких женщинах в свое время сказал поэт: «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...»

Майор М. ЛАРИЧЕВ.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

«ПРОКАТИЛИ... КОМАНДИРА» (1989, № 7)

В ответе начальника политотдела войск по Средней Азии и Казахстану сообщается, что в статье в основном правильно изложена суть возникшего конфликта. В настоящее время обстановка в части нормализуется, в ней сменились командир и его заместитель

по политической части. Что же касается майора Н. Кравченко, то, согласно Положению о прохождении воинской службы офицерским составом Вооруженных Сил СССР, по достижении предельно установленного срока он в новом порядке будет уволен в запас.

«НА СЛОВАХ ОДНО,

А НА ДЕЛЕ...» (1989, № 9)

Начальник политического отдела внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР сообщил, что при проверке по письму Пух Людмилы Николаевны подтвердились факты невнимательного отношения со стороны командования и политического отдела части к ее мужу — воину-интернационалисту. Подполковникам П. Ма-

хотину и В. Бойко строго указано на это. Состояние работы с семьями воинов-интернационалистов, удовлетворение их нужд и запросов рассмотрено на совещании командования и в политическом отделе части. Намечены конкретные меры по повышению качества этой работы.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

585
586

ПО-ДЕЛОВОМУ РЕАГИРОВАТЬ НА КРИТИКУ

В восьмом номере нашего журнала была опубликована корреспонденция «Избирательное милосердие, или Ночные дела «дневной роты», в которой речь шла об издевательствах над рядовым П. Турехановым и некоторыми его сослуживцами.

Начальник политотдела части майор А. Жук, зная о нездоровой обстановке, возникшей вокруг солдата, мер никаких не принял, не поставил конкретную задачу политработникам батальона и роты. В результате нездоровые силы подразделения начали травлю солдата. Не выдержав массированных нападков и обвинений в свой адрес, рядовой Туреханов на посту нанес себе смертельное ранение в живот.

После происшествия майор Жук все свои усилия направил на то, чтобы сделать виновным во всем журнал «На боевом посту», утверждая, мол, публикация так сильно подействовала на Туреханова, что он решился на крайний шаг.

Неверную позицию занял и начальник политического отдела полковник Н. Картамышев. Вместо того чтобы дать принципиальную оценку явным просчетам в работе подчиненного ему политоргана части, лично тов. Жука, назвать истинную причину происшествия, — а состоит она в том, что и на новом месте службы Туреханова постоянно избивали, — он обвинил журнал в тенденциозности подачи материала, требовал разделить поровну ответственность за происшедшее.

Политотдел УВВ по Северо-Западу и Прибалтике также не преминул сослаться на выступление в журнале, тем самым попытался увести от ответственности непосредственных виновников тяжелого ЧП, а заодно и выгородить себя.

Обо всем этом состоялся острый разговор на совещании в Политуправлении внутренних войск МВД СССР, на котором были заслушаны отчет майора А. Жука и сообщения заместителя начальника политического отдела полковника В. Шелудько, заместителя начальника политотдела УВВ по Северо-Западу и Прибалтике полковника В. Сатуридзе, члена редколлегии журнала — начальника отдела войсковой жизни

подполковника В. Кузьменко, помощника начальника Политуправления войск по работе среди комсомольцев подполковника В. Шошина.

Подводя итоги обсуждения вопроса, член Военного совета — начальник Политического управления ВВ МВД СССР генерал-майор А. И. Гриенко сказал, что опубликованная в журнале «На боевом посту» корреспонденция «Избирательное милосердие, или Ночные дела «дневной роты» является своевременной и правильной. В ней всесторонне вскрыты причины низкого состояния воинской дисциплины в части, остро поставлен вопрос о личной ответственности офицеров, их чести, достоинстве, порядочности, примерности в борьбе за крепкую дисциплину.

И не она, а бездушие командиров и политработников части, и в первую очередь майора А. Жука, нездоровая обстановка здесь и наличие большого числа происшествий в основном на почве неуставных взаимоотношений — вот истинные причины случившегося. Поэтому есть необходимость глубоко проанализировать работу майора А. Жука, сделать заключение о его профессиональной пригодности в занимаемой должности.

Политическое управление предложило политорганам, партийным организациям извлечь уроки и сделать выводы из фактов, имевших место, в связи с публикацией в журнале «На боевом посту» критического материала. В этих целях на совещаниях в политотделах, парткомах, первичных партийных организациях проанализировать состояние работы по реагированию на критические выступления в печати. Усилить воздействие на руководителей, которые не до конца еще осознали, что сегодня отношение к критике в средствах массовой информации — серьезный показатель их позиции в перестройке, развитии гласности и демократии.

Редакция журнала «На боевом посту», войсковых и многотиражных газет настойчиво добиваться действенности своих публикаций, принятия конкретных мер к тем, кто пытается оградить себя от справедливых замечаний, уверовал в свою непогрешимость, устраивает гонения на посмеявшихся вынести сор из избы.

Повсеместно наладить жесткий контроль за соблюдением сроков, установленных для ответов на критические выступления средств массовой информации и пропаганды, принять меры для снятия аналогичных болевых точек на местах.

Одновременно обращено внимание редакции журнала на необходимость обеспечивать более оперативное прохождение материалов.

ЦК КОМСОМОЛА

Из выступления капитана С. ДЕМИДЕНКО, помощника начальника политотдела внутренних войск МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью по комсомольской работе

...В стране целые народы находятся в изгнании, это тысячи обездоленных. А мы, участники пленума и члены ЦК, даже не даем этому явлению своей оценки. Не пытаемся разобраться в причинах, спихнув все на застойные времена. По существу, мы заняли позицию стороннего наблюдателя. Считаю необходимым в принимаемых сегодня заявлениях дать соответствующую оценку Центральным Комитетом деятельности комсомола союзных республик Закавказья.

Сегодня многим очень понятен термин «междоусобная война»—эта война проверяет на крепость нашу партию, комсомол, всю государственную систему. Как очевидец этих событий, скажу, конца этой проверки пока что не предвидится. И прежде всего потому, что вся тяжесть и ответственность за нормализацию обстановки лежит только лишь пока на солдатах и офицерах внутренних войск. Сегодня это единственная реальная сила, способная хоть как-то удержать нашу страну от большой трагедии. Вам известно, какая травля внутренних войск началась после 9 апреля в Тбилиси. По телевидению, в печати, а также на одном из наших пленумов даже с использованием видеофильма. Тогда мы подверглись грубым нападкам со стороны товарищей из Грузии. Но честь офицера, личное достоинство не позволяли нам ответить тем же самым. Руководство же ЦК ВЛКСМ тогда заняло нейтральную позицию, явно не утруждая себя какими-либо выводами. Практически оно отказалось от своих же комсомольцев в форме именно тогда, когда нам была нужна поддержка.

...Я недавно прибыл из Степанакерта. В НКАО уже сегодня исчерпаны запасы продовольствия, горючего, медикаментов, а впереди зима. Наши солдаты делают все, чтобы предотвратить массовый голод.

В то время как солдаты после службы выходят на хозяйственные работы, местные мужчины целыми днями играют в нарды, ведут беседы у своих домов. Кроме продовольствия и топлива, в НКАО не поступает центральная пресса. Блокада стала средневековым методом достижения целей.

Комсомольская работа в особом районе имеет свои особенности, и вести ее необходимо совместно с гражданским комсомолом. Однако, к сожалению, первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома комсомола так и не принял офицера, комсомольского работника капитана Сергея Гололобова, продержав его за дверью собственного кабинета. Еще нас тревожит растущая агрессивность по отношению к военнослужащим. Например, за голову командира взвода подразделения спецназ («краповые береты») лейтенанта Игоря Семина азербайджанские экстремисты дают 50 тыс. рублей. Об этом говорится открытым текстом и выкриками из толпы, плакатами и записками.

Но долго ли еще нам, солдатам, расплачиваться тяжелым физическим трудом, нервами, здоровьем и жизнью за бездеятельность, попустительство и национальное ослепление местного руководства закавказских республик.

Конечно, значительно легче двигать вперед войска, чем убеждать, вести диалог, влиять словом и примером, а при осложнении все сваливать на эти войска. Я отношусь это и к секретарям ЦК комсомола союзных закавказских республик.

Выйдите сюда на трибуну, скажите честно: чем вы занимаетесь, есть ли у вас авторитет или, может быть, его нет! Уж мы-то знаем, чего стоят комсомольские лидеры ваших организаций в экстремальных ситуациях. Я хочу спросить сейчас у товарища Гогиберидзе, где и когда появилась черта надругаться над памятью людей в Грузии, где был ваш актив, когда с петлей на шее среди бела дня по проспекту Шота Руставели волокли в сопровождении беснующейся толпы памятник Серго Орджоникидзе! Когда аналогичный памятник громили в Кутанси напротив автомобильного завода! То же самое сделали с памятником Сергею Мироновичу Кирову,

ОКАЗАЛСЯ В СТОРОНЕ

надругались над памятником Ленину. Вы случайно не привезли нам сюда видеокассеты с изображением и сюжетами вандализма с участием молодежи! Мы ознакомлены с заключением Верховного Совета Грузинской ССР по расследованию событий 9 апреля, в нем говорится, что внутренние войска избивали милицию, медицинских работников за то, что якобы те хотели оказать помощь пострадавшим. Почему же такой острый сюжет не зафиксировали на вашу видеопленку! Наверное, вы бы уж постарались.

В этом заключении названы три основных виновника трагических событий: это бывшие секретари ЦК — Патишвили и Никольский, войска в лице генерала Родионова и Ефимова. А остальные ни при чем. В том числе и ваша фамилия упоминается, как выступающей за диалог. Ну почему же вы тогда не выступили перед людьми до начала трагедии, не призвали к благоразумию! Я предвижу аргумент некоторых участников пленума, что якобы Тбилиси — это не Фергана и не Сумгаит. Но, товарищи, кто из вас может сказать заранее, что это Сумгаит, или Тбилиси, или Фергана! У нас есть фильм по сюжету из Ферганы, где трупы валяются в арыках, видны следы погромов и насилия в населенных пунктах. Мы можем его на следующий пленум предоставить вашему вниманию. У многих из вас мнение несколько изменится о той силе, о которой некоторые люди считают, что она якобы подавляет демократию. И еще можем показать фильм с участием товарищей Васильева и Сахарова, когда они встречались с нашими солдатами из дивизии им. Дзержинского. К сожалению, большинство средств массовой информации, приглашенные на эту встречу, решили не публиковать данный материал.

Я обращаюсь к комсомольским лидерам ЦК Армении и Азербайджана. В средствах массовой информации Армении во всех грехах винят лишь войска, а в их лице Министра внутренних дел Бакатина и начальника войск генерал-полковника Шаталина. С другой стороны, в Азербайджане делается все, чтобы дальше разжечь национализм и еще туже затянуть петлю вокруг НКАО. Одним словом, ни малейшей готовности к компромиссам. Но во что это выльется! Мы стоим, товарищи, на краю большой трагедии, тут не помогут никакие внутренние войска, тем более что наши права очень ограничены, а о нашей собственной социальной защищенности даже не приходится и говорить. Реальность такова, что мы сегодня даже не всегда можем защитить семьи наших военнослужащих. Нельзя больше делать вид, что вроде бы ничего не происходит. Я удивляюсь, почему здесь не выступает помощник по комсомолу Закавказского военного округа. Наверное, у него тоже есть что сказать. Давайте, наконец, покажем пример нашим старшим товарищам по партии, попытаемся разобраться в сложившейся ситуации на уровне хотя бы комсомола. Сделаем попытку урегулировать и нормализовать отношения.

Я обращаюсь к ЦК ВЛКСМ: вы не можете быть одинаково для всех хороши, пора определить свою позицию.

На VIII пленуме я направил первому секретарю ЦК записку, где писал: 28 февраля прошлого года началась трагедия в Закавказье, вы помните, это был Сумгаит. Михаил Сергеевич Горбачев сказал, что мы опоздали там на 2—3 часа. Имеет ли первый секретарь ЦК ВЛКСМ собственное представление о событиях в Закавказье и о состоянии комсомола там! Прежде чем делать доклад и анализировать ситуацию в комсомоле, нашел ли он хоть раз время выехать туда, чтобы встретиться с местной молодежью, с солдатами, комсомольским активом! Этот вопрос я задаю от имени солдат внутренних войск. Виктор Иванович, ваш авторитет в войсках, прямо скажу, не велик. Неужели мы так и дальше будем отсиживаться за спинами в бронешилетах и щитами солдат внутренних войск!

В заключение хочу выразить благодарность первому секретарю Абхазского обкома комсомола Дауру Киуту за его содействие войскам в наведении общественного порядка. Должен сказать, что это настоящий мужчина, который смело идет в толпу, беседует с людьми, солдатами, не боясь ничего. Именно такие ребята должны работать в нашем ЦК.

Спасибо за увековечение памяти наших ребят, погибших в Очамчирском районе Абхазии. Хотелось бы дожидаться того же и от комсомольского актива г. Агдама Азербайджанской ССР. Несмотря на угрозы и немалую опасность, корреспонденты ростовской областной газеты «Комсомолец» Александр Лезвин и Юрий Гармаш побывали во всех самых опасных точках Закавказья. Мы благодарны за их правдивый и интересный материал о нашей службе...

[Комсомольская правда, 31 октября, 1989 г.]

52 часа на колесах

Вашему вниманию предлагается репортаж редактора молодежной газеты «Тюменский комсомолец» Анатолия КОСТРОВА. Вместе с плановым караулом он почти трое суток был в пути. Познакомился с военнослужащими войск, с характером выполняемых ими задач. О виденном, услышанном, обо всем пережитом в спецвагоне журналист написал три больших аналитических материала. Не скроем: позиция автора репортажа вызывает симпатию и доверие, тем более что не часто молодежная пресса бывает объективна и беспристрастна в освещении жизни военнослужащих внутренних войск.

ЭТОТ случай не связан с поездкой в спецвагоне. О трагедии, происшедшей в селе Хоржа Арык Ферганской области, 24 июля рассказала «Социалистическая индустрия». Цитирую:

«...Над селом полыхнул столб огня. Муслим завел мотор и на мотоцикле дважды проехал по телам. Раздался хруст костей и хриплые стоны.

...Молодчик плеснул бензином на мужчин и приказал Ахаджону: «Теперь ты да и другие тоже». Семеро по очереди обливали бензином корчившиеся тела, потом полыхнуло пламя.

— А кто с турчанкой побаловаться хочешь? — крикнул «файзабадский», и Гулмомжан, не задумываясь, бросился к окровавленной женщине. Потом сожгли и ее.

Погибла семья турок-месхетинцев. И никому было защитить ее от бесноватейской дикой толпы. Не нашлось таких. А помощь пришла слишком поздно. Трудно представить число жертв жестоких до безумия расправ, если б не подразделения внутренних войск. Солдаты заслонили собой, как живой стеной, женщин, детей, стариков. Под градом камней разлетались вдребезги импортные плексигласовые щиты, а они стояли. Стояли, стиснув зубы...»

ОНИ СТОЯЛИ, стиснув зубы. А в окна летели камни. Звон и брызги разбитого стекла. Так нас провожали в Нижневартовске. Прибыли мы сюда ранним утром. Пока сбегали на железнодорожный вокзал, чтоб отметить командировки, подвезли партию осужденных. Их уже ожидали родители, друзья. Как

всегда, у вагона образовался круг, удерживать который на расстоянии довольно трудно. Но почему-то не на крикливую, возбужденную толпу обратил внимание младший сержант городского отдела внутренних дел, а на нас с Ефимовым. Показали редакционные удостоверения — не положено, отойдите! Достали служебное предписание, хотя нигде раньше до этого не доходило, — не положено!.. Ну очень, надо отметить, решительный и настойчивый младший сержант. Пришлось подчиниться. Ефимов «щелкнул» его на память, и я было подумал, что с такими блюстителями порядка мы, пожалуй, обломаем рога любому черту-мафиози.

Разобравшись с бумагами, капитан Тома без суеты определил своих подопечных по камерам. Так же быстро заняв «купильные» места, те прильнули к решеткам. Последняя возможность увидеться и переговорить с родными. Безутешные слезы матерей. Кичливо-напускная бравада оставшихся на воле коршей.

— Мишка, слушай сюда! Во-первых, съезд в нашу пользу — будут освобождать от трех до пяти. Во-вторых, в апреле 120 лет со дня рождения Ленина — будет амнистия. И, в-третьих, смотри не нарушай режима. Понял?

— Эй, на, передай им сигареты, пусть хлопцы покурат. Эй, тебя же просят, будь человеком! Ну, сука продажная!

Службу в этот час несли Виктор Лебедь, Саша Очеретяный, Эдик Ходаев и Виктор Плотников. Абсолютно не реагируют на ругань. Ходят по вагону — два шага вперед и разворот. Два шага назад — и разворот. Как мятники, с застывшими, невозмутимыми лицами. Это, похоже, ужасно злило парней с улицы. Внешне спокоен и капитан.

— Минут через пять трогаемся. Лишь бы стекла опять не побили, хотя стекла — чепуха. Заменят. Пойду скажу караулу, чтобы между окнами встали, не дай бог, кого заденет. И милиция — не уехала еще? — надо попросить помочь.

Тома вышел, а я посмотрел налево, посмотрел направо: где ж ты, сержант? Си-дишь поодаль, закрывшись с коллегами в «уазике», и выжидаешь, когда наступит «финита ля комедия».

Честное слово, жаль, что не приходят провожать «столыпин» жертвы уголовников: искалеченные, обворованные, ограб-

БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

денные, униженные. Если б это они с такой же ненавистью бросали камни в своих обидчиков, я б еще мог понять. А в чем вина ребят, призванных во внутренние войска, принявших присягу и несущих чрезвычайно важную службу по защите Отечества от внутреннего врага? Он есть, этот враг, и не судите строго за столь громкое и режущее слух слово. Таковым, на мой взгляд, следует считать каждого, посягнувшего на главное богатство страны — на жизнь гражданина СССР, на его священные и неотъемлемые права по неприкосновенности и безопасности личности, жилища, имущества. Прогрессирующие в обществе глухота, равнодушие к чужой беде усугубили положение, способствуют росту преступности и различных правонарушений. Пришла, по-моему, пора дефицита не колбасы и мыла, а добра и человечности. Здесь нам, к сожалению, талоны не помогут. Одна надежда — на милицию да на внутренние войска, о которых вспомнили и заговорили после массовых беспорядков в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Тбилиси, Фергане, Казахстане...

Если представить командира роты капитана Николая Тимофеевича Тому как положено, то это будет звучать довольно солидно и серьезно: начальник караула. В 1977 году он был призван в войска, затем остался прапорщиком на сверхсрочную. Экстерном закончил Высшее политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР. Шесть месяцев учебы, экзамены, и 4 июля 1982 года примерил лейтенантские погоны. Женат. Вот и все подробности. Мы особо-то и не лезли человеку в душу, старались больше узнать о службе. Николай ничего не скрывал, хотя мог бы ответить, как зачастую случается у военных, одним словом — вот устав, по нему и живу. В принципе это будет правильно, поскольку в уставе все разложено по полочкам: «от» и «до». Здесь многочисленные инструкции, права и обязанности на все случаи жизни. Среди них я бы особо выделил одну обязанность для командира — заботу о подчиненном. Помню, старшина, отправляя во внеочередной наряд на кухню, любил поговаривать: это тебе, чтоб служба медом не казалась. Вряд ли кто обнаружит во внутренних войсках даже запах меда. Вот что рассказал представитель командования П. Контаренко:

— В прошлом году нам значительно, на 40 процентов, сократили бюджет и численность, а количество постов осталось прежним. Нагрузка значительно возросла и на солдат, и на офицеров. Положено, например, три человека на один пост, у нас же посты двухместные, то есть военнослужащему приходится нести службу в течение двенадцати часов вместо положенных восьми. Учтите время на дорогу к посту и обратно, на подготовку, на прием-сдачу караула. Осложняет дело и неравномерный призыв на службу в войска. Увольняем, допустим, в запас половину личного состава, а заменили его всего лишь на 25 процентов. Солдат практически все сутки проводит на посту. Спит урывками, дурет от замкнутости, одиночества. Какие уж тут, к черту, режимы и биоритмы. У осужденных есть выходной день, но охрана в

это время обязана быть на месте. А как солдат проводит воскресенье! Подъем в семь часов — на час позже обычного. С девяти до четырнадцати часов — подведение итогов за неделю, просмотр, причем по рекомендации Политуправления, в обязательном порядке телевизионной передачи «Служу Советскому Союзу!». Остается еще два часа. Нужно подготовиться к несению службы, успеть написать письмо, постирать обмундирование и... прорезать кросс на один-три километра. После такого вот отдыха вновь на двенадцать часов на вышку. Удивительно ли, что, вернувшись домой, солдат долго не может спокойно спать по ночам, ошалело вскакивает с кровати, пугая родных. Да о чем говорить, если действуют приказы, изданные еще до 1967 года, а нормы и принципы комплектования войск остались практически послевоенные. Все это в совокупности приводит к психологической неустойчивости молодых парней.

Как бы там ни было, но Саша Очеретяный особо не жалеет о том, что попал служить именно сюда.

Пришла, по-моему, пора дефицита колбасы и мыла, а добра и человечности. Здесь нам, к сожалению, талоны не помогут. Одна надежда — на милицию да на внутренние войска...

— Здесь я многое увидел, многое узнал, разобрался в людях. Скажи вот, как мне относиться к тому, кто отца убил, сестру изнасиловал? Ну как, как можно сестру обесчестить? Или вот случай был: один подонок изнасиловал пятилетнюю девочку, потом избил ее на куски и в топке сжег. Да, нас порой обвиняют в чрезмерной жестокости по отношению к преступникам, только надо задуматься и над тем, а что у большинства из них человеческого осталось?

— В Сургуте как-то стояли. Подбегает женщина и в окно кулаком стучит: «Что ж вы русских-то убиваете?!» Ну давайте откроем камеры, пожалеем их, выпустим на волю... Они, разумеется, скажут спасибо. А люди что скажут? Страна в преступности повязла, как в болоте!

Это уже Андрей Старыгин. Призывался из Свердловска, учился в лесотехническом институте. Полтора года провел в карауле, а перед «дембелем» определили его в кашевары.

— Перед «гражданкой» хоть готовить научился, теперь с голоду не помру, — шутит Андрей, поставив на стол изготовленный в походных условиях торт. Этого, честное слово, я не ожидал! Однако никакими кондитерскими изысканиями не подсластить горькую пилюлю от вынужденного общения с осужденными.

Эдик Ходаев откровенно признается: «Службу нести тяжело. Особенно в пер-

вое время. Ничего не снилось, пуста была... А сейчас уже гражданские сны — дом снится, домой вот-вот. Успокоятся хоть родные. После «Случая в спецвагоне» ко мне мать приезжала, спрашивала со слезами: «Как же так вы здесь служите?» А после событий в Тбилиси нас вообще за скотов считают, хотя всякий, прослуживший в ВВ, ничего плохого о войсках не скажет. Здесь мы воочию увидели преступный мир и расскажем пацанам о всех «прелестях» тюремной романтики. Мне кажется, что тот, кто провел много лет за решеткой, никогда уже не станет нормальным человеком. Если ты попал сюда, тебя миглом обрабатывают и убеждают: правительство наше, менты — все сволочи и козлы. Спросите у зеков: чем займешься на воле? Никто не ответит: буду жить и работать честно. Его, в лучшем случае, за это откровенно побьют. Был тут один парень, которого, в сущности, ни за что посадили. За мелочь какую-то. В первые дни, и это было заметно, переживал, страдал, раскаивался. Потом осмотрелся, пообвыкся, скумекал что к чему и говорит: «Воровал и буду воровать дальше, нигде нет справедливости». Тут ко всему привыкаешь: и к оскорблениям, и к ругани. В принципе, любому из нас послать кого угодно и куда угодно — нет проблем. Только не пиши об этом — не так поймут...»

Не волнуйся, Эдик, я думаю, поймут тебя правильно. Как должны понять и то, что существование самих внутренних войск — это не прихоть МВД, а тем более, как считают многие, — испугавшихся партий-

ных бюрократов. Задача внутренних войск — исполнение общесоюзных законов в интересах государства и всего народа. Никто закон не отменял. Не отменял и присягу. И мы пока не имеем права требовать проявления гуманных толстовских чувств — не убий — по отношению к самим убийцам, экстремистам, провоцирующим беспорядки и ни во что не ставящим жизнь человека. В одной из газет прозвучала такая мысль: если зек отсидел девять-десять лет и совершил побег, то ни в коем случае нельзя в него стрелять. Вину свою он этими годами якобы искупил. Почему-то не берется во внимание то, что беглец так, как бы между прочим, не задумываясь, может убить первого встречного.

Сегодня много разговоров о необходимости гуманизации и демократии в войсках. Пока в этих требованиях наблюдается перекосяк в пользу нарушителя законов. Не потому ли газеты буквально пестрят тревожными сообщениями о массовых отказах осужденных от работы, об участвовавших побегах из мест лишения свободы, о захватах заложников. Волна докатилась и до Тюменской области.

...Один из осужденных, увидев журналистов в спецвагоне, заявил: «Даю гарантию, что вы в пользу МВД настроите, иначе кто б вас в «столыпин» пустил...»

Что ответить на это? Говорят, есть только одна правда, двух не бывает. Мы своими глазами увидели эту правду, попытались, как смогли, рассказать о ней. И в этом сложном разговоре рано ставить точку...

Мина замедленного действия

НЕТ НИ малейшего сомнения, что совесть — неотъемлемое профессиональное качество контролера. Такое же, к примеру, как компетентность, смелость, ответственность — всего не перечислишь. Но без совести остальные черты — ничто. Правда, заговорили это высокое понятие в последнее время, затащили по газетным передовицам, докладам и учебным пособиям, поистерлось оно изрядно. Но нужда в совести осталась прежней острой. Она — своего рода гарант человеческой надежности. Как расписка укладчика в кармашке парашюта или автограф сапера: «Проверено, мин нет...»

Без малого тринадцать лет прослужил контролером по надзору прапорщик В. Аллахвердян. Относительно немного, а кажется, будто вся жизнь связана с родным подразделением. Давно ли робким новичком поёдал глазами опытных «зубров» — контролеров, познавших тонкости профессии, на себе испытавших почем фунт лиха. Не думал, что станет с ними вровень.

А вскоре и сам отличился впервые — способным был, все на лету схватывал. Радостный, принимал поздравления товарищей. Они же с удовлетворением восприняли известие, что Аллахвердян стал коммунистом.

В КАРАУЛАХ И ВОЙСКОВЫХ НАРЯДАХ

Размеренная, устоявшаяся жизнь с четким чередованием службы и отдыха, общественных и семейных забот, конечно, продолжалась бы и далее, до почетного ухода на заслуженный отдых, если бы на стол командира роты капитана С. Кириллова однажды не лег пренебрежительный документ:

«Мы, нижеподписавшиеся, начальник оперчасти учреждения майор внутренней службы Курзалиев С. А., ДПНК майор внутренней службы Мансуров В. М., оперуполномоченный капитан внутренней службы Мустафаев М. Р., составили настоящий акт в том, что осужденный Халилов Ильхам Фазыл оглы... на вопрос, получил ли он сегодня утром от контролера по надзору прапорщика Аллахвердяна Владимира Израеловича некоторые предметы, ответил: да, получил английский одеколон, пачку сигарет «Данхил» и коробку финских шоколадных конфет. Осужденный после признания добровольно отдал вышеуказанные предметы. Прапорщик Аллахвердян В. И. признался и письменно подтвердил, что принес их и передал осужденному Халилову...»

Чем не мина замедленного действия? Тринадцать лет (вот уж, действительно, чертова дюжина) служит человек не хуже других и вдруг — рвануло. Да как громко!

Незамедлительно назначили служебное расследование по факту «попытки вступления в неслужебную связь с осужденным», как стыдливо квалифицировал случившееся командир батальона подполковник В. Смеляков. Трудно сказать, чем объяснялось желание офицера смягчить формулировку и соответственно тяжесть проступка подчиненного. Может, растерянность? Хотя нет, скорее всего, инерцией мышления: Аллахвердян верили.

Но Аллахвердян путей для отступления себе и командиру не оставил. Расквашившись, подкрепил первое признание отягчающим его вину обстоятельством, добавив, что помимо кондитерских, табачных и парфюмерных изделий он вручил осужденному 500 рублей якобы по его просьбе. Так вот что скрывала от постороннего глаза внешне скромная вывеска — «попытка вступления в неслужебную связь». Если 500 — это только попытка, то любопытно, сколько должен принести контролер, чтобы «вес засчитали»!

Впрочем, все это игра в терминологию. Гораздо важнее другое: выходит, стоило преступнику намекнуть, мол, надо, и прапорщик тут же безропотно покорился? Даже не верится в такую рабскую исполнительность. Непривычно. А где же сопутствующие предательству (именно так, ибо преданы интересы службы) нравственные страдания, угрызения совести перед решающим выбором «быть или не быть»? Согласитесь, готовность контролера доставить по первой же просьбе осужденного полтысячи рублей без всякой гарантии на их возврат даже с меркантильной стороны выглядит, по меньшей мере, странно. По первой просьбе — да, но, оказывается, осужденного и контролера связывала давняя и прочная (едва не сорвалось — дружба) связь. Халилов вспоминает, что уч-

тивный и отзвучивый Аллахвердян часто навещал его отца, передавая горячие призывы от «засидевшегося» сына, а в зону обратным ходом приносил вещи и деньги.

Только ли в личных взаимных симпатиях корень этого должностного, воинского преступления? Проводивший расследование командир батальона назвал в заключении причинами случившегося личную недисциплинированность прапорщика Аллахвердяна, низкий уровень воспитательной работы в роте по недопущению неслужебных связей и отсутствие досмотра при пропуске людей через КПП. Как видите, ничего нового, все по схеме.

После формальных обязательных в этом случае слов «полагал бы...» шли столь естественные оргмеры — «уволить... указать... наказать...» и бесспорные, что называется, дежурные, лежащие на поверхности акции. Например, беседа «Моральный облик советского прапорщика». Вряд ли людей, подобных Аллахвердян (пусть их единицы, но они есть), проймешь такой вот нравоучительной беседой. Здесь нужна «тяжелая артиллерия». И не столько с политико-воспитательными, сколько с уголовно-правовыми «снарядами». Беседа для аллахвердянов — комаринный укус.

Он не просто лицемерил — цинично лгал, позерствовал. Так совпало, что незадолго до случившегося командир части (будто предчувствовал) предупредил его о недопустимости неслужебных контактов с осужденными. Без задней мысли, просто к слову, к теме разговора пришлось. Но ответная реакция была бурной и своеобразной — Аллахвердян воспринял напоминание начальника как кровную обиду. И на следующее утро в кабинет командира части пришла целая делегация негодующих родственников уже тогда нечистого на руку прапорщика. Они, перебивая друг друга, начали... стыдить офицера на все лады. Дескать, разве можно оскорблять честнейшего, чистейшего, как слеза, человека черным подозрением, недоверием?

Спектакль удался на славу. Едва опустился занавес, как все и случилось.

Невольно складывается впечатление, когда анализируешь ситуацию, что Аллахвердян вел себя так, словно находился на необитаемом острове. Отсюда и дерзость, и чувство своей исключительности. Неужели некому было схватить его за руку!

А между тем устав четко регламентирует порядок допуска на объект, особенности выполнения служебно-боевых задач. Соблюдение его требований исключает подобные ЧП. Еще и еще раз убеждаешься на печальном примере: на совесть подчиненных надеяться можно и должно, но и о хорошей организации службы и строгом контроле забывать не след.

Последняя ложка дегтя: Аллахвердян спорил с кителя краповые петлицы, но вскоре пришел другие — теперь он служит в Советской Армии. Не позавидуешь сослуживцам того, в ком жажда наживы в решающую минуту берет верх над совестью. И еще: неужели в его характеристике об этом нет ни слова!

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
Ордена Красной Звезды УВВ
по Северному Кавказу и Закавказью.

СЛУЖБА НА ГРАНИ ФОЛА

Широко распространено среди моих коллег-контролеров мнение: виной тому, что оперативная обстановка на наших объектах в последнее время заметно осложнилась, — гуманизация режима содержания контингента. Отчасти с этим согласен и я. Но, пожалуй, главная причина кроется все же в неудовлетворительной организаторской деятельности должностных лиц. Недаром говорят: рыба гниет с головы.

Примеров тому столько — не знаю, с чего и начать, один ярче другого... От заместителя начальника ЛТП, занимающегося режимной работой, зависит многое. Для контролеров он тоже величина, если, конечно, работает в полную силу, а не как наш — дослуживает до пенсии (благо менее двух лет осталось). Случайный человек на этой должности, трудившийся ранее в системе ВОХР, он сквозь пальцы смотрит на, увы, частые пьянки лечащихся (тоже мне — ЛТП называется!). Более того, и нам настоятельно рекомендовано администрацией не трогать пьяниц, а только наблюдать за ними, не вмешиваясь. Дабь в отместку за нашу принципиальность «вся зона не взбунтовалась»: из двух зол, мол, надо выбирать меньшее.

И потому ночные песнопения изрядно «нагрузившихся» лечащихся — дело, к сожалению, не столь уж редкое. И небезопасное. Со-

трудники администрации предпочитают проводить ночи дома, а не в ЛТП. А если и заставят кого-либо силой приказа остаться, то из кабинета ни на шаг: кабы чего не вышло.

Миримся ли мы с подобным положением? Уверен, ждете категоричного «нет». Скажу честно: больше да, чем нет. И к этому вынуждают обстоятельства.

Недавно, к примеру, нас посетил инструктор ОИД. В ночь перед его приездом состоялась очередная пирушка «резвеевников», о чем мы и сообщили инструктору. Очень интересовала его реакция. Оказалось, наши заявления никому не нужны, ибо, как нам объяснил заезжий инструктор, нужны минимум три свидетельских показания, чтобы они возымели юридическую силу. Не до шуток было, но так и подмывало спросить: где ж нам взять третьего, если службу несем парами?

И вы думаете, что административно наказанные не понимают, что все наши попытки навести должный порядок натываются на баррикаду попустительства, воздвигнутую администрацией? Прекрасно понимают и потому столь дерзки порой. Такая, может, и незначительная, но характерная деталь: мы к ним обращаемся на вы, они нам тыкают почти поголовно.

О какой культуре поведения речь, если до рукоприкладства доходит. То по телевизору расскажут, то в журнале напечатают суждения «знатоков» дел колониетских о том, как мы, контролеры, охраняемых бутузим. Чепуха это все, может, один случай на сотню где и произойдет. А вот нам достается, это точно. Недавно мы с сержантом сверхсрочной службы Кулигиным контролировали подготовку к обеду в столовой. И хотя обеденное время еще не подоспело, лечащиеся отчаянно штурмовали дверь, разве только с петель ее не срывали. У них, кто раньше проскочит, может еще и чужой кусок урвать.

Когда же административно наказанных впустили, то они не только оскорбили нас всячески, но и «почесали кулаки». Так, лечащийся Люпин несколько раз ударил меня по голове. Да еще пригрозил, что это аванс. А когда он освободится, дескать, мне и во все не сносить головы.

Как бы вы поступили на моем месте? Что бы с вами ни сделали, а отплатить той же монетой не можете. Права не имеете, тут про закон все вспоминают, даже те, кто никогда с ним, с законом, не ладил. Мы рапортами доложили обо всем ДППИ и командиру роты. В результате Люпина лишили передачи, после чего он подошел ко мне и на-

588
589

помнил о скорой физической справе.

Что мы можем противопоставить подобной откровенной, всинствующей наглости? От силы, еще один рапорт подать. Потому-то, случается, некоторые контролеры, обжегшись, предпочитают не замечать нарушений режима содержания. Ведь кроме неприятностей себе ничего этим вмешательством не добьешься. А вашего обидчика максимум лишат передачи. Да таким злостным нарушителям, как тот же Люпин, подобное наказание, что слону дробина. Он даже не огорчится: в ЛТП сильные (они-то и нарушают в основном) кормятся за счет слабых.

Другой вопрос — кому на пользу существующая система усиления? В праздники (вернее, за неделю до них и несколько дней после) мы служим по усиленному варианту, а административно наказанные спокойно выходят из ЛТП и самостоятельно разъезжаются по всему городу. Это стало нормой. Понятно, что никому из них и в голову не взбрдет бежать из

ЛТП, когда можно просто уйти с работ. И ведь выйдут на «волю» не одиночки — сотни.

Мы понимаем — люди военные: если вводится усиление, значит, это кому-то нужно. Но хотелось бы еще и знать, какой в этом смысл?

Словом, трудностей хватает. Однако некоторым руководителям, видимо, кажется, что нам этих неприятностей мало: искусственно создаются новые. Многие контролеры, причем наиболее опытные, компетентные в вопросах службы, живут довольно далеко от подразделения. Нет, никто и не рассчитывает на то, что его обеспечат жильем вблизи ЛТП (да и вряд ли найдутся желающие иметь таких беспокойных соседей). Дело в том, что раньше мы несли службу по суткам. И это было удобно. Теперь — якобы в наших интересах — по 12 часов. Новый порядок ввел командир части, исходя из требований устава. Устав есть устав, и все же...

Не хочу утомлять вас арифметическими подсчетами, прошу поверить на сло-

во — чисто служебного времени получается не 12, а 15 часов плюс дорога и т. д. Служба заканчивается поздно, до дома все равно добираться не на чем. Люди спят в учебных классах, ужинают в завтрак.

Несколько человек уже уволилось, что не удивительно при невеликих деньгах за такую нервную, тяжелую, неблагодарную службу. Проблема? Правда, нам пообещали ее решить и весьма оригинально — путем... увольнения из войск тех, кому трудности не по нраву. Разве это выход? Ведь уйдут лучшие из лучших. А с будущей сменой дела обстоят, честно признаться, неважно, ибо о том, что наша служба и почетна и ответственна, пишет только журнал «На боевом посту», а вот о ее непростительности трубит и со страниц газет, и с экранов телевизоров. Так что не только о себе печемся — о службе.

Прапорщик
М. ТОЛПЫШЕВ.

УВВ по Украинской ССР
и Молдавской ССР.

ПАЛКИ В КОЛЕСА

Читал статьи «Презумпция виновности» и «Сор из избы», и сердце кровью обливалось. Все правда, будто про нас написано. Так и есть — сотруднику администрации ИТУ ничего не стоит в присутствии осужденных оскорбить контролеров. К примеру, обыскать их публично, как это сделали О. Стеганов, С. Грицай и другие.

А не придется осужденным по нраву принципиальность контролера — жди беды, неприятностей не оберешься. Ему, преступнику, поверят, тебе — нет. Так было и со мной: по навету осужденного старший лейтенант внутренней службы О. Стеганов подверг меня оскорбительной проверке. И даже не извинился.

Интересно, куда девается их хваленая непримиримость к недостаткам, когда дело касается своих? Как-то старший лейтенант внутренней службы С. Елизаров попал в медвытрезвитель. Случись подобное с кем-нибудь из прапорщиков — вылетел бы из войск, как пробка из бутылки. Но не прошло и четырех месяцев, как старший лейтенант стал капитаном...

До каких пор будут продолжаться эти распри, называемые взаимодействием? Только на моей памяти уже более пятнадцати лет решается вопрос о передаче контролеров в систему исправительно-трудовых учреждений. Неужели и министру это не по силам? Ведь только тогда контролеры и сотрудники ИТУ перестанут вставлять друг другу палки в колеса.

Прапорщик И. МАКЕЕВ.
Приволжское УВВ.

БАТАЛЬОН СДАЛ ПОЗИЦИИ

ГРУППА ОФИЦЕРОВ ГУВВ МВД СССР, РАБОТАЯ В ОДНОЙ ИЗ ЧАСТЕЙ ВОЙСК ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНУ, ОТМЕТИЛА, ЧТО ЛИЧНЫЙ СОСТАВ БАТАЛЬОНА, КОТОРЫМ КОМАНДУЕТ ПОДПОЛКОВНИК А. САЛЫКОВ, ЗАМЕТНО СДАЛ СВОИ ПОЗИЦИИ В УЧЕБЕ И БОЕВОЙ СЛУЖБЕ. КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА ВСТРЕТИЛСЯ С КОМБАТОМ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ, В ЧЕМ ОН ВИДИТ ПРИЧИНЫ СЛОЖИВШЕГОСЯ ПОЛОЖЕНИЯ, КАКИЕ НУЖНО ПРЕДПРИНЯТЬ МЕРЫ ДЛЯ ВЫВОДА ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА ИЗ ПРОРЫВА. ИНТЕРВЬЮ С ОТСТАЮЩИМ! А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ!

— Алибек Ануарбекович, итоги прошлого года известны: многие военнослужащие батальона не выполнили социалистические обязательства. Показатели этого года тоже не радуют. В чем тут дело, по-вашему!

— Если говорить о боевой учебе, то по-прежнему самого пристального внимания требует огневая и физическая подготовка. Неудачи по этим предметам обучения не позволили нам достичь намеченных рубежей в соревновании. Причина кроется в явно недостаточной выучке личного состава. И недавний выезд на стрельбище подчиненных офицера В. Зеленина подтвердил, что слабо обученному солдату упражнения стрельб, как бы он ни старался, не по плечу. Нужны знания, навыки и психологическая уверенность. Все это, как известно, достигается только регулярными тренировками, а не натаскиванием боевым патроном на рубеже открытия огня. Увы, не все офицеры и сержанты это понимают. А если еще и методический уровень командира невысок, слаба учебно-материальная база, то становится ясно: стабильных результатов достичь невозможно. К слову сказать, и стрельбище находится далеко от расположения батальона.

Немало сложностей и с физической

подготовкой. Одними кроссами у воинов силу и выносливость не выработать. В караульных помещениях есть кое-какие снаряды, но после многочасовой службы на вышке, поверьте, не каждому хочется заниматься физо. Спортивного же городка нет.

Кроме того: многочисленные хозяйственные работы отрывали людей от плановых занятий. В ущерб боевой подготовке нам приходилось устранять те недоделки, которые оставили строители.

КОММЕНТАРИЙ ЖУРНАЛИСТА. Удаленность стрельбища, отсутствие достаточной материально-технической и спортивной базы, масса неотложных дел — все это, безусловно, не могло не сказаться на результатах батальона. Но ведь в подобных, а кое-где и в худших условиях, оказались и другие воинские коллективы части. Однако их показатели не дают оснований для беспокойства. Очевидно, не там ищет причины комбат. Может быть, стоило ему сначала разобраться, почему он, имея за плечами богатый опыт службы в должности офицера штаба, не сумел наладить четкий процесс обучения военнослужащих! Почему инструктивно-методические занятия с младшими командирами проводятся от случая к случаю! Почему должным образом не организовано социалистическое соревнование! Почему в батальоне даже журнала учета боевой и политической подготовки нет! Увы, на эти вопросы подполковник Салыков вразумительно ответить не смог.

— С учебной более-менее ясно. А служба!

— По сравнению с другими подразделениями боевую службу по охране порученных объектов лучше несут воинские роты, где командиром капитан М. Ахмеджанов. В коллективе выше настроя, чему в немалой степени способствует грамотно поставленная политическая работа. Заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант В. Привольнев в контакте с командиром, секретарями партийной и комсомольской организаций делает упор на индивидуальное воспитание подчиненных, умело подбирает и обстоятельно инструктирует актив караула, его начальника, формирует у воинов такие качества, как честность, неподкупность, бдительность. Его опыт работы обобщен и распространен в батальоне.

Есть немало примеров, когда высокая профессиональная подготовка военнослужащих способствовала успешному выполнению задач караульной службы.

И все же недостатков в службе у нас

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

590

МАСТЕРСТВО БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ КУЕТСЯ В ПОЛЕ.

НА ЗАНЯТИЯХ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ СТЕПАН ПИВОВАР И РЯДОВОЙ АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ.

Фото Р. РЯЗАНОВА.

Об этом подразделении «краповых беретов» писали в последнее время многие газеты и журналы. Подчиненные майора С. Лысюка по первому зову вылетали туда, где люди оказывались в беде, где нужно было в считанные часы восстанавливать общественный порядок. За плечами горящая Фергана, тревожная Абхазия...

- Крепкие парни служат в спецназе.
- Майор Сергей Иванович Лысюк награжден медалью «За боевые заслуги» и знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».
- О большинстве солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров здесь по праву можно сказать — прошли огонь, воду и медные трубы.
- Где бы ни засели террористы, группа захвата до них доберется.
- Удар-молния... Три кирпича и бутылка — вдребезги. Занятие показное, а сила, мастерство, ловкость — реальные. Прапорщик Алексей Куликов — старший инструктор «краповых беретов».

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Туда, где беда

... КАК
В АПТЕКЕ

Высокий профессионализм, оперативность в работе, четкое взаимодействие со всеми подразделениями Центрального военного госпиталя внутренних войск МВД СССР отличают коллектив аптеки, где служат майор медицинской службы Раиса Васильевна Корнюшенко и капитан медицинской службы Борис Васильевич Ломов.

Среди лучших специалистов Нина Петровна Ревенко (на верхнем снимке) и Надежда Александровна Кочет (на нижнем снимке).

много. Уже в этом году из-за халатного выполнения уставных обязанностей помощником начальника караула младшим сержантом Т. Абдухаликовым, дрессировщиком служебной собаки рядовым А. Голованенко и часовым КПП рядовым Ю. Авраменко из охраняемой зоны совершил побег осужденный. Пьянку в карауле допустил сержант В. Максаев, случайный выстрел — рядовой А. Саитов... Со всей откровенностью скажу, нас серьезно беспокоит отношение к делу подчиненных капитана А. Кумищева: больше всего недостатков на боевой службе именно в этом коллективе. В чем причина?

Прежде всего в том, что у нас еще не на высоте воспитание личного состава в духе святости поста, неприкосновенности часового. Мы сейчас стали более тщательно подбирать людей на службу, усилили контроль за ее несением, особенно в ночное время. Возрождаем почти забытые формы воспитания, такие, как чествование лучших часовых, начальников караулов, их помощников.

КОММЕНТАРИЙ ЖУРНАЛИСТА. Слова, слова... Высокие, проникнутые пафосом. А насколько далеки они от дел! «Работа поставлена...», «опыт обобщен...». Какой опыт! Батальоном допущено около 40% всех побегов в региональном управлении войск. Это — провал, а комбат ведет речь о «высокой профессиональной подготовке военнослужащих»...

— Ну и третий кит, на котором все держится, — воинская дисциплина. Как вы ее оцениваете!

— Вопрос не из легких. Меня, как командира, беспокоит рост неуставных взаимоотношений и пьянства среди военнослужащих, нарушения на боевой службе. Только в этом году солдаты и сержанты допустили более десятка дисциплинарных проступков. Эти факты говорят о слабой работе командиров, партийных и комсомольских организаций по воспитанию военнослужащих в духе неукоснительного выполнения требований военной присяги и уставов. Другая причина заключается в том, что нам пока не удалось поднять личную ответственность каждого офицера за положение дел на своем участке. Чего греха таить, ряд офицеров и сержантов недостаточно знает деловые и моральные качества подчиненных, не может правильно организовать их воспитание. Нередко в обращении с войнами они сами допускают неуважительный тон, грубость.

Улучшения требует и правовое воспитание, ведь правовое бескультурье близко соседствует с различными нарушениями. Поэтому в последнее время мы стали больше проводить бесед на правовые темы, организовывать

встречи с военными юристами. Вводим в практику вынесение прокурорского предостережения. Так, оно вынесено прапорщикам М. Мактобекову и А. Киму. И, конечно, пристальное внимание уделяем профилактике неуставных взаимоотношений, борьбе с так называемыми мелочами — нарушением формы одежды, несоблюдением распорядка дня... Накапливаясь, накладываясь одна на другую, эти «мелочи» лихо радят коллективы, отрицательно влияют на боеготовность, моральный дух личного состава...

КОММЕНТАРИЙ ЖУРНАЛИСТА. Несмотря на серьезные промахи в служебно-боевой деятельности батальона [по итогам 1988 года здесь допущено преступление, три происшествия, пятьдесят семь дисциплинарных проступков, из них девять — на боевой службе], в январе с. г. пишется представление на присвоение майору А. Салыкову очередного воинского звания «подполковник». В представлении, в частности, отмечается: «В занимаемой должности майор Салыков А. А. показал себя грамотным и требовательным офицером, способным уверенно и качественно выполнять возложенные на него обязанности... Уделяет особое внимание вопросам повышения боевой готовности и надежности охраны объектов. В возглавляемом им батальоне улучшилось (разбивка моя.— В. К.) состояние воинской дисциплины, повысился спрос за поддержание уставного порядка». Представление, как известно, подписывает командир части, с ним соглашается (или нет!) начальник управления войск. В данном случае обоим начальникам не хватило принципиальности. Или здесь что-то иное!

Так или иначе майору А. Салыкову присвоено воинское звание «подполковник». Не прошло после столь памятного в жизни Алибека Ануарбековича события и месяца, как его пригласили на заседание партийной комиссии части. Разговор — а он шел о выполнении партийных и служебных обязанностей — получился нелицеприятным. Резко осудили кабинетный стиль работы комбата, пристрастие к многочасовым частым совещаниям, потребовали дела...

Беседу вел майор В. КУДРЯШОВ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИНТЕРВЬЮ. В редакцию сообщили: подполковник Салыков переведен на должность с меньшим объемом работы. Но по-прежнему неясно, какими соображениями руководствовались должностные лица, затеявшие кадровую чехарду с офицером, не умеющим (или не желающим?) работать? Чем измерить и как возместить ущерб, понесенный батальоном?

ЧУВСТВУЯ ЧУЖУЮ БОЛЬ

Воспринимать чужую боль, как свою собственную, стремиться к невозможному ради спасения человека — эти качества всегда отличали хирурга кандидата медицинских наук полковника медицинской службы Анатолия Герасимовича Мельникова на всем его трудовом пути. А врачебный стаж у него ни много ни мало почти четверть века! Был хирургом лазарета воинской части, хирургом, а затем начальником травматологического отделения Центрального военного госпиталя внутренних войск. Работа оперативная, напря-

женная, изматывающая и морально, и физически, устремленная к одной цели — победить тяжелый недуг, вернуть человека к полноценной жизни.

Ратный труд его не раз отмечался наградами Родины. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан, он удостоен ордена Красной Звезды.

Майор Н. ПОНАСЕНКОВ.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

ЧТО ВМЕСТИЛ ПОЛИТЧАС?

Согласно боевому расчету войсковые наряды один за другим высаживались из автомашины и немедленно приступали к поиску. Координирующий действия подчиненных в этом районе старший лейтенант Р. Марданов отдал очередное распоряжение водителю.

Машина рванулась к последней на маршруте точке — груде камней. Старший лейтенант выскочил из кабины:

— За мной, бегом — марш!

За короткий срок в тяжелых условиях местности было преодолено немало километров. И хотя на этот раз преступник был обнаружен в другом месте, воины после отбоя были единодушны в том, что, сложись обстановка по-иному, они с таким офицером, как Марданов, не сплеховали бы.

Через несколько часов старший лейтенант уже в качестве нештатного пропагандиста проводил с личным составом политчас. С интересом солдаты слушали его выступление. У офицера было полное моральное право вести речь о необходимости в трудных условиях проявлять мужество и решительность, самоотверженно выполнять свой воинский долг.

Немало внимания в нашей части уделяется политической подготовке солдат и сержантов, как основной форме их политического и воинского воспитания. Руководители групп стремятся проводить политзанятия интересно, доходчиво, добиваясь их активного влияния на жизнь и боевую службу воинов. В большинстве подразделений регулярно два раза в неделю идут двухчасовые политзанятия. Там же, где возникает особенно высокая служебная нагрузка, три раза в неделю проводится политчас.

Это весьма специфическая и, прямо скажем, вынужденная форма учебы. Но она существует, и, на мой взгляд, мы должны не умалчивать о ней, а, наоборот, выносить ее на обсуждение, настойчивее искать пути повышения действенности таких занятий.

Опыт, наблюдения показывают, что политчас требует тесного контакта руководителя группы со своими слушателями, большей оперативности информации, ее непосредственной связи с задачами, которые

решает личный состав. Ведь здесь зачастую нет времени, чтобы организовать беседу слушателей по обсуждаемой теме, вовлечь их в обстоятельный разговор. Поэтому пропагандист, как правило, ограничивается изложением материала, коротко, но ясно и четко доводит до собравшихся основные положения темы, ситуацию с боевой службой и учебой, выводы.

Сделать это качественно за 50 минут, да еще когда тебя слушают люди, только что прибывшие из караулов или войсковых нарядов, довольно-таки не просто. Поэтому тут никак не обойтись без надежной подготовки нештатных пропагандистов. У нас, скажем, для привития им необходимого мастерства предназначены тщательно спланированные инструкторско-методические семинары. В них самое непосредственное участие принимают коммунисты-руководители части. И тут я хотел бы подчеркнуть дискуссионность и открытость разговора, который они ведут с пропагандистами. И это закономерно: если у нас раньше было много «закрытых» тем и их никто не касался, то сегодня руководитель группы обязан отвечать на любой вопрос, даже если он кого-то ставит в тупик. С этой задачей наши пропагандисты справляются. Этому способствует то, что в ходе инструкторных занятий они уясняют суть рассматриваемой темы, отработывают методику доведения до слушателей теоретических положений, применения их на практике.

Много интересного и полезного офицеры получают от развернутой беседы, политического боя, дискуссионного клуба, где с ними отработывается методика педагога-новатора В. Шаталова. Как это происходит?

Руководитель занятий совместно с нештатными пропагандистами приступают к составлению опорного конспекта по определенной теме. При этом используются классная доска и цветные мелки. Порядок работы такой: вначале составляется структурно-логическая схема по данной теме с отражением всей имеющейся в наличии литературы. Затем оформляется и опорный конспект, в котором последовательно отражаются основные моменты темы, представляются даты — с сокращениями и цветным выделением. Такая форма состав-

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА:

СОДЕРЖАНИЕ, ДЕЙСТВЕННОСТЬ

ления опорного конспекта помогает слушателю глубже усвоить тему, а в дальнейшем использовать его на занятиях с личным составом. Для лучшего восприятия опорного конспекта его приходится выполнять в большем размере.

Результаты итоговых занятий по политической подготовке показывают, что только там, где руководитель группы полностью отдает себя людям, живет их делами и устремлениями, постоянно находится в гуще военнослужащих, может просто и доходчиво объяснить волнующие их вопросы, — там добиваются успеха. В этом я убедился, побывав на занятиях старших лейтенантов Р. Марданова и С. Гайдука.

Марданов заранее составляет конспекты по изучаемой теме. К изготовлению различных схем, диаграмм привлекает актив взвода. Дает индивидуальные задания военнослужащим на подбор вспомогательного материала из газет и журналов. Несколько человек обязательно готовятся осветить трудные вопросы. Что же достигается этим? Занятия проходят живо, интересно, демократично. Нередко начатый здесь откровенный разговор продолжается при любом удобном случае. Значит, задевает самое важное, жизненное для солдат и сержантов.

Как с максимальной отдачей использовать время, отведенное на политические занятия? Ищущие пропагандисты не только задумываются об этом, но и в условиях напряженной боевой службы предпринимают конкретные шаги.

Нельзя не сказать и вот о чем. Мы считаем: ставить оценки военнослужащим, пришедшим на политчас после длительной напряженной службы в караулах, — есть полнейший формализм, осознанное его насаждение. Марданов же идет иным путем — он избегает поучать, назидать, отчитывать военнослужащих за неподготовленность к занятиям. Оценки выставляет лишь тогда, когда у слушателя было время на подготовку. И даже в этом случае всегда учитывает качество выполнения им обязанностей по службе, активность в общественной жизни, его моральный облик, поведение в коллективе. Воинский труд — это зеркало, в котором каждый должен видеть свое лицо. Именно эта сторона армейской жизни, как нам кажется, должна служить основным критерием оценки слушателя.

И уж, конечно, от учебы, от любого занятия военнослужащий должен получать не только знания, но и духовный заряд, моральное удовлетворение. Демократичность, живой обмен мнениями, уход от строгой и сухой официальности и позволяют этого добиться.

Откровенный разговор, начатый на политчасе, старший лейтенант Марданов пе-

реносит на следующий день в караул, где уже выступает в роли проверяющего. Здесь затрагиваются различные вопросы, но все они увязываются с темой политзанятий. Дает эи и задание помощнику руководителя группы политзанятий рядовому Р. Османову, на что обратит внимание сослуживцев. Принесит наглядные пособия по изучаемой теме, литературу, определяет индивидуальные задания военнослужащим, плохо владеющим русским языком, назначает им наставников из актива караула.

Как известно, личный состав наших подразделений неодинаков по уровню развития и активности. А посредством одной команды людей не воспитать, да в этом и нет необходимости. Учиться же вести работу индивидуально, с учетом возможностей каждого руководителя групп политзанятий нужно обязательно.

Перестройка политической учебы предполагает, в частности, и настойчивое преодоление такой, прямо скажем, порочной практики, как зачитывание конспектов вместо живого и откровенного разговора о насущных проблемах политики и теории партии, о том, что по-настоящему волнует военнослужащих. И именно форма политчасов позволяет отказаться от сухого, казенного языка, от выступления по бумажке.

Но, к сожалению, есть у нас нештатные пропагандисты, которые не хотят этого понять, делают ставку на ненужную zorganizованность. И прикрываются при этом трудностями службы, усталостью солдат, отсутствием у них времени для подготовки к занятиям.

Не в лучших условиях организуют и проводят политзанятия старшие лейтенанты Р. Марданов и С. Гайдук. Но оба добиваются, чтобы слушатели именно выступали, излагали свои мысли, а не зачитывали конспект. Это не значит, конечно, что они вовсе не разрешают слушателям заглянуть в план, в свои тезисы, привести цитату. Но механическому воспроизведению записи, чтению по бумажке положили конец на всех политзанятиях.

Ни в коей мере не хочу рекламировать политчас как самую эффективную форму политического обучения личного состава. На занятиях, проводимых по основной, отработанной годами программе, конечно же, открываются более широкие возможности. Речь я веду лишь о возможностях. Практика подтверждает, что политчас тоже может вместить в себя очень многое.

Исходя из собственного опыта, из бесед с коллегами-пропагандистами, пришел к выводу: легкость в изложении материала, в ведении дискуссии рождается только в результате большой, напряженной работы над собой. Задача каждого руководителя группы в ходе политических занятий и вне их — настойчиво учить слушателей мыслить, давать им толчок к самостоятельным раздумьям, правильно комментировать события, происходящие у нас в стране и за рубежом. Этого, безусловно, можно добиться и на политчасе.

Майор В. НАЗАРЕНКО.

ПРОБЛЕМЫ ПОКА ОСТАЮТСЯ

Трудности в экономической, социальной, духовной сферах сегодня в концентрированном виде нашли выражение в проблемах идеологической работы. Как действовать в этой ситуации, на чем сосредоточить первоочередное внимание, какие избрать формы и методы — об этом шла речь на недавно состоявшемся учебно-методическом сборе идеологических работников внутренних войск. В острых дискуссиях пропагандисты, начальники кафедр общественных наук вузов, редакторы войсковых и многотиражных газет обсудили доклад «О проблемах и новых подходах совершенствованию идеологической работы в современных условиях жизни и деятельности войск», с которым выступил член Военного совета — начальник Политического управления внутренних войск генерал-майор А. Гренико.

В нелегких, порой экстремальных условиях выполняют сегодня внутренние войска свои задачи. Несмотря на это, немало положительных тенденций можно проследить в организации службы, укреплении воинской дисциплины, повышении боевой готовности. Определенную долю своего труда, инициативы, творчества внесли в это идеологические работники войск. Но поскольку пока еще масса проблем не решена — а об этом с тревогой говорилось и в докладе, и в выступлениях участников сбора, — предстоит большая, напряженная и целеустремленная работа.

На чем же конкретно было заострено внимание? Прежде всего на профессиональной подготовке идеологических кадров. В учебных заведениях войск таких специалистов пока не готовят, на пропагандистскую работу людей отбирают, что называется, по призванию. Но вот качество такого отбора остается невысоким. А в результате страдает дело: не получают ответов на волнующие их вопросы люди, процветает формализм в агитационно-массовой работе, неизвестны политические умонастроения в воинских коллективах. В чем видится выход? В повышении личной ответственности каждого идеологического бойца за результаты своего труда.

Беспокоит и затянувшаяся перестройка политической учебы. На протяжении ряда лет раздавались призывы «раскрепостить» нештатных пропагандистов, дать больше свободы для творческого осмысления изучаемых тем, да и сам материал рассматривать через призму задач, которые решают военнослужащие. Сегодня руководители

групп свободны в изменении порядка рассмотрения тем, расчете времени, а содержание около одной трети материала, предусмотренного учебными планами, может быть изменено в соответствии с местной спецификой. Простора для инициативы — хоть отбавляй. Вместе с тем пока еще далеко не в каждой группе политическая учеба рассматривается по-новому, как важнейший фактор политического воздействия и руководства. Многие нештатные пропагандисты продолжают проявлять нерешительность, ждут указаний.

Неоднозначно идеологические работники войск подошли к оценке перспектив развития агитационно-пропагандистской деятельности. Именно благодаря этому удалось выделить наиболее конструктивные предложения. К примеру, задумываемся ли мы при создании агитпропгрупп и агитационно-пропагандистских коллективов, все ли их членов любят и хотят слушать в наших подразделениях и частях? А насколько мобильны и гибки эти формирования в такой динамичной, быстро меняющейся идеологической ситуации? Не лучше ли при необходимости для разъяснения того или иного вопроса, пропаганды конкретных материалов, документов, решений создавать из лучших пропагандистских сил группы «быстрого реагирования» и направлять их усилия туда, куда нужно в конкретно сложившейся ситуации? Опять вопросы? Наверное, это хорошо, ведь поиски ответов на них и дают пищу для раздумий, тогда как готовые формулы только догматизируют мышление.

Много внимания и в докладе, и в выступлениях было уделено поискам эффективных средств для отражения необоснованных нападков на внутренние войска. В отдельных регионах уже накоплен значительный практический опыт, которым участники сбора охотно обменялись на занятиях по секциям. Так, пропагандисты УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР рассказали, как находят выход на средства массовой информации республик и вместе с тележурналистами и газетчиками рассказывают о жизни, службе солдат и сержантов, прапорщиков и офицеров. Немало интересного и в работе идеологических работников УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

Интересным было обсуждение в ходе сбора проблем перестройки преподавания общественных наук в военно-учебных заведениях в соответствии с решениями ЦК КПСС по высшей школе. Полезным, несомненно, стал обмен мнениями по поводу роли и места печатных органов в современных условиях жизни и деятельности войск. Ориентированный в целом на практические формы работы сбор, бесспорно, достиг поставленной цели: внести в повседневную жизнь войск все то новое и передовое, что удалось почерпнуть в ходе непродолжительной, но плодотворной работы.

Подполковник О. ВОЛКОВ,
наш спецкор.

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИТЬ

В ПРОМЫШЛЕННОЙ черте города одним островком возвышается этот жилой дом — общежитие военнослужащих нашей части. И сейчас, спустя три года, я вспоминаю лица офицеров и прапорщиков, вселявшихся в него. Скарб невелик — чемодан-другой, — ведь каждый только начинал службу в этих местах и в общем-то радовался «своему углу». Девять трехкомнатных и столько же четырехкомнатных квартир быстро обрели хозяев.

Вроде бы задумано было неплохо: рядом с батальоном поселить прапорщико-контролеров, начальников караулов, старшин рот, командиров взводов. Близко, удобно, боеготовность на высоте. Об одном не подумали: как и чем обернется жизнь для новоселов. Ведь не зря говорится в народе — нет ничего постоянного временного. Большинство же прапорщиков не на короткий срок, а на долгие годы обрели здесь крышу, и не только над своей головой. Здесь предстояло жить их женам и детям.

Я помню первые субботники: клумбы, детскую площадку, на лавочках женщин с малышками. Но как-то за эти три года заметно посуровели их лица, стали не такими веселыми глаза. Обрадуешься ли жизни, когда вплотную к твоему жилью подступают цеха четырех предприятий, где выплачивается максимальный коэффициент за вредность производства, а экологическая обстановка самая худшая в округе? Будет ли спокойно на душе, если в пятидесяти метрах от твоего дома мужская колония усиленного режима и мимо той же детской площадки идут на работу десятки расконвоированных осужденных? Вот почему, говоря о работе нашего партбюро, его взаимодействии с общественными организациями батальона, мне никак не обойти все новых проблем, вызревающих в стенах общежития.

ПРИШЛА первая зима, а с ней и первые большие неприятности. Оказалось, что отопление сделано плохо, в квартирах холодно, а хозяйина у дома нет. Парадокс: затрачены сотни тысяч народных денег, а на балансе ни колонии, ни воинской части дом не стоял. Северная зима строго спросила за бесхозяйственность. Но она же показала, как много можно сделать, если сообща с разных сторон взяться за решение проблемы. Партбюро

остро поставило вопрос перед командованием части, администрацией ИТК, а женсовет дошел «аж до самой Москвы». И общежитие довольно сносно перезимовало.

Тогда же под воздействием настойчивых требований женсовета частью было принято решение в одной из четырехкомнатных квартир открыть продовольственный и промтоварный магазины. Большую роль тут сыграл секретарь партбюро старший прапорщик В. Черба, сплотивший людей, взявшихся за дело с хозяйственной сметкой, настойчивостью. Так у жильцов дома и солдат батальона появился свой воечторг.

А как жить без почты? После серьезного разговора на партийном бюро была найдена возможность ежедневно привозить и в общежитие свежие газеты, письма, учитывая трудности с городским транспортом, вместе с солдатскими доставлять посылки офицерам, прапорщикам и их семьям.

Всякое бывало. Пришли однажды женщины и с такой бедою: не принимают жильцов общежития в медучреждениях города. Пришлось командиру батальона с секретарем партбюро через командование части и политотдел выходить в местные советские и партийные органы, и вопрос тоже был решен.

Преодоление общих невзгод спланивало людей, делало единомышленниками, влияло буквально на каждого. Взгляните на теперешние составы партбюро, общественных организаций: нет уже в них «сторонних наблюдателей», людей, «отбывающих повинность». Нынешних общественников выдвинула сама жизнь, активная позиция. Если сначала партбюро играло главную скрипку, то ныне даже на открытых партсобраниях, пожалуй, острее и злободневней ставят вопросы комсомольцы, беспартийные. И неспроста за три года практически полностью обновился состав партбюро.

Уверен, планы командования, партбюро, совета прапорщиков мало бы чего стоили, не включись в борьбу за здоровый быт не только женсовет, а практически весь женский коллектив общежития. Ведь, помнится, сначала не проходило и дня без жалоб жильцов на ночные оргии холостяков, пьяные драки. Но вот сперва неуютно почувствовали себя прапорщики О. Лозовский, А. Парванаев, Г. Алиев, Р. Абдуллаев, когда, проверяя вместе с секретарем партбюро

КОММУНИСТЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

санитарное состояние занимаемых ими комнат, женщины извлекали на свет из-под кровати пустые бутылки из-под спиртного вперемешку с окурками, грязным бельем и недоодеванной закуской. После таких рейдов и соответствующей проработки любителей попадать в списки нерях и выпивох поубавилось. Но как уйти от бесконечных разборов и констатации уже случившихся безобразий, как сделать, чтобы не выслушивать, к примеру, горестные упреки матери, разыскавшей свою непутевую школьницу дочь у наших дверей? Кое-кому пришлось расстаться со службой, другим поутихнуть, остепениться. Надо сказать, только к партийной ответственности было привлечено пятеро прапорщиков. Воспитательная роль этих взысканий вкуче с регулярным заслушиванием на партбюро, профилактической работой его членов старших прапорщиков В. Кондраша, В. Чербы, А. Соколова оказалась неплохой: желающих еще раз попасть под огонь товарищеской критики и вовсе не нашлось.

Постепенно наш женсовет приучил командование не только батальона, но и части к мысли, что поведение остающихся в трех квартирах холостяков не способствует нормальному климату в общежитии. А почему бы не поселить сюда женатых людей, а молодежь не перевести в общежитие, расположенное рядом со штабом части? Ведь и сама эта близость для иного послужит хорошим сдерживающим фактором от дурного поступка. На том и порешили. Надо сказать, что решение это принималось с легким сердцем. Ведь к тому времени практически канули в Лету печальные традиции «обмывания» полочки, картежная игра...

Добрая традиция женсовета — устраивать для малышей «День сладкоежки». Заранее заказывается кафе в городе, куда мамы с детишками приезжают на автобусе части и хоть на несколько часов отрываются от будничных забот — плиты, стирки, уборки.

Никто не станет спорить, что женское участие в жизни воинских подразделений создает уют, облагораживает солдат. Долгое время женсовет батальона возглавляет начальник столовой прапорщик Зоя Ивановна Кондраш. Это ее инициативой, старанием, заботой, руками и душой ее подруг — фельдшера батальона прапорщика Н. Римене, отменных поваров Н. Бугаковой, Г. Тороповой стены столовой, спальных помещений увиты цветами, украшены со вкусом подобранными эстампами. Все лето на солдатском столе свежие огурцы и помидоры. А как приятен нынешний ритуал чествования именинников! Из немудреных продуктов, но от души им пекут сладкий пирог, готовят окрошку, котлеты, салат и другие блюда. Не последняя роль женсовета в том, что интересно, с участием детей проходят у нас концерты художественной самодеятельности.

Много было претензий к порядку продажи продуктов и товаров в военторге. Обсудили этот вопрос на партбюро совместно с советом прапорщиков и женсоветом, избрали наиболее уважаемых и честных людей в комиссию по контролю за рас-

пределением продуктов, и теперь после получения товаров все делается гласно, открыто, с участием общественности, поста народного контроля.

Еще недавно среди больших вопросов было выделение автобуса для поездки в город в выходные дни. Партбюро настояло, и теперь автобус части трижды совершает рейсы по воскресеньям. Добились и того, чтобы все дети дома ходили в одну школу.

СДЕЛАНО немало. Но я бы пошел против истины, рисуя благостную картину. Нет, до какого-то благополучия еще очень далеко. За последние полгода распалось несколько семей. Почему? Однозначно не ответишь. Но поразмышлять есть над чем. Могли ли своевременно вмешаться партбюро, женсовет, совет прапорщиков в чужую жизнь с ее заботами, проблемами? Сохраненная семья прапорщика А. Поповичева стала все-таки маленькой победой. Трезвые, взвешенные, разумные слова старших товарищей заставили супругов посмотреть на себя со стороны, еще раз подумать о будущем ребенка.

В связи с этим коммунисты пришли к выводу, что необходим нам и лекторий о семейных отношениях: культуре общения, любви, этике. Партийное бюро всячески поощряло желание женщин создать кружки вязания, кройки и шитья, где на почве взаимных интересов и общения развиваются добрые человеческие отношения. А разве можно не приветствовать кулинарный конкурс молодых хозяек, закончившийся общим чаепитием?

Но вот и очередной камень преткновения. Почему прапорщиков-контролеров не ставят в очередь на жилье в ИТК, где они несут боевую службу? Несмотря на изданный приказ МВД, понимания со стороны администрации, и особенно профсоюзных комитетов, учреждений до сих пор нет. Надо подключаться партбюро, коммунистам-руководителям части. Или на недавней встрече с командованием части жильцы дома очень остро поставили вопрос об экологии, обоснованно акцентируя внимание на участвовавших болезнях детей аллергической направленности. Оперативно была назначена встреча офицеров и прапорщиков, их жен с заместителем председателя городского Совета народных депутатов В. Алексеевым. Выход из положения опять подсказали женщины: почему бы этот неплохой дом не отдать под административное здание какой-либо организации, а взамен получить соответствующий жилой фонд в городской черте, более благополучном районе.

Жизнь не стоит на месте, нерешенные вопросы, проблемы копяты, если от них отмахиваться. Но практика показывает: когда командиры, политработники прислушиваются к мнению партбюро, черпают энергию в реально работающих совете прапорщиков, женсовете, тогда человеку с его постоянными нуждами и запросами все же дышится легче.

Майор С. ЩЕРБАТЮК,
заместитель командира батальона по политической части.

...И БРОСИЛ ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

«ЕСЛИ ВЫ отправите мое письмо, чтобы с ним разбирались на месте, останется то, что было, а может, и хуже будет». — предупредила прапорщик Любовь Анатольевна Гарвардт.

«Куда уж хуже!» — думалось мне, пока, собираясь в неблизкую дорогу, перечитывал ее кричащие строки: «Замполит роты из партии исключает, теперь ему остается из войск уволить, а может, придет кто и заберет из дому. Так у нас будет скоро, как при сталинских репрессиях...»

Чего-чего, а эмоций в письме хватало. Но вот что все-таки заметно отличало его в нашей почте: подлежащий увольнению человек не ставил набивший оскомину вопрос: «Почему сокращают меня, а не его». Хоть головоломкой письмо Гарвардт содержало немало, все они лежали, как говорится, в иной этической плоскости: «Почему командование не прислушивается к мнению коллектива?», «Почему тот, кто стоит по служебной лестнице выше, может тебя безнаказанно оболгать?», «Почему всяк хорош до той поры, пока молчит и соглашается, а как начинает говорить правду, становится негодным?» Ну и наконец: «В каком уставе записано, чтобы у коммуниста отбирали партбилет на цеховом собрании?»

Забегая вперед, сразу успокою читателей: никто, разумеется, ни Любовь Анатольевну, ни ее мужа — Владимира Эрвиновича (а они бок о бок прослужили девять лет контролерами, состояли в одной парторганизации), ни их детей никуда «забирать из дому» не собирался. Больше того, как мне рассказывали в роте, тот самый замполит — старший лейтенант Еремек Камитович Абитеев, от которого, судя по письму, исходили «все интриги», немало положил сил, чтобы дом, в котором живут Гарвардты, принадлежал им не наполовину, а целиком.

БОЛЬШАЯ часть письма Любви Анатольевны — беспокойство за судьбу мужа: «Пять лет назад принимали в партию, был достойный человек, принципиальный, правду говорил в глаза. А такие никому не нравятся. Вот если бы водку пил, гулял,

на службу не выходил — вот такие нравятся: они молчат и хорошие люди (что и говорить, странная логика, но будем терпеливы.— Е. А.). Слушали его отчет. Характеристики написали такие, что к тюрьме не подпустят. Партийную писала Петровиченко под диктовку замполита. Кто служебную писал, и не знаю. Все, что можно плохого написать, было написано».

Любовь Анатольевна не оговорила. Она действительно не знала, кто и что писал, подписывал. И немудрено, ведь на том партсобрании ее не было, а если верить протоколам, то отсутствовала она по разным причинам и на трех предыдущих. В общем, все писалось ею со слов мужа. Поэтому на встречу с Гарвардтами я поехал, захватив выписку из протокола партсобрания, где слушался отчет Владимира Эрвиновича, а также свидетельства сослуживцев, как он бросил партбилет и ушел с собрания.

Надо отметить, что и сам Владимир Гарвардт в начале года не иначе, как от случая к случаю посещал партсобрания. Единственное поручение не выполнил. Участвуя он регулярней в работе цеховой, первичной парторганизаций, наверняка исчезла бы его болезненная подозрительность, что кто-то строит ему козни. Ведь он и предстоящий свой отчет воспринял буквально в штыки: «Почему с меня первого требуют отчитываться!» Но ведь в январе коммунисты роты заслушали Абитеева, в марте — Ефимова. Стало быть, ни о каком «первенстве» речь не шла. Да и решение принималось отнюдь не ротным политработником, а секретарем батальонной парторганизации после того, как 23 марта коммунист Гарвардт без уважительных причин не явился на собрание первички, а перед тем отказался идти на цеховое.

ИЗ ТЕХ, КТО рекомендовал Гарвардта в партию, в подразделении остался только старший прапорщик Г. Григорьев. Я попросил его охарактеризовать своего протеже, и Геннадий Сергеевич сказал без обиняков:

— Вспыльчивый человек, самолюбивый, упрямый. Он одно время и из роты ухо-

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

дил не случайно. Любит у других недостатки замечать, своих не видит. Начальником войскового наряда заступал, так начались конфликты с прапорщиками. Он ведь как говорит: «Я за других работать не хочу и отвечать не хочу». А в начальниках ходить хочет. И никак не поймет, что одно с другим не вяжется.

Ну а как коммунист... Какой человек, такой и коммунист. В прошлом году избрали меня секретарем цеховой парторганизации, его — заместителем. Палец о палец он не ударил. Я в отпуск уходил, он даже деп не принял. В общем, куда ни кинь, ошибся я в нем. В партии он случайный человек.

НО ВЕРНЕМСЯ к отчету Гарвардта, тем более, что эхо словесных баталий достигнуло политотдела УВВ по Западной Сибири.

Вопрос: — На политических занятиях перед выборами народных депутатов вы сказали другим: «Не ходите голосовать!» Как оцениваете свой поступок?

Ответ: — Мои слова ни к кому конкретно не относились. Считаю, что вправе говорить то, что думаю.

Вопрос: — Почему перед каждым выездом на партийные собрания в батальон устраиваете скандалы: то вы со службы, то не с кем детей оставить, то зачем вам там быть вдвоем с женой?

Ответ: — Ездить на партсобрания для того, чтобы спать там после дежурства, не хочу. Да и зачем ездить туда, где нельзя критиковать начальство? Чуть что — затыкают рот.

Вопрос: — Почему все же личные интересы ставите выше общественных, а критику в свой адрес воспринимаете как «подкоп» под вашу личность?

Ответ: — Претензий ко мне по службе не было. А в остальном я никогда не скрывал, что личные интересы ставлю выше общественных.

Вопросы следовали в основном от Абитеева и Петроченко. И, как заметил разбивавшийся вскоре в конфликте ответственный секретарь партийной комиссии при политотделе части майор В. Мамонов, собрание превращалось в перебранку.

Начались предложения. Абитеев сказал, что с такими взглядами Гарвардту не место в партии, и предложил собранию ходатайствовать перед первичной парторганизацией об исключении его из КПСС.

Коммунист С. Чернышов возражал против столь крутого поворота событий и считал, что можно вполне ограничиться постановкой на вид.

Стали голосовать. Предложение Абитеева «зарубили», хотя сам Гарвардт демонстративно поддерживал именно его.

— Покажите мне хоть одного из здесь сидящих, — обратился он затем к политработнику, — кто бы болел за ближнего, за коллектив? Я и сам давно хотел, чтобы

меня исключили из партии, потому и считаю, что так будет правильной. Больше я нигде не поеду, никаких объяснений давать не стану, платить членские взносы тоже не буду.

— Так выкладываете партбилет, — отреагировал Ермек Камитович.

Гарвардт как будто только этого и ждал... Возникла странная ситуация: решение принято одно, а результат достигнут совсем другой.

— ВИНУ секретаря парторганизации и политработника нисколько не умаляю, — объяснял мне свою позицию Владимир Васильевич Мамонов. — Но случай-то уж больно нетипичный. Иной ведь до ЦК доходит, воюя за свой партбилет, а здесь... В общем, Абитеева, перегнувшего палку, мы заслушали на политотделе с приглашением всех политработников подразделений. С Гарвардтом я встречался трижды, беседовал по душам, объясняя, что партийными билетами не разбрасываются... Трижды просил забрать документ, но он встал в позу обиженного, давая понять, что если и выполнит просьбу, то не раньше, чем обратятся с ней товарищи из вышестоящих политорганов.

И ведь, заметим, добился своего. Не дал уговорить себя ответственным секретарям парткомиссий при политотделах части, соединения. А вот доводам ответственного секретаря партийной комиссии при политотделе войск по Западной Сибири уступил. В память о том остался в семье Гарвардтов официальный документ за подписью начальника политотдела полковника Л. Павлова. И хотя в нем говорится, что «...коммунист Гарвардт В. Э. проявил личную невыдержанность в ходе заслушивания на партсобрании и бросил партийный билет, свою ошибку он признал». Ну а дальше уведомялось: «Заместителю командира роты по политчасти т. Абитееву Е. К., секретарю парторганизации т. Петроченко Р. Я. указано на недопустимость отступлений вперед при подготовке и проведении партсобраний, заслушивании отчетов коммунистов и рассмотрении их персональных дел».

И вроде бы все расставлено по своим местам, но... Надо ли нам сегодня придерживаться в партийной жизни каких-то догм? Какое партийное расследование требовалось для привлечения В. Гарвардта к партийной ответственности? Или, может, в соседней роте его знают лучше, чем в своей? И потом, вся эта история с уговорами. Уж очень она смахивает на стремление любой ценой не омрачить картину благополучия. Или, может, партийным руководителям не важно, какое нутро коммуниста — главное: не прогреметь бы с «отказником», не потерять бы пресловутую единицу в отчетах!

Майор Е. АРТЮХОВ.

СТЕРЕГУЩИЕ

(ИЗ ПОЭМЫ)

I

Когда шашки врубались в лбы
В атаке кроваво-бешеной,
Мы были мудро задуманы,
Мы были круто замешены.
Локкарт в испуге,
Савинков скис...
От партии в чистые руки
Нас принял Дзержинский Феликс
По всей повивальной науке.
Тебе, революция, сердце — на!
С Россией, идущей в грядущее,
Вскормленные мыслью Ленина,
Шагнули войска Стерегущие.
На гребне всех человеческих мук,
В крови воровских ночей
Не было чище чекистских рук,
Чекистских сердец горячей.

II

Слеза сугробы жгла до дна,
Площадь грелась паром —
По Ленину партия плакала
Интернационалом.
По небу гудком стенающий клич,
Рты в крике разверзлись рвано:
Рано оставил ты нас, Ильич!
Рано! Рано! Рано!

III

Что-то случилось, что-то не так.
За собой вины не сознавая,
Пел политический этап:
«Широка страна моя родная...»
По лесам и полям, по покосам
Над порогами и гладью рек
Рвались репродукторы вопросом:
«Где так вольно
дышит человек?»...

IV

Собою историю меряя,
Без скидок и компромиссов
Пытаюсь вникнуть в материю
Партии коммунистов.
Как бы ни было мне уныло,
Не закроет глаз пелена —

ПОЭЗИЯ

Прапорщик А. ЯГОДИН,
участник VI семинара литераторов
внутренних войск

ОБ АВТОРЕ

Прапорщик А. Ягодин писать стихи начал недавно. Он еще недостаточно овладел поэтическим мастерством, и все же одаренность автора налицо. Он ищет свои темы, он по-своему подходит к их раскрытию. Доказательство тому — небольшая поэма «Стережущие», повествующая об истории страны, истории внутренних войск. И достоинства, и недостатки автора видны в ней воочию, и все же я рекомендовал бы ее к публикации в журнале. Прежде всего потому, что мне импонируют люди ищущие, думающие, небезразличные к делу, которому служат.

Что же касается мастерства — оно, не сомневаюсь, к Анатолию Ягодину придет.

Е. ЕРХОЗ, литературный консультант журнала, член СП СССР.

Я не вижу сильнее силы
Маркса, Энгельса, Ленина.
Но уходит Земля из-под ног...
Как ужиться мне с этой болью:
Окрашен праведный клинок
Такой же праведной кровью.
За то, что Коба
властвовал всласть,
Пестуя берий братию,
Обвиняют и Советскую власть,
И Коммунистическую партию.

V

Я про солдата речь веду,
Про Стережущего.
Чтоб удержать собой беду,
На все идущего.
Он незаконно не карал
И в шкуру палача не лез.
Забывшим часто он бывал.
И вдруг — повальный интерес.
И гнева приступы душа,
От спазмы горловой бледнея,

Читаю: «Милая душа,
Как ты сильна
под... шкурой зверя...»
За что, за что, хочу я знать,
Свинцовой мутною водицей
В мозги мне начали стрелять
Журналов тихие страницы?
Томятся в зонах уркаганы.
Смирные? Трезвые?
А кто считает наши раны —
Стреляные, резаные?
Если ты меня не понял,
Я доходчиво, друг мой:
Если есть воры в законе —
Есть законный часовой!
И в полемическом бою
Без усталости и лености
Я часовому гимн пою:
Будь вне прикосновенности!

VI

Между добром и злом
размыты грани —
Зло рядится и пудрится в добро.
Уже давно я этой мыслью ранен.
И ране той закрыться не дано.
Но если правда злу лицо открыла,
Зло брызжет ядом,
враз собою став,—
Вступает в силу Стережущих сила,
Вступает в силу воинский устав!

ЭПИДЕМИЯ СТРАХА И НЕНАВИСТИ

ОБЗОР ПИСЕМ, ПОСТУПИВШИХ В ПОЛИТУПРАВЛЕНИЕ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР И РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«НА БОЕВОМ ПОСТУ» ИЗ УЗБЕКИСТАНА

ТРАГИЧЕСКИЕ события в Фергане отозвались скорбным эхом в каждом доме. В партийные и советские органы, в редакции газет и журналов поступили и продолжают поступать сотни и сотни писем. Многие письма авторы вручали воинам внутренних войск — нередко с просьбой передать их в самые различные инстанции.

Пишут разные люди, но чаще — матери, ветераны войны, т. е. те, кому довелось пережить в жизни немало. Евреи и русские, украинцы и татары... Объединяет их одно: боль, тревога и гнев.

«Мы женщины-матери просим обезопасить наших детей и нас от смерти, которую несут басмачи Ферганской области, — обращаются через Политуправление внутренних войск к главе правительства Н. И. Рыжкову работницы института «Узгипрокоммунпроект» (всего 47 подписей). — Благодаря нашим юным защитникам — воинам внутренних войск еще существует жизнь на ферганской земле.

Дорогой Николай Иванович! Просим Вас оставить на долгое время наших воинов — защитников в нашем городе. Если солдаты нас покинут, то город сгорит и тысячи жизней исчезнут с лица земли. Страшно стало жить в Ферганской области. Неужели нет управы на убийц!»

Вот еще одно письмо, адресованное в Верховный Совет СССР и Министерство внутренних дел СССР. Его написали тоже ферганские матери — всего 88 подписей.

«Обращаемся к вам с просьбой, — говорится в нем, — при нормализации обстановки охрану общественного порядка в области осуществлять войсками МВД, разобратся и проинформировать трудовые коллективы области, почему до ввода войск МВД почти в течение 10 дней местные советские, партийные органы и органы МВД не предприняли решительных мер для обеспечения безопасности населения от бандитских погромов; направить в нашу область группу народных депутатов [т. Сахарова, Васильева, Евтушенко и др.], которые в своих выступлениях обвиняли воинов по наведению порядка в г. Тбилиси, чтобы они лично увидели, кого они обвиняли и кого защищали, — пусть посмотрят, в какой обстановке нам приходится жить

и работать; выразить глубокую благодарность солдатам, курсантам, офицерам войск МВД за их самоотверженный труд и героизм, проявленные при наведении общественного порядка, когда они безоружные противостояли вооруженной разъяренной толпе бандитов».

ГНЕВНЫЕ письма... Их много. Пишут не только те, кому довелось пережить ферганскую трагедию. Вдовы погибших на Чернобыльской АЭС справедливо, например, требуют: «Хватит все валить на пьянство и расхлябанность низов. Не народ надо обвинять во всех бедах, а тех руководителей, кто не способен действовать в критических ситуациях... в Фергане чернобыльская история повторилась, только в более страшном варианте: нас в течение трех дней не эвакуировали из смертельно опасной зоны, в Фергане — позволили бандитам резать и убивать жителей...»

«Безнаказанность, — пишет В. Леденев из Фрунзе, — многократно множит зло... Вот увидите, экстремисты еще себя покажут...»

Да, надо быть реалистами: враждебные силы в Узбекистане загнаны в подполье, но оружие они не сложили. Поэтому, как заявил в одном из интервью начальник внутренних войск МВД СССР генерал-полковник Ю. В. Шаталин, войска будут оставаться на территории Ферганской области до тех пор, пока не будет создана полная гарантия безопасности граждан.

Такое решение, безусловно, некоторым не по вкусу пришлось. В безумии своем они пытаются угрожать даже военному командованию. Пишут и рассылают подметные письма. Вот одно из таких писем:

«Шаталину Ю. В., Нечаеву Е. А. Немедленно дайте команду своим войскам частям, чтобы покинули Фергану сроком до 28 июня (!). В противном случае ваши семьи погибнут от рук сторонников мира и московских «наркотов». 14 миллионов представителей узбекского народа не оставят вас, как после событий в Тбилиси... Группа представителей Узбекистана ждет сообщения о выводе внутренних войск МВД СССР...»

Трудно даже определить сразу, чего в этом письме больше — развязности от без-

Уважаемая редакция!

В последнее время некоторые органы печати ставят под сомнение необходимость участия внутренних войск в Ферганских событиях. Мол, и без наших военно служащих конфликт был бы урегулирован. Более того, отдельные народные депутаты заявляют об этом и на заседаниях Верховного Совета СССР.

Уместен вопрос: кому выгодны подобные кривотолки, нагнетание слухов, попытка новой клеветнической атаки на внутренние войска? Думаю, чтоб до конца разобратся во всем, лучше выслушать мнение простых жителей Узбекистана в связи с событиями в Фергане. Видимо, редакция располагает такими свидетельствами. Прошу вас, опубликуйте их, чтобы мы имели возможность услышать голоса тех, кому межнациональные конфликты принесли боль, страдания, потерю близких...

Майор А. РУСАКОВ

наказанности, бессильной злобы или отчаянной глупости. Неужели кто-то всерьез может думать и надеяться, что внутренние войска после всего случившегося оставят народ беззащитным, бросят его на произвол судьбы?! Впрочем, как ни горько в этом признаваться, такую веру и надежду вполне могли вселить в душу людей разгул, вакханалия разбоя и погромов, успехи экстремистских сил, которые стали возможны — опять мы к этому вынуждены возвращаться — из-за проявленного в те первые дни бездействия местных властей. Мы, пожалуй, до конца еще не осознали, какой моральный урон нанесен нашему обществу, какие пагубные последствия могли бы настичь нас позднее. Ясно пока одно: экстремисты на первоначальном этапе своей цели достигли — турки-месхетинцы вынуждены покинуть Узбекистан.

ДА, СЕЙЧАС мы, кажется, понемногу отходим от шока, в который всех нас повергли события в Фергане, но в памяти тех, кто пережил их, останутся зарубки навсегда. Вот почему так настойчиво люди спрашивают нас: как могло такое случиться? Знали все-таки или не знали партийные органы, Советская власть, работники охраны правопорядка о готовящихся погромах?

Почему в тот момент, когда надо было действовать быстро и решительно, всюду — в Ташлаге, Фергане, Маргилане, Коканде... — местные власти проявили преступную бездеятельность?

— Все, что произошло, — объяснял в те первые трагические дни журналистам секретарь Ферганского обкома партии А. Козырев, — для всех нас разорвалось громом среди ясного неба, пало как снег на голову. Разве мог любой нормальный человек предвидеть случившееся?!

Предвидеть такое действительно трудно, ибо о подобной жестокости люди наши

знают лишь понаслышке — «проходили по истории». Но сегодня совершенно очевидно, что о предстоящей резне — не поножовщине, а настоящей резне — знали и говорили чуть ли не по всему Узбекистану еще задолго до начала событий. Выходит, если поверить безоглядно А. Козыреву, о назревавших событиях не знали и даже не догадывались только те, кто по своему служебному долгу обязан был не только знать, но и вовремя в самом зародыше пресечь подготовку предстоящих погромов, проводившуюся чуть ли не открыто? Этого, однако, не произошло. Почему?

Ответы на этот вопрос требуют в письмах тысячи и тысячи наших сограждан.

Перед нами копия коллективного письма из Ферганы, адресованного Президиуму Съезда народных депутатов СССР.

«События в Узбекистане, — говорится в нем, — назревали давно. Просто нелепо говорить о какой-то споре из-за горсти клубники на рынке, ставшей якобы яблоком раздора. Да, эту глупую базарную историю знает весь Узбекистан. Но не это послужило причиной начала массовых погромов, убийств, грабежей... Коррупция, неистребимое взяточничество, социальная несправедливость, непомерная роскошь одних и отчаянная нищета других, незащищенность большинства, жажда легкой добычи и ненаказуемость за злодеяния — вот это и сыграло решающую роль в разгуле массового бандитизма...

Но, увы, власти ничего не сделали для спасения обреченных людей. Бездеятельность милиции, нейтралитет властей, ненаказуемость за преступления и дикое зверства открыли бандитов. Из города в город покатились страшная лавина погромов. Теперь уже не сотни, а тысячи черносоптенцев безбоязненно разгуливали по улицам городов и поселков. Ночь и день полыхали над Ферганой пожарища, и со всех сторон слышались крики о помощи, город стонал от боли и ужаса, а власти молчали. Только 6 июня (погромы начались в ночь на 3 июня. — Авт.) власти дали распоряжение вывезти за город полураздетых, голодных, перепуганных женщин и детей...

Кто же виноват в этих бесчинствах?.. Не те ли это люди, которые постоянно нагнетают напряжение в Карабахе, спровоцировали события в Тбилиси и теперь чернят и обвиняют нашу армию в грехах брато-

убийства? Ведь именно эти утверждения связали руки солдатам и дали возможность мафии безнаказанно сеять смерть и страх среди беззащитного населения. Кому это выгодно? Для чего это делается?

А бандиты по-прежнему разъезжают по дорогам Узбекистана и только и ждут, когда уйдут из городов и поселков солдаты внутренних войск. А то, что они уйдут, они знают. Что же нас ожидает, когда наши города опять останутся беззащитными? Кто остановит мафию? Есть ли в нашей стране сила, которая сможет справиться с ней — всесильной, неуловимой, вездесущей, грозной, кровавой и сказочно богатой? Кто может остановить ее?..»

Далее авторы письма сообщают, что еще в феврале заместитель министра внутренних дел Узбекистана Э. Дидоренко в интервью «Ташкентской правде» предупреждал: в республике действует широко разветвленный теневой штаб противников перестройки. Привел убийственные факты, мимо которых нельзя было пройти, оставить их без последствия, как это случилось.

В Узбекистане только за три последних года органы внутренних дел республики обезвредили около 700 организованных преступных групп, вооруженных банд, из которых можно сформировать полнокровную дивизию.

Ведь известно было и то, что в конце прошлого года в Маргилане почти открыто проводилась запись «добровольцев» — участников будущих беспорядков, а затем все они получили оповещение: «Ждите сигнала!» Что в Коканде прошли религиозные собрания, в которых приняли участие делегаты практически всех областей Узбекской ССР. На этих собраниях речь шла об объединении мусульман, образовании независимой Исламской республики Узбекистан (как известно, таких республик в мире пока две — Иран и Пакистан, за создание третьей — Афганистана — уже десять лет идет кровопролитная война). Нет, не таким уж безобидным кажется нам тот факт, что в Коканде во время беспорядков в вооруженной толпе был и такой лозунг: «Душим турков. Душим вырождков Ленина — русских! Да здравствует исламское знамя, мусульманская вера и аятолла Хомейни!»

«Еще в декабре прошлого года, — сообщает Н. Пак, — на многотысячном митинге в Ташкенте были подняты транспаранты: «Русские, уезжайте в свою Россию, а

крымские татары сами уберутся в Крым!» Тогда же по Андижану распространяли листовку (нам прислали ее фотокопию), в которой есть и такие слова: «...если вы являетесь истинными сынами узбекского народа, не уступайте русскому народу... Они забыли, что в тяжелые годы приехали к нам без штанов... В Узбекистане им нет места. Давайте сплываться и объединяться!» А в феврале уже нынешнего года в Ташкенте во время стычки, избивая пассажиров трамвая, распоясавшиеся хулиганы кричали: «Русских зарежем! Русские в Узбекистане всем надоели, их нужно вешать на фонарных столбах!»

НАС МОГУТ упрекнуть: зачем сейчас напоминаем об этом? Не будет ли способствовать это разжиганию конфликта теперь уже между русскими и узбеками? Что можно ответить на это? Горький опыт показывает, умолчание — не лучший способ избежать конфликта. Только правда, пусть даже самая нелицеприятная, может остудить горячие головы, заставит принять все меры к предотвращению подобного.

Перестало, наконец, быть секретом — об этом поговаривали «доверительно» и раньше, а теперь открыто пишут в газетах и журналах, — что до начала ферганских событий лидером комитета по возвращению турок-месхетинцев на родину было сделано вполне «официальное» предложение объединиться в скрепкий мусульманский союз», а когда те отказались, пригрозили расправиться с ними. Расправились, как видим, жестоко.

Но почему заговорили обо всем этом только сегодня? Не поверили, насколько все серьезно? Или не захотели поверить? Ведь многим было известно, например, что на предпрятиях Ферганской области еще с февраля почти в открытую стали изготавливать оружие — пики из арматуры, самодельные бомбы, бутылки с зажигательной смесью... Что составлялись списки турок-месхетинцев, проживающих в области. Знали и о том, что накануне трагедии: по области гуляла и такая листовка: «Убивайте турок, иначе будете наказаны! Оказывайте помощь поджигателям!... Юноши, собирайтесь, не будьте последней ногой у собаки. Если хоть один юноша останется дома, не будет действовать, он может умереть под ударами камней! Бог даст, сегодня — загорится дом турка!»

Подписано: «Союз узбеков». Неужели и такое никого не насторожило?

Как же все-таки реагировали официальные органы на предупреждение заместителя министра внутренних дел республики, на многие другие тревожные факты и события, предшествовавшие погромам? Восьма, надо признать, своеобразно. «Правда Востока» в редакционной статье, например, вопрошала возмущенно, адресуясь явно к Э. Дидоренко: «Откуда такая уверенность?» Помните его доклад о теневом штабе противников перестройки? «Или те-

перь в работе МВД главное — будоражить людей?» А вскоре газета опубликовала сообщение о том, что на конференции по межнациональным отношениям, которая состоялась в Ташкенте, была высказана полная солидарность ЦК Компартии Узбекистана по данному вопросу с позицией редакции «Правды Востока».

Таковы — увы! — факты.

Допускаем, однако, что и в данном случае желание «сохранить мир в доме любой ценой» взяло верх над здравым смыслом. Но чем можно объяснить бездействие властей, когда начались погромы, когда поднялись к небу клубы черного дыма пожарищ, а тысячи людей собрались в Фергане перед обкомом партии в поисках защиты и... не нашли ее? Неужели и тут верх взяло желание «не выносить сор из избы»?

По области катились погромы, опережая их, обрушивались на головы людей слухи, один страшнее другого, а власти, в распоряжении которых находились мощные средства массовой информации — газеты, радио, телевидение, — «хранили гордое молчание». Можно и нужно было блокировать экстремистов еще в Куvasae, создать и бросить против бандитов рабочие отряды, выступить с открытым обращением к народу, призвать, дать отпор экстремистам — такие обращения газета опубликовала лишь тогда, когда все свершилось, а в область прибыли для наведения порядка войска и надобность в подобных мерах по существу отпала.

В «СОБЕСЕДНИКЕ» (№ 29) приведен рассказ корреспондента «Ферганской правды» Романа Кима о том, как готовилось к печати первое сообщение о событиях в Куvasae. Он на многое приоткрывает людям глаза.

— Еще 25 мая я поехал в Куvasай, — рассказывает журналист. — Имел разговор с Эгамбердыевой, секретарем обкома партии. Она объявила, что материал газета давать не должна, будем ждать сообщения УзТАГ. Вернулся в Фергану, на следующий день поехал в Куvasай снова. В штабе меня встретил заведующий идеологическим отделом обкома Шерматов. «Не надо ни с кем беседовать, сделайте материал по официальной справке», — сказал он. Я возразил, что нужен живой материал, но он посоветовал писать непосредственно в штабе, так как материал будут «редактировать и править». Стал писать по справке. Не гнался за сенсационностью, но узбеки были в материале названы узбеками, таджики — таджиками, турки — турками, а одной из причин вспышки назывались давно не решавшиеся социальные проблемы Куvasая. Заметку отдал, получил обратно через три часа с визой Шерматова. Указания на национальность участников событий, на социальные проблемы были вычеркнуты.

Абдусамат Шерматов поясняет:

— Заметку обсуждал не я один — штаб. Там были секретари обкома партии, на-

чальник КГБ, заведующий идеологическим отделом ЦК КП Узбекистана Зиямов. Это сейчас легко рассуждать, а тогда мы посчитали, что указание на национальность может разжечь конфликт...

А по области в это время кто-то усиленно распространял самые невероятные слухи о «зверствах турок». Как нужна была в те дни правда с газетных страниц!

Население никакой официальной информации не получило, слухи же о «бесчинствах турок» порождали ненависть, агрессивные устремления, особенно у молодежи, дать им достойный «отпор». Турки-месхетинцы практически были брошены на произвол судьбы.

«Я все видел своими глазами, — пишет водитель такси Николай Р. — Фамилию не указываю, меня могут убить. Я вез пассажиров из Коканда в Фергану — узбеков, кстати. В Маргилане машину остановили вооруженные топорами и ножами юнцы, пассажиров выволокли и избили. В салон набилось десять человек, приставили мне тесак в бок, приказали: «Едем в Арталык, турок будем жечь». А рядом стояли милиционеры, чуть дальше — безоружные солдаты. И никто ни во что не вмешивался. Пришлось ехать — не погибать же. Да, все проходило на их глазах, но я думаю сейчас, а что могли солдаты сделать против многотысячной толпы, да еще безоружные? А милиция не стреляла...

И защитники правопорядка взирали с болью, как из автобусов выволакивали турецких девочек и совершали над ними надругательства, как с крыши дома — было и такое — сбросили русского, оказавшего бандитам сопротивление, а потом, еще живого, сожгли его...»

«Как же оценить действия защитников правопорядка, — спрашивает в письме Михаил В., рабочий из Коканда, — если в Указе Президиума Верховного Совета СССР недвусмысленно оговорены права сотрудников милиции в исключительных случаях применять оружие «для защиты граждан от нападения, угрожающего их жизни и здоровью, если иными способами и средствами их защитить невозможно». Надо ли было ждать специального приказа? Ведь ситуация была «сверхисключительной», но оружие, однако, применено не было. Почему? Позже некоторые сотрудники милиции признавались нам, что они просто «боялись выстрелить, как бы потом не пришлось отвечать за это». Выходит, страх

возможного наказания взял верх над долгом, нет, не служебным, а человеческим, когда, не задумываясь, надо было спасти жизнь людей, тем более женщин, стариков.

Прокурор Ферганской области Абдулла Атаджанов объяснил журналистам, что руководство МВД Узбекской ССР и УВД Ферганской области «не пошло на эти крайности из... гуманных соображений».

Вот так: «гуманность» к палачам и садистам обернулась десятками и десятками жизней ни в чем не повинных людей.

ДА, БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и беспомощность обернулись трагедией. Многие виновники бесчинств уже понесли наказание. По делу остальных следствие продолжается. В Узбекистане работают крупные силы правосудия. Думаем, однако, чтобы разрубить этот «гордиев узел», только правозащитных мер недостаточно. Об этом же свидетельствуют многочисленные письма из Узбекистана, которые написали нам люди разных национальностей.

«Нет, не узбек выступил против турка, — пишет из Ташкента украинка Татьяна Г. (фамилию тоже просила не указывать), — выступил «бай» против бедняка. «Темные силы» ставку сделали на юнцов, у которых еще гуляет ветер в голове, преступников да наркоманов, которых легко одурачить или подкупить. Да, в беспорядках приняли участие тысячи других, доведенных беспросветной жизнью до отчаяния людей.

Но знаем ли мы, как живет простой узбекский труженик?! Уверена, большинство из нас даже не догадывается об этом.

Сказочный занавес над узбекским благополучием и богатством приоткрыл известный публицист Василий Селюнин, совершивший продолжительную поездку по республикам Средней Азии. Мы, наконец, узнали, что «среднестатистическая душа» населения в Узбекистане съедает за год не более 30 килограммов мяса, причем этот деликатес потребляют в основном горожане. На сельского жителя приходится 8 кило в год (напомню: в среднем по союзу — 65 килограммов). Знаменитый восточный плов известен крестьянской семье больше по запаху, нежели по вкусу. Душевое потребление молока чуть превышает половину общесоюзной нормы, яиц — 41 процент. В это трудно поверить, но плодов, ягод, винограда, овощей, арбузов, дынь житель съедает тоже гораздо меньше. Базарные цены практически на все продукты выше, нежели в столице. Семья считается благополучной, если на человека приходится 30 рублей в месяц. Но этот нищенский доход сокращается — даже по официальным данным, в последнее время в Узбекистане он падает на 1,1 процента ежегодно...»

Это, так сказать, одна сторона медали. А другая? Одна из основных причин бедствований в огромном регионе, считает В.

Селюнин, — это расслоение общества на касту управляющих и массу управляемых. Дом, расколотый в себе, как устоит? Они живут словно в разных мирах. На одном полюсе — голод, бедность, покорность судьбе, тупой труд, на другом — роскошь, вседозволенность, психология нувориша, дорвавшегося до власти. Надо видеть великолепное презрение последнего в касте избранных к «низам».

Вот это, заканчивает свое письмо Татьяна Г., и является главной причиной ферганских событий... Перестройка создала реальную угрозу существованию привилегированной касты, роскошной жизни нуворишей, и те нанесли коварный удар, нет, не по туркам — по народу-труженику. Эпидемия страха и ненависти — оружие элиты...

**Путем шантажа и угроз
антисоветским силам — пора вещи
называть своими именами —
удаётся и сейчас, когда обстановку
в области контролируют внутренние
войска, подогреть тревогу
в народе, особенно у жителей
неузбекской национальности.**

Вот цифры: до 1 июля нынешнего года из Ферганской области выехала 21 тысяча человек. Из них — 1269 крымских татар, 833 русских, 310 таджиков, 113 евреев, 98 киргизов, 80 армян, 79 азербайджанцев, 70 украинцев, 16 282 турка-месхетинца и 1 903 человека других национальностей. Как видите, немало для одной области. Но можно ли полностью верить этим цифрам? Думаем, что они все же занижены, потому что сведения местные органы давали весьма неохотно. Скорее всего, они и сами не располагают точной информацией, так как до сегодняшнего дня никто не может назвать, например, точную цифру пропавших без вести во время беспорядков в Ферганской области.

Население тревожит и тот факт, что до сих пор никто еще не приступал к восстановлению сожженных и разрушенных во время беспорядков домов турков. На многие месяцы вперед в Фергане, Коканде, Маргилане заказаны контейнеры для перевозки домашних вещей — следовательно, выезд из Узбекистана нацменьшинств продолжается. А это может означать лишь одно: люди потеряли веру в то, что их жизнь и безопасность кто-то сможет защитить. Десятки тысяч людей не верят местным органам партии, Советской власти — вот до чего дошло! Задумываемся ли мы по-настоящему, чем это в конечном счете может обернуться для нашего государства?

ФЕРГАНСКИЙ разбой, без преувеличения, ужаснул тысячи и тысячи людей, проживающих не только в Узбекистане. В сердцах многих сегодня поселилась тревога за завтрашний день. Советских людей волнует сейчас одно: извлекаются ли уроки из кровавых трагедий? Что делается для того, чтобы то, что случилось сегодня, не произошло завтра?

Извлекаются, оказывается: такому-то выговор, другому — полвыговора... А в это время... Впрочем, процитируем документ — справку на имя заместителя министра внутренних дел Узбекской ССР тов. Э. Дидоренко, озаглавленную «О публикации в газете «Коммуна».

«...В областной газете «Коммуна» опубликован отчет заседания «круглого стола», организованного редакцией.

В этой публикации, грубо извращающей действительные обстоятельства происшедшего, предпринимаются откровенные попытки оправдать имевшие место бесчинства и по существу реабилитировать виновных, совершивших тяжкие преступления, погромы, изнасилования, разбойные нападения.

Одновременно дискредитируются Министерство внутренних дел республики и командование внутренних войск, участвовавшие в ликвидации массовых беспорядков... Распространяемая — теперь уже в официальном порядке — дезинформация среди населения оказывает негативное воздействие на процесс стабилизации, усугубляет межнациональную напряженность...»

Подписал справку генерал-полковник Ю. В. Шаталин.

Эта публикация — не единственная в периодической печати. Даже в выступлениях народных депутатов идет нагнетание «негатива» о внутренних войсках. Высказываются мнения о том, что и без их участия конфликт был бы урегулирован.

— Ни одно материнское или отцовское сердце не приемлет объяснений объективности обстоятельств гибели сына или дочери, — сказал генерал-полковник Ю. Шаталин в беседе с корреспондентами «Красной звезды». — В их смерти винят нас, военных, и только нас. И убийцы наши военнотруженики, оказывается, и садисты. Но знает ли широкая общественность имена и фамилии тех теневых политиков и общественных деятелей, кто националистическими и антисоветскими лозунгами накалил эмоции толпы до предела, кто сегодня делает все возможное и невозможное с единственной целью — обвинить войска, а самим остаться в «белых перчатках»? Всем здравомыслящим людям ясно: насилию, основанному то ли на национальной основе, то ли на уголовных мотивах, необходимо противопоставить силу. Силу реально в момент вандализма, а затем, безусловно, силу разума, компромиссов, политических решений возникших разногласий. Но долго ли еще нашим офицерам и прапорщикам, нашим солдатам-мальчишкам рас-

плачиваться тяжелыми физическими и моральными нагрузками, здоровьем, жизнью за бездеятельность, попустительство, национальное ослепление местного руководства?

... Да, многие, кто привык «проводить в народ политику партии» из кабинета по телефону, с глазу на глаз оказываются беспомощными, неспособными вести честный и нелицеприятный разговор с людьми.

Мы не раз встречались с трудящимися Ферганы. Были в рабочих коллективах, школах, учреждениях. В блокнотах после них — сотни вопросов, на которые люди ждут правдивых ответов:

не связаны ли события в Фергане с выпуском из-под стражи коррумпированных элементов?

кто финансирует разбой и погромы? почему отделались легким испугом некоторые руководители партийных, советских и правоохранительных органов?

от кого исходит решение собирать сведения в ЖЭКах о национальном составе проживающих?

почему так плохо экипированы солдаты: щиты разлетаются, бронежилеты тяжелые, форма одежды неудобная, каски не защищают лицо от ударов?

нельзя ли заменить местную милицию, которая себя скомпрометировала, на личный состав внутренних войск? Мы верим только внутренним войскам...

турки высланы — экстремисты добились своего. А правительство, выходит, поддержало их?

у многих крепнет уверенность, что те, кто сам должен нести наказание, ищет теперь тех, кто творил бесчинства...

скажите откровенно, может ли государство, сохранив взятый курс на демократизацию, гарантировать своим гражданам безопасность и неприкосновенность? Не пора ли, поиграв в гласность и демократию, наводить в доме порядок, ибо хозяевами положения в нем становятся нередко наркоманы и проститутки, преступники и всевозможные дельцы...

не навязывают ли нам «темные силы» новой братоубийственной гражданской войны?

Людей, как видите, беспокоит не только личное благополучие — их в не меньшей, если не большей, степени тревожит судьба страны. Искусно подогреваемые межнациональные разногласия тяжким бременем ложатся на перестройку нашего общества. Мы должны докопаться до истоков трагических событий и принять правильные решения, чтобы спасти дело, которое начали.

Генерал-майор Е. НЕЧАЕВ,
заместитель начальника Политуправления
внутренних войск МВД СССР.
Полковник П. СТУДЕНИКИН,
наш спецкор.

БАКУ — ГОРОД ВЕТРОВ

Ветры здесь бывают знойными, порывы их вздымают пыль и делают серыми оливковые ветки.

Кое-где на перекрестках напоминаем о недавних взрывоопасных событиях — переносные заграждения со строгой надписью «Стой! Комендантский пост».

■ Скоро заступать на службу. «Как настроение у солдат?» — вопрос свой секретарь бюро ВЛКСМ рты сержант Сергей Токарев адресует младшим командирам, комсомольским активистам.

■ «Зачем солдаты у метро? Присутствие патрулей создаст нервозность» — такие утверждения нередки. А как быть горожанам, если в метро не пускают пикетчики, объявляющие себя борцами за демократию? Кто защитит водителей автобусов, «осмелившихся» выйти на работу в дни забастовки? Единственная надежда на солдат порядка. Кстати, сотрудник местной милиции поспешно ушел из кабра, ссылаясь на какой-то приказ своего начальства. Из скромности?..

■ За плечами прапорщика Сергея Руднева — Фергана, Абхазия, Нагорный Карабах... Медаль «За отличную службу по охране общественного порядка» он получил после операции по освобождению заложников, захваченных террористами. Пусть не сомневаются бакинцы — их покой охраняют надежные парни.

■ В дни забастовок газеты выходили с перебойми. А люди так ждут объективной, полной информации.

■ В Низаминском, Кировском, Ленинском и Орджоникидзеvском районах города выполняли службу по охране общественного порядка подчиненные подполковников В. Еловского (на нижнем снимке он слева) и В. Васильева. Оперативная обстановка нередко была сложной. К чести офицеров, все задачи решались умело и быстро.

Фото
А. АЛЕКСАНДРОВА.

ПОМОГИТЕ УВОЛИТЬСЯ

В последнее время в редакцию все чаще обращаются молодые офицеры с просьбой помочь уволиться из войск... Приводят доводы о якобы своей бесперспективности, разочаровании в службе, войсках. Но есть обратная сторона проблемы. Все ли взвесили те, кто принял столь ответственное решение? Да, бывает, не дается в службе. В эти легкие минуты, когда, кажется, все валится из рук, особую ценность представляют неказенное слово командира и политработника, их житейская поддержка, стремление разобраться и помочь молодому офицеру. Но как часто он не получает их! Вот тогда-то и появляется мысль немедленно написать рапорт об увольнении из войск. Именно перед таким выбором оказался в свое время подполковник Р. Дамиров, письмо которого мы также публикуем.

Почему я взялся за перо? Очень хочу помочь тем молодым людям, которые выбрали себе нелегкую профессию офицера. Сразу оговорюсь: доведись начать жизнь сначала, повторил бы свой путь.

В школе мечтал стать учителем. Только все получилось не так, как хотел. В педагогический институт не прошел по конкурсу. А когда призвали в армию и увидел работу командиров, понял, что они такие же воспитатели, наставники, как и учителя. Хотя разве школьный педагог проводит столько времени с учениками? Разве несет такую ответственность перед родителями? И вот тогда пришло желание стать офицером.

В 1981 году я закончил военное училище. С тех пор служу на Дальнем Востоке. Работал поначалу с желанием, стремился показать себя... Заметили меня не сразу — лишь через пять лет получил назначение на должность заместителя командира роты по политической части. Но с годами начал считать себя бесперспективным. И совсем не из-за того, что попал в глушь. Не видел просвета в службе, вот и решил уволиться из войск. Написал рапорт по команде. Вскоре был вызван на беседу в УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири. Говорили со мной начальник политотдела полковник В. И. Быковский и офицеры отдела кадров.

Как мог, объяснил причину своего решения, откровенно сказал, что, считаю, в народном хозяйстве от меня будет больше пользы, чем в войсках. Есть специальность газосварщика, мол, пойду работать. Хотя дело совсем не в профессии. Мое глубокое убеждение: каждый человек имеет право выбора, и я сделал его для себя.

При беседе же с полковником Быковским выяснилось, что офицер, пожелавший уволиться, должен иметь взыскания по служебной и партийной линии, лишь тогда он «созреет» для увольнения. Но у меня за все годы службы ни одного взыскания! Что ж, я должен теперь начать пьянствовать, не выходить на службу? Считаю, что офицеру нельзя до этого опускаться. Да и не для того вступал я в ряды КПСС, чтобы пятнать свою партийную совесть. Хотелось бы уйти по-хорошему. Тем более что сейчас идет процесс сокращения войск... Как мне быть, не знаю и прошу редакцию помочь.

Старший лейтенант С. ДОЛГИХ.

Сегодня могу сказать: да, наша служба тяжела и суровая, она не дает никаких поблажек. Особенно тем, кто относится к ней с легкостью. Поэтому посоветовал бы вчерашним выпускникам военных училищ не бояться трудностей, ибо в преодолении их и происходит наше мужание, становление.

А трудностей хватает. Смотришь фильм, взгляд устремлен на экран, а мысли совсем в другом месте: «Как там в карауле, все ли нормально?» Каждый телефонный звонок волнует: может, что-то случилось? Где бы ни был — на работе, дома, в отпуске, чувствуешь ответственность за подчиненных.

ВСТРЕТИЛИСЬ ДВА ПИСЬМА

Что в нашей службе главное? Конечно же, высокая профессиональная подготовка каждого офицера, какую бы он должность ни занимал, и умение работать с личным составом. Кстати, последнему очень мало внимания уделяют наши учебные заведения, хотя всякому известно, что найти контакт с людьми порой очень и очень сложно. Это я испытал на себе. Особенно памятен дни, когда назначили заместителем командира роты по политчасти. В подразделении были офицеры в два раза старше меня по возрасту. Двое из них — бывшие ротные. Не чувствовал я поддержки и со стороны старших начальников. Попросишь о помощи, а в ответ: «Иди работай, придет время — поможем в приказе». Как-то меня трижды за неделю наказали за то, что решил покритиковать метод работы одного из них. Обиделся на всех и написал рапорт на увольнение. Не знаю, как сложилась бы моя судьба, не окажись рядом подполковника Н. Федосова. Его советы очень помогли мне и в те нелегкие дни, и через несколько лет.

Через некоторое время получил повышение по службе. До сих пор перед глазами день, когда прощался с личным составом. Не хотелось расставаться с родным коллективом. Много теплых слов от подчиненных услышал тогда...

А ждала меня, одновременно говоря, «дыра». Сослуживцы сочувствовали, советовали отказаться. Делать этого не стал. И хочу сказать молодым офицерам: соглашайтесь на перемещения по службе, тогда будете расти в должностях и званиях. К сожалению, еще встречаются люди, которые забывают об этом, начинают искать причины.

На новом месте было тяжело. На помощь пришли все те, кто ждал перемен в коллективе. Добрым словом вспоминаю я прапорщиков В. Рябухину, Н. Дуплякову, И. Осинцеву и других.

С чего мы начали? Первым делом обратились к ветеранам коллектива, подготовили и провели встречу с ними. Они-то нам и подсказали, как исправить положение дел. Их советы взяли на вооружение.

Итоги служебно-боевой деятельности за период обучения стали подводить с приглашением членов семей военнослужащих, где открыто говорили о недостатках, отмечали мастеров службы и учебы, рассказывали об их опыте. Совместно с женсоветом начали организовывать культпоходы в областной город, выезды на рыбалку,

проводить спортивные мероприятия. Они сближали людей, способствовали сплочению воинского коллектива. И дела в нем пошли на поправку: через полтора года подразделение было признано отличным. И все бы ничего, да вмешался случай: в одном из батальонов произошло тяжелое происшествие. Были наказаны многие офицеры. Снят с должности командир. Помнится, один из нас сказал: не завидую тому, кого туда назначат после происшедшего... Мы понимали, о чем он вел речь: обстановка в подразделении была сложной.

А через три дня именно мне и предложили эту должность. Осознавал, что для исправления положения надо работать день и ночь, а это значит — прощай учеба (в то время заочно учился в вузе), семейная обустроенность. Но все же решил, что надо ехать и работать. И об этом сегодня не жалею.

Когда принял подразделение, стоял декабрь. Личный состав спал под двумя-тремя одеялами. В кабинете командира батальона стены покрывались льдом. Умывались военнослужащие технической водой из отопительной системы, с питьевой были перебои. В баню ездили за 30 километров, с утра уезжали возвращались в полдень, а иногда и позже. Тем самым теряли два учебных дня.

Когда поближе познакомился с людьми, понял: медлить нельзя, и главное — как можно быстрее нужно создать нормальные условия для жизни личного состава. Не все верили в перемены к лучшему. Солдаты и сержанты говорили: нам много обещали, а что изменилось? С офицерами было сложнее — некоторые открыто заявляли о желании побыстрее уехать отсюда.

В результате кропотливой работы мы создали в батальоне нормальные условия для жизни и службы.

Решая бытовые вопросы, мы не забывали и о службе, боевой учебе. Сдвиги есть. А как выросли люди! Пошли на повышение, многие зачислены в резерв на выдвижение.

Пусть не покажется, что у нас идет все так гладко. Главное, что в батальоне сегодня дружный коллектив, которому по плечу успешное решение поставленных задач.

Подполковник Р. ДАМИРОВ,
командир батальона.

«Я—ЗА ЧЕСТНУЮ ГЛАСНОСТЬ»

СТРАНА переживает информационный бум, сняты многолетние запреты и ограничения на выбор и исследование ранее «закрытых» тем, советские люди с огромным интересом следят за публикациями, освещающими историю нашего государства.

В этих условиях появились произведения, в которых подвергаются критике те или иные элементы политической структуры нашего общества, в том числе органы и войска НКВД—МВД. Часто их история и современная деятельность изображаются субъективно и, как правило, с негативной стороны.

Мотивация действий этих авторов в целом понятна: они торопятся «застолбить» тему, прослыть «архиперестройщиками», позвать лавры первооткрывателей.

Возможно, есть категория лиц, сознательно подрывающая доверие населения к правоохранительным органам. Сформировав негативное общественное мнение, те, кто пострадал весьма «винно», реабилитируют себя в глазах окружающих и даже приобретают ореол «мучеников за идею».

Другие пострадали действительно невинно, озлобились и порой, не разбирая, где причина, где следствие, или не имея достаточного мужества для обличения реальных пороков функционирования нашего общества, обрушиваются на тех, кто ближе стоит и менее всего повинен в их бедах.

Будет несправедливо не сказать, что есть и такие, кто пытается объективно оценить историю, проанализировать, обозначить проблемы, существующие на сегодняшний день в борьбе с преступностью, укреплении правопорядка и социальности. Именно такой заинтересованный и доброжелательный подход заставляет глубже осознать прошлое и задуматься о том, как будут выглядеть наши дела в исторической перспективе. Но, к сожалению, серьезных авторов до обидного мало.

На страницах журналов и газет, в том числе «Невы» и «Ленинградской правды», появилось множество подобных публикаций. Под их влиянием у читателей при упоминании об органах и войсках НКВД довоенной поры сразу в памяти всплывают одиозные фигуры Ягоды, Ежова, Берии. Но почему они должны заслонить то по-

зитивное, что имел в своем арсенале Народный комиссариат внутренних дел?

Массовые репрессии 30-х и 40-х годов не имеют оправдания ни морального, ни исторического. Активные участники злодеяний должны быть названы и привлечены к ответственности—это мое мнение, но нельзя из одной крайности впадать в другую, пятая обвинениями в мнимой причастности к преступной деятельности сотни и тысячи людей только потому, что они служили или служат сегодня в органах и войсках НКВД—МВД. Говоря об уроках правды, партия отмечает, что правда должна быть полной, а анализ явлений всесторонним. Почему же так однозначно негативны публикуемые произведения и материалы?

Почему отделяют историю органов и войск ВЧК от истории организации, подхватившей эстафету защиты завоеваний революции? Можно отмахнуться от этого вопроса и заявить, что к середине 30-х годов НКВД перерсдился. Так вот и надо изучить механизм превращения организации «рыцарей революции» в свою противоположность, в орудие личной диктатуры, чтобы история не повторялась вновь.

Почему охаиванию подвергается НКВД как функционально единое, хотя как тогда, так и сейчас это многоцелевая организация, включающая в себя силы и средства с различными задачами, выполнение которых жизненно необходимо стране?

К примеру, кто может обвинить пограничные войска в разгуле беззакония, хотя они тоже в определенные периоды входили в Наркомат внутренних дел? Какова вина пожарных, воинов по охране железнодорожных сооружений, бойцов частей и подразделений по охране промышленных предприятий, охране и конвоированию осужденных и т. д.?

А ведь это основная часть войск НКВД. Разве можно приравнять степень ответственности того, кто неправыми методами добивался «признания» от ошельмованных, и того, кто скрывал «врагов народа», твердо убежденный в важности своей миссии? Это не вина, а беда тех, кто стал орудием в грязной политической игре. Надо искать глубинные причины возникновения подобной ситуации, чтобы пресекать их в зародыше, а не подвергать остракизму людей,

в большинстве своем свято преданных делу социализма.

Почему редко вспоминают, что Советский Союз долгие годы находился в капиталистическом окружении и агентура многих разведок мира вела подрывную деятельность на территории нашей страны, готовила почву для создания «пятой колонны»? Эти разведки имели высокопрофессиональные кадры, однако так и не смогли осуществить большинства своих планов. Кто же нейтрализовал эту вражескую агентурную сеть?

Значит, деятельность НКВД в предвоенные годы не так однозначно отрицательна, как это рисуют некоторые авторы.

В годы военного лихолетья роль органов и войск НКВД тоже до конца не раскрыта, вновь чаще всего упор делают на трагические события внутренней жизни, замалчивая их участие в Великой Отечественной войне.

Воины войск НКВД переживали трудности вместе со страной. Они так же недооценивали в осажденном Ленинграде; мерзли в сибирские морозы, потому что сдавали теплые вещи в помощь фронту; собирали деньги на постройку танков и самолетов; подписывались на займы и писали рапорты с просьбой об отправке на фронт. И воевали они чаще всего совсем не в заградотрядах, применение которых, вопреки расхожему мнению, было весьма ограничено по месту и времени.

Вы не задавались вопросом, почему фашисты так ненавидели сотрудников органов и бойцов войск НКВД? Уверен, что причиной тому было признание за ними большой организующей силы, умения противостоять деятельности вражеской агентуры. Однако воины-чекисты были сильны не только в оперативной работе, они дрались плечом к плечу с частями Красной Армии против фашистских захватчиков в Брестской крепости (в ее гарнизоне был и батальон войск НКВД); при обороне Москвы, где отличилась дивизия имени Ф. Дзержинского (ОМСДОН) и бригада особого назначения (ОМСВОН). Трудно было бы предугадать развитие событий в городе, не находясь там 10-я дивизия и другие части НКВД, которые совместно с народным ополчением отбросили прорвавшегося в конце августа 1942 г. противника и обеспечили перегруппировку сил 62-й армии. Одна 10-я дивизия под Сталинградом, не имея танков и противотанковых средств, без артиллерии уничтожила свыше 15 тысяч фашистов и более 100 танков противника. Из 196 соединений, участвовавших в битве на Волге, только дивизия НКВД была награждена орденом Ленина.

Герои Сталинграда сражались и на Курской дуге в составе 70-й армии НКВД. Выполняя приказ, она более месяца по весеннему бездорожью, без техники и тылового обеспечения выдвигалась в район боев и от начала до конца принимала участие в разгроме фашистов под Курском

и Белгородом. Такие факты можно множить и множить, но, я думаю, достаточно сказать, что за годы войны десятки дивизий были сформированы Народным комиссариатом внутренних дел из сотрудников и бойцов войск НКВД, многие из них стали орденоносными и гвардейскими, но широкому кругу читателей это неизвестно, так как в последующем они были переданы в кадры Красной Армии. За личное мужество более 250 бойцов и командиров — воспитанников войск НКВД — было удостоено звания Героя Советского Союза. Высокой оценкой их мужества служат поэтические строки:

...Где линию фронта кромсало,
Навстречу смертельной беде
Верховная Ставка бросала
Дивизии НКВД...

Надеюсь, все изложенное убеждает в необходимости объективной оценки вклада органов и войск НКВД в разгром фашистских захватчиков.

Одним из популярных сюжетов у киносценаристов и авторов произведений на приключенческие темы является борьба с националистическим подпольем в западных районах страны в послевоенное время. Однако почти всегда за рамкой кадра, за пределами повествования остается тот факт, что главную работу по ликвидации политического бандитизма проделали органы и войска НКВД.

Авторы художественных произведений, историки, касаясь этой стороны вопроса, сразу впадают в непонятную застенчивость. Возможно, причиной тому и объективные обстоятельства — отсутствие доступа к архивным документам. Остается надеяться, что открытие архивов даст больше пищи исследователям и творческим работникам для всестороннего освещения деятельности НКВД—МВД.

А пока мы встречаем даже в таких потрясающих своей достоверностью произведениях, как «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, образы воинов внутренних войск, похожих на злодеев. У читателя возникает стойкое убеждение, что и главными виновниками чинимого беззакония тоже являются они, а не антидемократическая и антигуманная сталинская диктатура.

Самобытный поэт и прозаик А. Жигулин, на себе испытывавший действие репрессивной машины, но сохранивший мужество выступить за достоинство человека, своими произведениями утверждающий ценность человеческой личности, тоже не избежал соблазна приписать часовым, молодым солдатам конвойных войск, самые отрицательные черты. В запале он допускает сравнение их с эсэсовцами, приписывает им низменные помыслы, а любой гуманной порыв молодого человека в солдатской форме воспринимает с подозрительностью и опаской. Незаслуженно обиженный человек порой теряет объективность, но для поэта такого масштаба это непозволительно.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В газете «Ленинградская правда» наш уважаемый поэт М. Дудин поместил стихотворение «Марш победителей». Небольшое по объему, глубокое по смыслу, оно удивительно актуально. Но, обличая зло автократии, власть силы, он тоже это зло связывает с конвойными войсками. Что это, если не дань моде?

Автор знает, что М. Дудин — частый гость на предприятиях и в воинских частях, и потому хотел через «Ленинградскую правду» пригласить его в Высшее политическое училище МВД СССР для встречи с курсантами и слушателями. Уверен, что разговор был бы полезным для обеих сторон, но редакция не сочла возможным опубликовать данную статью.

Если в большинстве названных и неназванных произведений персонажи, олицетворяющие внутренние войска, как правило, анонимны и негативны, то в повести А. Кима «Остановка в августе» образ главного героя конкретен и выписан с большой любовью. Рядовой Ивин — молодой человек с тонким душевным настроем, стихийный гуманист и пацифист, в одиночку мучающийся решением проблемы добра и зла.

Автор предоставил герою право на ошибку, любит его, но за этим любованием теряется смысл душевных исканий героя, сама истина, а вопрос о возможности применения оружия по преступнику остается открытым. Сконцентрировав внимание на личности Ивина, автор забывает о гуманности по отношению к остальным гражданам нашей страны, которые надеются, что социально опасные элементы надежно изолированы, что государство охраняет их жизнь и достоинство от посягательства насильников, грабителей и убийц. А для чего совершает побег преступник, которого отпускает Ивин? Вряд ли для того, чтобы честным трудом искупить свои прошлые прегрешения, вести подвижническую жизнь и заслужить любовь потерпевших. Нет, бежавший преступник опасен: пытается замести следы, получить средства к существованию, он идет на все.

Можно привести десятки примеров, подтверждающих этот вывод. Мне приходилось говорить с потерпевшими, видеть трупы отцов семейств, случайно встретившихся на пути этих негодяев. В войсках и органах МВД помнят имена тех, кто погиб, вступив в неравную схватку, пресекая побег рецидивистов.

Много лет назад на одном из охраняемых войсками объектов часовой не пресек побег преступника. Этот случай получил широкий резонанс в результате трагического эпилота: бежавший изнасиловал и убил женщину, а ее 10-летняя дочь осталась круглой сиротой. Она написала письмо Министру внутренних дел, в котором были и такие страшные слова: «Я теперь не верю, что советский солдат мой защитник, это солдат убил мою маму». Что можно ответить этому ребенку? Может «гуманист» А. Ким нашел бы слова утешения,

но для себя я твердо решил — идея гуманизма должна служить большинству, а те, кто попирает ее в течение всей жизни, не могут рассчитывать на снисхождение.

Теперь о гуманизме иного рода, о гуманном отношении к военнослужащим внутренних войск МВД СССР. Справедливо ли подвергать оскорблению солдата, который место службы не выбирает? Задумываются ли писатели и поэты о том, как отреагирует неокрепшая психика молодых солдат на такой мощный раздражитель, как литературное осмеяние? Они и так с трудом выдерживают морально-психологические и физические нагрузки. Защищая правопорядок, вступая в борьбу с преступными элементами, погибая и получая ранения в мирные дни, солдаты внутренних войск имеют право и на защиту со стороны государства от необоснованных и оскорбительных нападок. Кто ответит за то, что, прочитав подобные произведения, молодой солдат, оставив записку: «Подвели под присягу, а теперь издеваются», — пытался уйти из жизни. Даже один такой случай не может оставаться без внимания. Сомнения появляются и у других, в том числе и курсантов военных училищ внутренних войск МВД СССР, в правильности выбранного пути, в социальной значимости их воинского труда.

Перенос акцента на решение внутренних проблем, гласность, демократизация вызвали активизацию не только сторонников перестройки, но и антиобщественных элементов, дискредитирующих их, провоцирующих на экстремистские действия, совершающих уголовные преступления.

Я не призываю возвратиться к административно-приказным методам и солидарен с М. Дудиным в том, что сила не должна быть основным аргументом в решении политических проблем, но считаю, что, пока не выработаны демократические формы обеспечения правопорядка, роль внутренних войск МВД СССР в жизни общества будет велика и относиться к этому необходимо с пониманием. Тогда не получится таких несообразностей: когда немалая часть жителей Нагорного Карабаха обращается с просьбой навести порядок, обуздать националистические страсти, Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ, предоставляющий широкие полномочия внутренним войскам, а в «Ленинградской правде» появляется «Марш победителей».

Ни в коей мере не покушаясь на свободу творческого самовыражения, не претендуя на владение истиной в последней инстанции, я хотел бы в этом письме высказать свою точку зрения на проблему и обратиться к писателям и историкам с просьбой: больше объективности. Я — за честную гласность!

Подполковник А. ВОЛОХ,
преподаватель Высшего политичес-
кого училища МВД СССР,

КОМУ СТАВИТЬ

ПАМЯТНИК В КУРОПАТАХ?

604

Наша печать много внимания уделила проблеме обнаруженных захоронений в Куропатах. По этому факту возбуждено уголовное дело и ведется следствие. Куропаты стали поначалу даже местом несанкционированных митингов, приведших граждан к конфликтам с правоохранительными органами. Страсти кипели и накалялись. В печати кое-кто уже поспешил сделать весьма однозначный вывод о том, что здесь место жестокой расправы с жертвами сталинских репрессий. Все вроде бы расставлено по своим местам, все ясно. Это особенно отчетливо прослеживается, когда знакомишься с публикацией Н. Матуковского «Правда о Куропатах» в «Известиях». Автор в своем изложении претендует на истину в последней инстанции. Позволю себе не согласиться с опубликованными материалами о Куропатах и попытаюсь обосновать свою точку зрения по данному факту.

Ежова этот порядок был отменен. Осужденные и подследственные постоянно находились в камерах и только выводились на прогулку продолжительностью от 30 минут до одного часа. Изменение порядка содержания вызвало поток писем и заявлений оскорбительного характера в адрес лично Ежова и членов правительства, ЦК Компартии. По личному указанию Ежова группа осужденных из числа написавших такие заявления была отдана под суд, а часть водворена в карцер на 20 суток. В приказе по этому поводу он предупреждал осужденных, что за подобные действия они будут строго наказываться.

Известно, что в 1937—1938 годах «тройками» УНКВД областей, краев и республик выносились постановления о применении репрессий в виде высшей меры социальной защиты — расстрела. Эта мера широко применялась в отношении лиц, неоднократно судимых и совершивших побег из мест лишения свободы. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что, например, только по одной области «тройка» НКВД приговорила к расстрелу в 1937—1938 годах за побег 211 человек. Приговоры утверждались большими списками. Об имевших место в эти годы массовых расстрелах осужденных в лагерях свидетельствуют и воспоминания бывших заключенных на страницах нашей периодической печати. Расстреливали не только находившихся в лагерях, но и осужденных из числа содержащихся в тюрьмах и следственных изоляторах, бежавших из мест лишения свободы и задержанных. Вот один из ключей к разгадке тайны массовых захоронений не только в Куропатах, но и в других местах.

Анализ личных дел вышеуказанных 211 репрессированных показал, что 98 человек относятся к категории социально вредных элементов (СВЭ) — профессиональных преступников, 25 человек — ранее неоднократно судимые и осужденные по последнему делу по ст. 58—10 (антисоветская агитация), остальные имели последние судимости по статьям 33, 35, 59, 74, 75, 80, 82, 92, 166, 167, 192 и другим уголовно наказуемым деяниям. В списках нет осужденных, за исключением тех, кто осужден по ст. 58—10 за антигосударственную деятельность.

В 1936 ГОДУ, ко времени прихода к руководству Народным комиссариатом внутренних дел Ежова, в исправительно-трудовых лагерях и тюрьмах сложилась тяжелая обстановка не только в условиях содержания заключенных. Дисциплина среди контингента находилась на крайне низком уровне. Эта оценка содержится и в одном из последних приказов предшественника Ежова — Ягоды, подготовленном на основании анализа обстановки в ИТЛ.

Ежов, возглавив наркомат, вместо того, чтобы заставить аппарат ГУЛАГа навести должный порядок в местах лишения свободы путем усиления партийно-политической, воспитательной работы с личным составом и осужденными, сделал ставку на репрессивные меры для обуздания преступников-профессионалов, задававших тон во всей лагерной жизни. И сам подавал пример.

До 1936 года в тюрьмах режим был таким, что осужденные целыми днями проводили время на тюремном дворе вне камер, занимались разведением цветов, играли в волейбол, футбол, другие игры, вели неограниченную переписку с гражданами на свободе и с лицами, содержащимися в других местах заключения. По приказу

Исходя из оценки общей численности осужденных в местах лишения свободы за эти годы, можно сделать весьма приблизительный подсчет числа подвергшихся расстрелу за побег. Это составит примерно 18—20 тысяч человек. Впрочем, вовсе не исключено, что число репрессированных по другим лагерям превышает среднерасчетную. Основания, и довольно веские, для этого сомнения есть. Это опять же подтверждается статистическими данными. В частности, только за один 1936 год из Калужского ИТЛ бежало почти 10 процентов из числа отбывающих наказание. Но уже в следующем, 1937 году процент бежавших составил менее 0,01 процента.

В 1937—1938 ГОДАХ широко применялась высшая мера наказания по отношению к осужденным за совершение таких преступлений в местах лишения свободы, как кражи, грабежи, хулиганство, терроризирование осужденных организованными группами профессиональных преступников, дезорганизация лагерной жизни. Так, например, в приказе № 30 от 29 января 1938 года по одному из ИТЛ до сведения осужденных доводилось, что пять заключенных за систематические кражи, грабежи, хулиганство, терроризирование осужденных привлечены к уголовной ответственности и приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

А вот еще один документ. Приведем его в сокращении. «Заключенный Барышев С. В., осужденный по ст. 170 УК УССР на 10 лет, вторично в лагере по ст. 116 ч. 1 УК РСФСР на срок 2 года, Миронов В. С., осужденный как СВЭ (социально вредный элемент), и еще 15 человек, среди которых пятеро—судимые как СВЭ, отбывая меру наказания в 8-м отделении Бамлага, являлись злостными отказчиками от работы, объединились на этой почве в группу под руководством Берникова и Смирнова. Все они занимались ограблением и избиением заключенных, вели паразитический образ жизни, заставляли слабосильных заключенных стирать им белье, ходить по баракам и заниматься кражами, а краденое сдавать им.

В феврале 1938 г. группой были ограблены и избиты заключенные Емельянов, Кузнецов и др., которые, боясь дальнейшего избиения, никому о грабежах не заявляли.

В конце февраля 1938 г. на колонне (соответствовала отдельному лагерному пункту) производилась выдача денежного премиального вознаграждения работающей части заключенных. Берников и Смирнов расставили членов своей группы по баракам и при входе заключенных, получивших денежное вознаграждение, производили обыск и полученную премию отбирали. Лиц, пытавшихся оказать сопротивление или спрятать куда-нибудь деньги, подвергали жестокому избиению.

В этом же месяце неоднократно избивали и обливали супом заключенного Наливайко за то, что он пытался сообщить о действиях группы стрелкам охраны.

Кроме того, группой в разное время были ограблены и избиты заключенные Шлыков, Морозов, Наумов и ряд других.

26 марта 1938 г., на основании материалов следственного дела, «тройка» УНКВД по Дальневосточному краю приняла постановление о применении ко всем членам бандитствующей группы (17 человек) высшей меры социальной защиты — расстрела. Приговор приведен в исполнение в 3 часа 1 июля 1938 г.

Подпись. Ст. инспектор 8-го отдела УГБ УНКВД по ДВК сержант государственной безопасности Бахвалов».

Таким образом, имеющиеся материалы дают основание полагать, что стремление Ежова навести более или менее жесткий порядок и дисциплину в местах лишения свободы посредством тотального террора по отношению к определенным категориям уголовных преступников вызвало крутую волну репрессий, которая смыла с лица земли чрезвычайно суровыми мерами и лиц, хотя и совершивших уголовные преступления, но не заслуживших к себе такого отношения.

ЕСТЬ и еще одна достаточно веская версия о массовых захоронениях в Куропатах, которая ни в коем случае не может быть сброшенной со счетов, если мы боремся за историческую правду. Имеются все основания полагать, что после освобождения Западной Белоруссии советским контрразведывательным органам удалось раскрыть сплетенную почти за два десятка лет разведывательную сеть. Общее число агентов и других категорий сотрудников разведорганов составило свыше 50 тысяч человек. Бывшее правительство Польши с момента своего образования вело широкомасштабную разведывательную работу против нашего государства, засыпало банды и террористические группы. Надо полагать, были приняты и меры по созданию разведывательной сети на территории, которая в 1939 году была воссоединена с Советской Белоруссией. В пользу данной версии свидетельствует и указание в статье Н. Матуковского на то, что дела были «скроены» одинаково. Здесь по тем временам не требовалось длительного расследования. И следственные дела умещались на нескольких страницах. На первой — допрос, на второй — признание и на третьей — вывод. Со шпионами и диверсантами разговор был коротким.

Вие всякого сомнения, на освобожденной территории оказались и те, кто в свое время на стороне контрреволюции сражался в рядах белего движения и в многочисленных бандах (Булак-Булаховича и других, менее известных). Именно они вешали, расстреливали, сжигали вместе с хозяйственными постройками тех, кто защищал или поддерживал Советскую власть в Белоруссии. Разговор с этой категорией лиц тоже был коротким (отдельные из них уже были приговорены заочно советским судом к смертной казни за совершенные преступления).

Некоторые авторы склонны считать, что в Куропатах нашли свою могилу молодые люди, бежавшие в СССР из сопредельных

стран. Следует прямо признать, что тайные переходы государственной границы осуществлялись вовсе не в одном направлении, как пытаются внушить читателям. Граница всегда пересекается в двух направлениях, вот только интенсивность движения в ту или иную сторону бывает различной. Неправоммерно считать, что нарушители границы направлялись только в СССР. Из Белоруссии, особенно Западной, как, впрочем, и с Украины, из Прибалтийских республик, устремился поток тех, кто по различным причинам и мотивам не хотел оставаться в Стране Советов. Переходили границу и контрабандисты. Работая в архивах, приходилось знакомиться с делами нарушителей госграницы в довоенные, военные и послевоенные годы. По статье Уголовного кодекса за нелегальный переход суды или «стройки» УНКВД давали три года. Иногда, в зависимости от мотивов, и меньший срок. Поэтому мы не можем разделять, как несостоятельную, точку зрения авторов публикаций о том, что молодые люди скрывались от преследования властей на родине или из-за любви к Советскому государству и народу переходили границу и в конечном счете оказывались в Куропатах.

И НАКОНЕЦ, еще одна версия сводится к тому, что в Куропатах были расстреляны граждане нашей страны, подвергшиеся необоснованным репрессиям в предвоенные годы. На первый взгляд она имеет под собой достаточно прочное основание и требует не простой констатации, но и размышления.

Как известно, по всем наиболее громким политическим процессам следственные дела велись в Москве, и подсудимые содержались в тюрьмах, расположенных в Москве и Владимире. Участники рядовых политических процессов приговаривались к различным срокам наказания и направлялись в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря. Вполне допустимо, что какая-то часть репрессированных по политическим мотивам была приговорена к высшей мере наказания и в Минске.

В западных средствах массовой информации появились данные, да и кое-кто у нас склонен считать, что в 1937—1938 годах было уничтожено около одного миллиона человек. Причем эта цифра включает только репрессированных по политическим мотивам. Опубликованные в нашей печати многочисленные воспоминания бывших узников лагерей и акты реабилитации времен Н. С. Хрущева и последних лет не дают мало-мальски веских оснований, подтверждающих указанную цифру физически уничтоженных политзаключенных (а ведь не нужно забывать, что расстреливали в те годы немало и уголовных преступников).

Правоммерно теперь поставить вопрос о том, способны ли мы разобраться и даже поименно выяснить не только личности погибших, но и состав инкриминированных им преступлений, определить точное географическое место захоронения каждого? Ответить на это довольно трудно в силу следующих обстоятельств. Как известно,

дела осужденных были уничтожены перед вступлением немецких частей на территорию города. Это означает, что вместе с ними были уничтожены и справки, в которых зафиксированы причины смерти, дата и точное место захоронения осужденных. Поскольку эти документы дубликатов не имеют, то, по нашему мнению, разыскивать их совершенно бесполезно. Территориальные органы ЗАГСа области, края, республики в связи со смертью получали только сообщение об имевшем место факте с указанием города, где умер заключенный, но не места захоронения.

Учитывая это обстоятельство и то, что многие архивы ЗАГСа Белоруссии, скорее, были уничтожены, чем вывезены, представляется, что поиски хотя бы и неполной истины в этом направлении оказываются тупиковыми.

Определенную информацию могла бы дать специальная картотека по персональному учету лиц, содержащихся в местах лишения свободы, но также маловероятно, чтобы в тех условиях она была эвакуирована. Места лишения свободы, дислоцированные на территории республики, оказались не подготовленными к работе в условиях военного времени, и их эвакуация проходила неорганизованно. Из всех подразделений только два смогли эвакуироваться в полном составе. Примерно третья часть эвакуировалась частично. Об остальных никаких сведений по состоянию на декабрь 1941 года не имелось, поскольку территория Белоруссии к тому времени была оккупирована, то управление исправительно-трудовых колоний НКВД БССР было временно ликвидировано.

Изложенные нами суждения вовсе не исключают возможности ведения поиска данных на погребенных по другим каналам, но кто именно и за какой состав преступления захоронен в Куропатах, вряд ли с достаточной степенью точности удастся установить.

И вот мы подошли к последнему вопросу рассматриваемой проблемы — об увековечении памяти тех, кто был расстрелян в Куропатах. Память об умерших, независимо от того, были они в жизни хорошими или плохими, из чисто человеческих побуждений заставляет нас обозначить место захоронения. Пусть потомки знают: здесь похоронены в братской могиле люди и их общая могила священна и неприкосновенна.

Память жертв сталинских репрессий, вне всякого сомнения, должна быть увековечена особо. И сбор народных средств на эти цели заслуживает всяческого одобрения. Вопрос заключается в том: стоит ли ставить здесь памятник, если нет достаточно твердой уверенности в том, что именно на этом месте покинута прах жертв массовых репрессий? Вот в чем вся загвоздка. Поспешность, как известно, не всегда лучшее и не всегда правильное средство решения вопросов. Здесь есть над чем серьезно задуматься.

С. КУЗЬМИН,
кандидат юридических наук, доцент.

Свастика на плече...

Кто бы мог подумать, что наступит время, когда в ряды нашей армии, разгромившей в жесточайшей борьбе фашизм, станут приходить молодые люди с вытатуированной на руках фашистской свастики! Что бы об этом подумали те, кто стоял насмерть под Москвой, Ленинградом, Сталинградом!..

У них жесткая организация, напоминающая гитлерюгенд. Те же идейные установки: «Нам нужна твердая рука, как у Гитлера». Схожи внешние атрибуты — черные рубахи и свастика — этот ядовитый паук на рукаве. Те же методы отбора — по «арийской» чистоте и «нордическому» характеру — и обращения в свою веру: «бей всякого, кто покажется подозрительным». И бьют. Одного за то, что комсомолец, другого потому, что отказался вопить «Хайль Гитлер!», третьего — не посторонился на тротуаре.

В прошлом году в некоторых газетах и журналах появились соображения о наших доморощенных — советских «фашистах». Особенно памятна публикация в «Крокодиле» — «Фюреры с Фонтанки». Речь в ней о ленинградских «игроках в нацистов», или, как их еще называют с насмешкой, «фашиках».

Читал я все это, и, естественно, крутилась мысль: а что будет, когда они придут в войска? Ведь рано или поздно их обязательно призовут: Закон о всеобщей воинской обязанности не делает скидок ни на сомнительные игры, ни на сомнительные убеждения. Тем более, что география этого, как бы помягче выразиться, помешательства подростков на почве фашизма довольно широка, о чем нам поведали публикации уже текущего года, например, в «Неделе»: Алма-Ата, Кемерово, Новосибирск, Клайпеда, Белая Церковь, Рига, Братск, Свердловск, Таганрог, Караганда, Кисловодск, Самаркандская область. Пронацистское поветрие, начавшееся примерно во второй половине 70-х, распространяется быстро, вероятность «попадания» увеличивается.

Чудовища, «играющие» в нацистские побрякушки, объявились и в столице. 20 ап-

реля, в день рождения любимого бесноватого фюрера, они устроили в районе Пушкинской площади что-то вроде своего праздника. Их, таких торжественных, выкрикивающих возмутительные лозунги, так и распирало от гордости. Как же, они думали, что тем самым проявится их «нордический» характер, превосходство над остальными. Хорошо, что не дали им развернуться.

Сейчас у них только кулаки, правда, как явствует из тех же статей, у некоторых оружие было — в милиции изымали у них кортики, кинжалы, штыки, а то и просто бандитские кастеты. Это, конечно, опасно, но все же не автомат. Так что же будет, когда придет им время служить? Очередной расстрел караула? Или убийство только одного непохожего по «идейным» соображениям? Сколько у них мусора в голове, а ведь из них надо сделать хороших солдат. Сумеет ли? Успеем ли? Или, пока суд да дело, они через неуставщину уже в тюрьме окажутся?..

Вдруг письмо: объявился один в отдаленной роте. Свастика вытатуирована на руке выше локтя, в том месте, где на рукаве мундира должна была бы быть фашистская повязка. Чтобы подчеркнуть, что называется, свою причастность, чтобы все знали, кто он. Вспомнилось, что фашисты вырезали у некоторых пленных звезды на груди. А этот сам, добровольно — и свастику! Уже не игра. Убеждение! Не называю фамилию — жаль мне его по-отцовски, хотя и не убежден, что таких надо жалеть.

Так и оказалось. Злобный такой юноша, всем недовольный, смотрит исподлобья. С гордостью говорит: «Да, я — фашист». И еще: «Только сильный имеет право на настоящую, достойную жизнь». Себя он счи-

тает именно таким — культурист, отменные бицепсы. Цитатками сыплет из Шпенглера: о жестокости, стремлении к насилию — якобы врожденных качествах человека. Значит, когда-то почитал идеологию фашизма. Будто бы знаком и с «Майн кампф», но выдержек никаких не приводил.

Этот «фюрер» — белорусского происхождения. И опять подумалось: пронацистские настроения пусть ничтожно малой части молодежи, но где, в Белоруссии! В республике, которая больше всех пострадала как раз от фашизма, где в Великую Отечественную каждый четвертый погиб! Согласитесь, что всякие подобные прозрения здесь выглядят прямо-таки кощунственно.

Их организация была небольшая — 15 человек, существовала с марта 1986 года. Ходили во всем черном (шинель, сапоги, рубашка), истошно кричали «Хайль Гитлер!» При этом, как и положено, вытягивались в струнку, рука вверх, ладонь чуть изогнута. Точь-в-точь как в кинофильме «Семнадцать мгновений весны». Научились. Считались модными усики, прическа а-ля Гитлер. Не брезговали спиртным, изредка разживались и наркотиками. Под революционные праздники иногда расклеивали одну-две рукописные листовки антисоветского содержания, безграмотные и злобные, на заборах и в подъездах малевали свастику, где-то на видном месте — самодельное красно-черное полотнище с пауком.

И еще раз подумалось: молодоговардейцы в оккупированном Краснодаре — люди их возраста — с риском для жизни вывешивали советские флаги! А дети... Вот такая метаморфоза!

Мой собеседник рассказывал, что милиция, городские власти не обращали на них ни малейшего внимания. Считали все это блажью, детской забавой, безвредной и неопасной. Думаю, что с такой оценкой согласиться нельзя. О чем говорит хотя бы фигура их вожака?

Верховодил в группе некий Гена, далеко не юнец, бывший уголовник. Присвоил себе звание «оберфюрер», ходил в форме офицера войск СС — только без знаков отличия. Главное его кредо — культ силы, вседозволенности. Постоянно твердил: война неизбежна, так что берите от жизни все, что можно, отныне дозволены разврат, «шиза», балдеж. Будем жить по нравам и взглядам Запада. Враг № 1 — ВЛКСМ.

Кстати, он неплохо рисовал и этим занятием сильно увлек своих друзей. Но что это были за рисунки? Откровенно профашистской направленности. Карикатуры на комсомол. А еще любили они сексуальную тему.

В алкогольном бреду главарь хвастал: когда еще в школе учился, а это примерно 10 лет назад, состоял в тимуровской команде. Тимуровцы помогали престарелым — кому воды принести, дров наколоть, а кому в магазин сходить. Хорошее дело,

но в семье не без урода. Так вот, Генкиным подшефным был одинокий старик, лежащий инвалид. Он над ним издевался. Воткнет между пальцев ног клочок ваты или скомканную бумажку и подожжет. «И дико смеялся, когда тот дико кричал». Старик умер, а «шутник» угодил в детскую колонию. И вот теперь, окрепший и закаленный, прошедший уже и детскую колонию, он теми же методами «руководит» своей компанией.

Он, на отлично сдавший экзамен на жестокость, требует от других при вступлении в организацию «зачета»: хотя бы кошку о забор ударить. (В романе Ванды Василевской «Радуга» приводится эпизод с одним фашистом времен войны. Тот взял за ноги годовалого ребенка и что есть силы... об угол. Аналогия вроде бы неуместна. Кошка и ребенок не одно и то же. Но ведь пока идет тренировка). Это для тех, кто помладше. А для старших задание посложнее. Например, подкараулить где-нибудь в темном месте девушку и раздеть ее. Нет, они ее не насиловали. Они ее отпускали голенькую, когда она от страха почти падала в обморок.

А еще срывали красные звезды с кладбищенских памятников. Не со всех подряд. Глумились над могилами людей известных,

География помешательства подростков на почве фашизма широка: от Риги до Новосибирска, от Москвы до Самарканда. Вероятность попадания в войска профашистского поветрия увеличивается.

фронтовиков, «афганцев». Ужасно! Но белорусские «фашисты» считали себя «либералами» по сравнению, скажем, с собратьями из Ленинграда. За теми тянется-де длинный шлейф насилий. Санкции в отношении тех, кто проявлял нерешительность на «зачете», были одинаковы тут и там: в ход шли любые средства — угрозы, шантаж, зуботычины.

Но, наверное, если бы не захотели, Генка-«нацист» все-таки не заставил бы. В том-то и дело, что в основном желание было, организовались добровольно. Какова же причина? Она та же, что приводит к формированию любого неформального объединения крайнего толка — разочарование, неудовлетворенность действительностью. Чтобы найти выход неистребованной энергии, неисполненным желаниям, неудовлетворенным амбициям.

Вот как сказано об этом в одном очень толковом исследовании: «Школьные годы большинства молодых людей, вздрогнувших свастикой, совпали с застойной эпохой. В Ленинграде их духовный мир был как бы расколот надвое: с одной стороны,

символы великой Революции — Зимний дворец, «Аврора», Смольный, с другой — видимые невооруженным глазом социальные пороки: благоденствие жуликов, спекулянтов и проституток, наркоманов и бандитов... Тогда-то в их неокрепших душах и образовался вакуум, заполнить который смогли рок-музыка, ночная езда на мотоциклах».

А у этих, добавим от себя, нацистские побрякушки. И еще дополним — безделье. Ведь основное занятие уличных «фюре-ров» — праздношатание, поиск забавы, увеселения. На уме не работа, не учеба — отдых. Они очень устали. От чего?

В связи с этим вспоминаются хорошие стихи хорошего поэта Василия Федорова:

Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг.
Займет, сводя все те же сче-ты.
Займет, засядет, нас разя.
Сердца! Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!

Да, главная вина нас, взрослых — родителей, учителей, воспитателей, идеологов — в том, что мы сдали сердца-высоты юных без боя улице, пошлости, извращенному вкусу, порнографии, нравственному распаду... Мы считаем, что любовь к Родине, уважение к общественным идеалам закладываются в каждую отдельную личность автоматически, что подростки не видят жизненных и идеологических противоречий и не могут формировать свои взгляды в соответствии с ними. Видят и могут, о чем и монолог собеседника.

— Я очень часто подумывал о том, как бы уехать за границу. Эту мысль, мечту могу объяснить тем, что с детских лет я и наша семья испытывали большие материальные затруднения, мы еле-еле сводили концы с концами. Я не мог себе позволить покупать и носить такие вещи, какие носили мои знакомые. Я задавал себе вопрос, почему у нас в стране одни имеют все, а другие ничего. И потом, говорят одно, делают другое. Это ведь противоестественно. Из разговоров в семье и рассказов друзей я знал, что крупные руководители, партийные деятели, торговые работники проповедуют терпимость, скромность, но сами не испытывают ни в чем нужды — имеют дачи, живут обособленно, красиво. Так же живут их дети, а я этого ничего не имею. Каждая жилка, каждый орган — все во мне протестовало...

Думаю, что весьма убедительно показан путь от разочарования частностями до ненависти ко всему и вся. Естественно, все эти темы они постоянно муссировали в своем кругу. И не только обсуждали — действовали. Смертным боем бились с «хайлайфистами» — отпрысками крупных чиновников, дельцов и «знати», свисока посматривающими на сверстников из простых семей.

Касались они и жизни молодежи на Западе. И откровенно завидовали ей. Они не задумывались, что их умозаключения большей частью ложные, ведь они отбира-

ли информацию только ту, что соответствовала их вкусу, ожиданиям...

А пока полная раскованность мысли, раскрепощенность поведения. Абсолютная свобода — как символ протеста. Такое чувство давала им их «фашистская» организация. С ней они связывали свои иллюзорные представления о настоящем социальном порядке, настоящей социальной справедливости. Это чувство приносило хоть какое-то, хоть временное удовлетворение.

Разочарования в жизни возможны у всех людей. Но у большинства они все же созидательны, выливаются в стремление что-то улучшить. У молодежи же, организованной в неформальные объединения крайнего толка, очень часто разрушительны. Тем более, когда ее энергия умело направляется ответными уголовниками, коррумпированными элементами. Так надо ли удивляться, что сегодня появляются экстремистски настроенные молодые люди (а такие в условиях демократии были и всегда будут, крайности неизбежны), а их общее, так сказать, недовольство порой перерастает в отрицание социалистических ценностей, в политическое неприятие действительности.

Повод для экстремизма, как показали события в Ашхабаде, Фергане, Новом Узене, Сухуми, могут быть разные, объекты — тоже: лавки кооператоров, отдельные местные руководители, представители «чужой» национальности, подобные себе подростки, с которыми не поделили сферы влияния.

В итоге любой экстремизм направлен против себя же, против своей Родины, большой или малой — страны в целом или места проживания. Автор уже упоминаемой статьи в «Неделе» остроумно заметил в отношении «фашиков»: может быть, слово «родина» в стихах им заменить на «фатерланд» — для полноты картины, так сказать, и остроты ощущений. И вдруг настала пора, их призывают служить, фатер... простите — Родину защищать. Так будет ли прок от службы?

**Может быть, слово «родина»
заменить «фашикам»
на «фатерланд» — для полноты
картины и остроты ощущений.
И вдруг настала пора, их призывают
служить, фатер... простите, Родину
защищать. Так будет ли прок
от службы!**

Давайте посмотрим, а как она идет у этого, который с вытутаированной свастикой? А никак — работает в свинарнике. Как-то на вечерней поверке раздраженно бросил в лицо сослуживцам: «Был бы у меня сейчас автомат...» Автомат-то был, но находился он в данный момент, к счастью, в ружьярке. Потом говорил, что был в плохом настроении, погорячился, не имел в виду ничего и никого конкретно. Учитывая, что он — «фашик», естественно, не верят. На службу не посылают. Оружия ли-

шили. А он в ответ еще больше обозлился на всех. Я потому и фамилию его не называю, что не хочу усугублять настроение — и его, и по отношению к нему. Там и так размежевание.

Его поддерживают человек пять-шесть, это бывшие панки, рокеры, один любер. Прежде всего в отношении культа силы. Союзники, так сказать. Остальные относятся к нему с усмешкой или откровенным негодованием. Он и угрозу свою высказывал после какой-то презрительной реплики в свой адрес, что было прямо-таки ударом по «нордическому» характеру.

Думаю, он сейчас понимает, что противопоставил себя коллективу. Если его перевести в другую роту, он, пожалуй, уже не афишировал бы свою любовь к фашизму, молчал бы и о превосходстве над другими. Только как быть с татуировкой? Сказать — дураком был? Отделаться шуткой? Объявить болезнью детства? Наверное, поняли бы правильно.

Так что же с ним делать? Замполит роты говорит: «Уволить бы его». Но и сам понимает, что это не выход. Ведь он только этого и ждет. Все думы его: как бы уклониться от службы, жить инфантом, не беря на себя никакой ответственности. И потом, какая причина? Видимо, в надежде найти ее и послышал его на психиатрическую экспертизу. Произошла неувязка: у солдата не обнаружили никаких отклонений в умственном развитии, он полностью осознает и контролирует свои действия.

Ничего другого, думаю, не осталось, как штурмовать сердца-высоты. И хотя в данном случае речь идет об одном сердце, это тоже важная высота, пока не занятая нами. Стойкость отделения, взвода, роты, полка зависит от неопределенности рубежа в душе каждого солдата. Так что предстоит не новый путь: дискуссии, диалоги, беседы. И ничего, что пока они малорезультативны. Успех операции в опытности хирурга. И, наверное, все-таки найдется такой, что сумеет снять татуировку, это застарелое рубище — не с тела, с души. У нас что же, меньше эрудиции, доводов и аргументов, чем у Генки-уголовника?

Замполит говорит: «От бесед не уходит, нэ отмалчивается». И мне показалось, что не все потеряно, что начало духовному выздоровлению положено. Более того, рассказывая грустную историю своей жизни, свою биографию, он как бы подводил черту под каждым ее этапом. Он с трудом, но рвал с прошлым. Утверждал, что домой не вернется. Не знаю, насколько правильно такое его решение, может быть, Генку-«эссэсовца» боится. Но это еще одна причина, почему не называю его фамилии.

Одна женщина в одной из газет писала: «Нам не нужны офицеры, не умеющие воспитывать солдат». Резонно. Но ведь родители, дети которых исповедуют фашистскую идеологию, тоже не нужны. Как и эти юноши с татуированными сердцами — в общем-то тоже никомушные солдаты. Это я к тому, что сейчас армию, внутренние войска обвиняют во всех мыслимых и немыслимых грехах. Но при этом забывают, что они — часть общества, или, как еще го-

ворят, его сколок. Армия не может избежать всех тех проблем, которые свойственны обществу в целом. Мы говорим: «Народ и армия едины». Но едины — в хорошем и плохом.

Конечно, в силу отбора эта часть может быть хуже или лучше общества. Миф, сложенный некоторыми органами печати, в частности газетой «Московский комсомолец», об особых якобы льготах, которыми пользуются внутренние войска при призыве, мифом и остается. Команда, идущая,

Стойкость отделения, взвода, роты, полка зависит от непреодолимости рубежа в душе каждого солдата. Так что остается одно — убеждение. Успех операции — в опытности хирурга.

например, в конвойные части, по качеству отбора предпоследняя. За ней лишь стройбат. Все остальные войска впереди. И печально, другого слова не подберу, что «фашики» приходят к нам на службу. Они, вчера нарушавшие общественный порядок, сегодня становятся в ряды его защитников. Ну не парадокс ли? А те воинствующие молодчики, которые в Сумгаите бросали в наших солдат камни, в Фергане разбивали их щиты или даже стреляли из обрезов, кричали «Варвары», «Убийцы», «Фашисты», когда им исполнится 18 лет, встанут уже по другую сторону баррикад? Наверное, они изменят свои убеждения, исправятся. Кто может быть спасен да будет спасен, как сказано в одной древней книге. А не случится ли так, что, пока это произойдет, они успеют наломать немало дров?

«Желающий спастись да будет спасен!» А если не желает? Если почти или совсем безнадежен? Разве таких нет? Это мы только боимся признаться, что они есть. А они есть. Во всяком случае у некоторых два года службы не дают никакого результата. Не служба у них — о-бываловка. И речь здесь не об одном «фашике». О многих! И всех их на свинарник не отправишь, оружия не лишишь. Кому-то надо и в караул ходить. И будут новые упреки войскам, и новые обвинения офицеров в некомпетентности.

Проблемы, проблемы. Решать их в первую очередь нам, офицерам. Но нужна помощь всего общества. А эта помощь — не только критика и уж, конечно, не дискриминация службы, которой сейчас хоть отбавляй, — забота. Забота о военнослужащих! Но очевидно и то, что без резкого улучшения качества отбора и исполнения нам не обойтись уже сейчас. В будущем будет труднее. И дело не в желании, а в законодательном изменении критериев отбора, которые сегодня явно не отражают новых требований к войскам и новых реалий в стране.

Татуированные сердца — потерянные высоты. И каждая — это поражение войск. Так помогите же им в стойкости!

Полковник В. АСТАШИН.

МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ ПУЛЬС

Это надо было видеть. В редакции «Московских новостей» во время пресс-конференции, посвященной совместным гастролям в СССР и ФРГ западногерманской рок-группы «Бап» и нашей «Бригады С», зал неожиданно взорвался гулом удивления, смехом и аплодисментами. Так публика отреагировала на известие о том, что в зале присутствует корреспондент журнала внутренних войск МВД.

— Неужели во внутренних войсках интересуются роком! — тут же прозвучал вопрос в адрес ведущего «Пульса». Пришлось объяснять многоязычной журналистской братии, что у нас тоже любят рок.

А под сердцем саднило: отчего, когда речь заходит о вполне обыкновенных житейских молодежных вопросах (не только о музыке), многие видят наших парней ограниченными, «увлекающимися» лишь службой!

Однако времена меняются, а с ними юди, их взгляды. Будем же меняться и мы, активнее вникая в общественную жизнь, в молодежные процессы, происходящие в стране и мире.

Гость молодежного клуба сегодня — Дмитрий Шавырин — известный журналист, режиссер более десятка эстрадных и рок-программ, транслировавшихся по Центральному телевидению.

РОК:

На светофоре слишком долго горел красный свет. По обе стороны «перекрестка» царило волнение. Желтый так и не загорелся. Моментально вспыхнул зеленый, причем очень ярко, и к центру «перекрестка» стали стекаться потоки всех, кто так долго ждал. С одной стороны давили профессионалы, с другой — любители, с третьей — Союз композиторов и Министрство культуры, с четвертой — средства массовой информации. Столкновение, как и бывает в подобных случаях, было неизбежным.

Как вы, видимо, догадались, этот сюжет взят не из повседневной жизни Госавтоинспекции, а из наболевших проблем отечественной рок-музыки.

...Есть явления, которые существуют независимо от того, говорят о них или нет. Их называют объективными. Замалчивание и отгораживание на самом деле ничего не решают, только делают процессы их развития скрытыми да добавляют побочные отрицательные эффекты.

Да, действительно музыка «биг-бита» (впоследствии рок) родилась не у нас. Целое поколение молодежи прислушивалось к звукам, доносившимся из динамиков домашних магнитофонов и радиоприемников, восторгаясь мелодикой «Битлз», вокалом Яна Гиллана и Дейвида Байрона, виртуозной игрой на гитаре Эрика Клаптона и Джимми Хендрикса.

Разновидности рока были настолько многообразны и интересны, что возникало любопытство: о чем можно так петь? Тогда внимание было обращено на текст. Но даже скрупулезно переведенный и неоднократно проверенный у авторитетов, он зачастую вызывал недоумение и разочарование. Блестящий по манере исполнения, по своей сути текст оставлял желать лучшего.

Это не значит, однако, что среди многообразия несовершенных строк не было образцов настоящей поэзии. Пример тому — творчество Джона Леннона или Марка Болана, Яна Андерсона или Роджера Уотерса, оцененное, наконец, и нашей критикой по достоинству.

Безусловно, сначала было подражание. Паялы усилители, раскупали звукосниматели, доставали транзисторы, чтобы сделать «фуз», радовались, когда в результате извлеченный из гитары звук что-то отдаленно напоминал. Но вот необходимое звучание было достигнуто, а чтобы не петь непонятно что, сочинялись собственные

незатейливые вирши. Но их, мягко говоря, наивность удовлетворяла разве что танцплощадку. Сознывая богатейшие выразительные возможности исполняемой музыки, испытывая неудовольствие от эстрадной легковесности, музыканты сами начали искать нужные слова, с одной стороны, созвучные музыке, а с другой — аудитории. Так родились на свет «Машина времени», «Скоморохи» и «Воскресенье».

Рок — это явление не только музыкальное и художественное, это явление соци-

628
станции «Маяк», «Юность», передача «Хит-парад», а редакция радиoproграмм «45 минут в воскресной студии» начала проводить Всесоюзный конкурс на лучшее исполнение советской песни.

Песен действительно стало больше. Концертов значительно прибавилось, повсюду создаются рок-клубы, а писать о рок-музыке стало делом престижным. Недавно даже газета «Гудок» обратилась ко мне за помощью в написании подобных материалов. Независимо, о чем писать, лишь бы бы-

СЛЕДСТВИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

альное (никакого открытия в этом, по-моему, нет). А наш, отечественный, можно смело назвать также явлением гражданским. Если понимать, конечно, под гражданским искусством не примитивно рифмованный официозный стих, парадную картину или действительно абстрактную, безликую песню про любовь и цветы, а творчество, рожденное болью общественной, ставшей личной болью художника, музыканта, поэта.

Аналогия, думаю, будет не слишком искусственной, если назвать рок «музыкальной публицистикой». Понимая под последней выступление на злободневные общественно-политические темы, заметим, что рок подходит под это определение в полной мере. Ведь в основе его лежат такие понятия, как гражданская честь, общественная справедливость, совесть.

С музыкальной стороны рок близок молодежи по своему ритму. Динамичный, экспрессивный, эмоциональный, он созвучен юношеской энергии и потому естествен в молодежной среде. И чересчур шумен в вкус пожилых. Это тоже естественно.

...Май 1986 года. С невероятными усилиями комсомольской организации Гагаринского района столицы удалось провести первый московский рок-фестиваль «Рок-панорама-86». И не только успешно провести, но и практически повторить успех фестиваля «Тбилиси-80», собрав на концертную площадку около 20 ведущих рок-групп страны. Результат — выпуск по итогам фестиваля двух долгоиграющих пластинок и... почти полное отсутствие прессы. И тем не менее дело сдвинулось с мертвой точки.

Спустя некоторое время, ближе к осени прошлого года, заметно была перестроена работа на радио и телевидении. Оживился «Молодежный канал», появились музыкальные программы с роком на радио-

ло. И даже компетенция корреспондента в данном вопросе в расчет порой не принимается.

В разворачивающихся довольно стремительно событиях многие в Союзе композиторов и Министерстве культуры стали понимать бурно зреющую ситуацию. Рока становится больше, а исполняется он преимущественно самодельными авторами. А раз так, то надо предпринимать меры. Правда, в тот же период кое-кому показалось даже выгодным еще больше обострить ситуацию и спровоцировать контрудар по рок-музыке. Так родилась на свет карикатура на Союз композиторов в мартовском (1987 г.) номере «Крокодила». Радио не осталось в стороне и использовало любой выгодный случай, чтобы вставить в программу песенку в стиле «хэвиметал», лишь затем, чтобы потом ее поругать.

Эстетика эфира была подорвана — на радио и телевидение, помимо музыкального материала, который раньше был «не рекомендован к исполнению», мощным потоком хлынула халтура, песни, лишённые мало-мальски профессионального подхода к сочинительству, а порой и неприкрытая пошлость (вроде песенки из мюзикла «Как стать звездой»). Помните: «Человек, надев трусы...»). Фольклору, народной музыке, джазу и традиционной эстраде все меньше и меньше находилось времени и места. Дома культуры Москвы и области тоже, естественно, не хотели отстать от «моды на рок», и тогда в спешном порядке стали организовываться различные микро- и макси-фестивали. Например, только в один из дней меня пригласили сразу на четыре рок-фестиваля с участием самодельных рок-музыкантов. Каждое из этих мероприятий довольно хитро было прикрыто присутствием представителей радио и телевидения, прессы.

...Что же делать в такой неожиданной ситуации обыкновенному зрителю? Аудитория, причувствывая изо дня в день слушать примитивные сладенькие шлягеры а-ля «Малиновы сироп» и «Комарово», абсолютно захотелось чего-то горького или кислого. И это «блюдо» не заставило долго ждать. Как снежный ком обрушился «хэвиметал». Средства массовой информации не могли уже угомониться, а молодые ребята, как слепые котят, совершенно ошарашенно воспринимали все, что слышали, а иногда даже и видели.

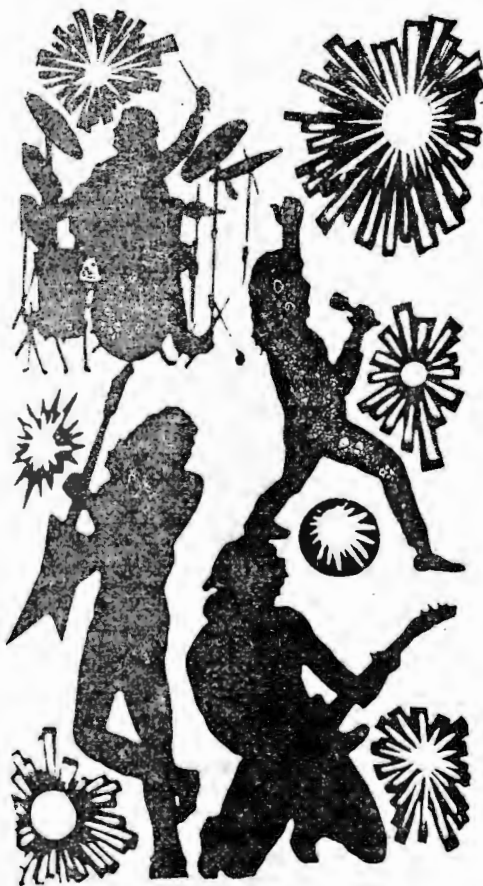
Казалось бы, информация есть, а на самом деле многие молодые люди оказались у «разбитого корыта». Музыка появилась, а что? где? как? откуда? почему? и еще сотни вопросов повисли в воздухе. Если на все эти вопросы не дадим ответов мы, то с удовольствием дадут «они». Но с «соусом». Речь идет об информации, поступающей к нам из зарубежных радиисточников.

За рубежом живо среагировали на «момент» и решили: раз в нашей стране все походили с ума от «металла», так значит, надо внушить, что этот жанр на сегодняшний день самый популярный (хотя на самом деле все обстоит совсем иначе). И сделали свое дело — вконец заморочили голову рок-болельщикам.

Когда в двенадцатом номере журнала «Ровесник» за 1986 год мне пришлось прочитать письмо одной из поклонниц рок-музыки, в котором молодая девушка писала о том, что она «металлистка» и ее любимый исполнитель итальянец Пуно, то, честное слово, я не поверил в правдивость письма. До тех пор, пока сам не стал получать письма аналогичного содержания.

Читатели на нескольких страницах описывают свое восхищение «хэвиметал» и в конце посланий просят рассказать о своих кумирах. Например, о Роде Стюарте и группе «Полис», об «АС/ДС» и Элтоне Джоне, о «Черном кофе», «Арии», «Кризе» и... «Аквариуме», «Центре», «Бригаде С» и «Форуме». Все новое — это «металл», все ранее неизвестное — это тоже «металл». Почему же все? Очень просто — раз «хэви» в моде, значит, все, кто играет рок, играют именно в этом стиле. Кто-то даже требует на радио открыть новую передачу... «В мире металла». Полная безграмотность, нежелание узнать истоки (да, в принципе, откуда их узнавать-то?), безразличие ко всему происходящему вокруг. Впрочем, такие тенденции наблюдаются не только у зрителей, но и у самих музыкантов. Все делается на скорую руку — лишь бы успеть, не упустить «удачный момент».

Конечно, надо признать, что ошибки в музыкальном воспитании юношества были. Часть из них осталась и сегодня. Всевозможные запреты привели к тому, что молодежь в своих музыкальных пристрастиях стала преимущественно ориентироваться на западную массовую культуру, и это породило негативные явления. Признаемся и в том, что слишком серьезными были контроль и некомпетентность, недоброжелательность художественных советов, попыт-

ки не замечать растущей потребности в рок-музыке, всяческие «отмахивания» от нее.

В свете последних перемен в отношении к рок-музыке нельзя не упомянуть еще одну опасную тенденцию. Ту самую, которая и породила серьезность столкновений. Редакторы радиотелепрограмм, авторы публикаций в газетах и журналах дозволенными и недозволёнными методами пытаются противопоставлять классику — эстраде, рок-музыку — джазу, фольклор — современной музыке, самодеятельных музыкантов — профессиональным. И здесь страсти подогреваются недоброжелателями.

В любом другом виде искусств этого почти нет. В музыке — сколько угодно. Неужели жанры не могут мирно сосуществовать и взаимно дополнять друг друга, обогащая нашу музыкальную культуру?

Тут уместно было бы процитировать статью «Молодежь и культура» из газеты «Советская культура» от 14 апреля 1988 г.: «Никакая демократия не освобождает от необходимости думать, и никакая гласность не должна отменять художественных и идейных критериев в оценке явлений искусства. Ясно же, что демократизация на руку не только самым талантливым, но и тем, кто пропагандирует се-

рость, халтуру под эгидой все той же гласности. И настоящее искусство должно быть к этой борьбе с халтурой готово всегда».

Но нет, не готовы мы были вовремя откорректировать звучащую музыку, и эфир уже засорен настолько, что теперь работу по исправлению допущенных ошибок приходится начинать практически заново. Не научились мы еще правильно и умело пропагандировать лучшие образцы нашей музыки, по-прежнему тонут в ворохе бюрократических бумаг министерства интересные начинания райкомов комсомола, мы не можем до сих пор в нормальных условиях показать за рубежом все лучшее, что у нас есть в рок-музыке, публично развенчать отсутствие самобытности у некоторых «рокеров», боимся выпускать пластинки с записью тех групп, которые лишь немного не «в рамках» привычного и устоявшегося.

Мы должны дать возможность молодежи четко ориентироваться в музыкальных пристрастиях и воспитывать вкус, научить ребят отличать подделки искусства от настоящей музыки.

Итак, музыкальный джин выпущен из бутылки. Лавина растет не по дням, а по часам, сокрушая (точнее, пытаясь сокрушить) все на своем пути. В растерянности композиторы и поэты, в еще более печальном положении — многочисленные поклонники модных ритмов, которые остались без истории рока и определенного представления о его будущем.

Не раз за последнее время в печати вставал вопрос о создании специализированного журнала по проблемам популярной музыки. Необходимость в нем более чем очевидна, но никто не хочет браться за их разрешение. Нет пока такого энтузиаста. Создание журнала продолжает находиться в подвешенном состоянии. Но даже если он и будет создан — вопрос от этого не станет меньше. Где найти авторов? Где черпать информацию? Откуда получать аудио-и видеoinформацию?

В ближайшей перспективе дело видится так — на базе одного из домов культуры группа энтузиастов может создать экспериментальный информационно-музыкальный центр.

По идее, с него должна стекаться вся печатная музыкальная информация (не секрет — в журналах и молодежных газетах городов и областей страны существуют музыкальные странички). На базе такого центра возможно создание архива поп-музыки, группы переводчиков и т. д. Не думаем, чтобы сами композиторы и исполнители могли отказать в помощи такому центру. В наличие энтузиастов и энтузиазма мы тоже верим.

...Концертные площадки стали потихоньку уставать от концертов (хотя, может быть, и не очень, так как именно рок-концерты приносят значительную часть прибыли), но молодежь не унимается — мало, говорят, интересного, нам скучно.

На этом можно было бы поставить точ-

ку. Но «туман» стал потихоньку рассеиваться, и... начинают терять свою былую привлекательность музыкальные программы ЦТ и ВР. И все встает на свои места: в эфир возвращаются серость и музыкальный примитив, ставшие такими привычными на нашей традиционной эстраде.

И вновь (уже в который раз!) рок-музыка получает красный сигнал «светофора». А на телевидении внедряется музыка, от которой мы все давно уже устали. Если быть точным, то самой модной оказывается тема бесппроблемной любви со множеством штампов, банальностей и даже пошлостью, а наиболее популярными у редакторов Гостелерадио — «телефонная тема» («позвони мне, позвони», «две копейки пустяк», «я звоню, тебя нет», «я звоню, а там занято») и псевдофилософский цикл («вся жизнь впереди — надейся и жди»). Основной принцип изготовления эстрадных подделок предельно прост: берется любое слово, например, колобок, дельтаплан, караван, Али-Баба, аэропорт, автомобиль и к нему рифмуется, что в голову взбретет. Таким образом, устанавливается жесткий барьер, цель которого в том, чтобы к массовому слушателю попадали только апробированные и заезженные «звезды» с соответствующим репертуаром.

Итак, если вкратце подвести итог работы радио, телевидения, фирмы «Мелодия» и организаций, подчиненных Министерству культуры, за последние 3—4 месяца, то вывод напрашивается сам собой. Цель контрборьбы с рок-музыкой достигнута. Ищущих, пробующих, заостряющих, кающихся — к телекамерам и микрофонам «не пущать»...

Чего же добились? Того, чего хотели. Во-первых, не дали возможности массовой аудитории услышать то, что выше среднего уровня. Теперь уже зритель неспособен воспринимать что-то серьезное, острое, проблемное, ибо отучили его думать и делать выводы. Во-вторых, наученные горьким опытом авторы (композиторы, поэты, исполнители), поняв наконец бесполезность борьбы с косностью и бюрократизмом, должны (по мнению Союза композиторов) в конце концов перестать заниматься творчеством и перейти к дальнейшему тиражированию «штампов». В-третьих, приложены максимальные усилия, чтобы скрыть от глаз выдающиеся достижения мировой поп-музыки (например, всемирный фестиваль «Лайв Эйд», проведенный 13 июля 1985 года, аналогичный фестиваль «Уан Уорлд» 1 июля 1987 года, совместный советско-американский концерт в Измайлове 4 июля 1987 года). Что похуже — итальянская эстрада, к примеру, пожалуй, — это легально. Что получше — «Европа», Сантана и «Дуби Бразерс» — то это уже полулегально, для ограниченного числа зрителей.

К чему все это делается — достаточно ясно. А вот почему — тема отдельного разговора.

Дмитрий ШАВЫРИН.

«Послужной список» популярного киноактера Льва Прыгунова — свыше пятидесяти ролей в советских и зарубежных фильмах. Герои Прыгунова неординарны, порой весьма противоречивы, но всегда яркие, запоминающиеся. Давние дружеские взаимоотношения сложились у артиста с вооруженными защитниками Родины—ведь среди его героев немало тех, кто охраняет ее покой. С удовольствием он бывает и в гостях у воинов. Корреспондент журнала майор С. Шевцов попросил киноактера выступить в нашей рубрике.

ЛЕВ ПРЫГУНОВ:

«ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ЧЕКИСТОМ...»

— Лев Георгиевич, судя по вашему репертуару, с человеком в военной форме вы почти неразлучны...

— Да, роли военнослужащих — особая часть моей творческой биографии. Ведь самая первая моя роль в фильме «Увольнение на берег» — военный моряк, матрос Николай Валежников. Тогда еще студент третьего курса Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, я сыграл доброго, честного парня, которому матросы, его друзья, помогают собрать деньги для его девушки. Коля Валежников знакомится с ней, если вы помните, в первом своем увольнении... Трогательная история. Картина для меня примечательна еще и тем, что снимался вместе с Владимиром Высоцким — общение с ним незабываемо. В прессе о фильме отзывы были не самые лестные, но зрительская реакция оказалась на редкость теплой — и это придавало сил.

Потом были роли военнослужащих в фильмах «Без видимых причин», «Мне двадцать лет». Стал хрестоматийным эпизод из последнего, где я играю отца, погибшего в сорок первом и являющегося сыну во сне. Сын спрашивает его:

— Что мне делать?

И слышит тоже вопрос:

— Тебе сколько лет?

— Двадцать два, — говорит сын.

— А мне двадцать один... — с этими словами отец уходит, предоставляя сыну возможность самому решать, как жить.

Потом я сыграл итальянского солдата в советско-итальянском фильме, где мой герой — еще вчера крестьянин — мучается от того, что хлеб, который он видит на поле, никто не убирает; французского офицера — летчика эскадрильи «Нормандия-Неман» в «Освобождении»... Было несколько ролей в кинофильмах социалистических стран. В ГДР, например, участвовал в

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

съемках интересной, на мой взгляд, кинокомедии.

— Читатели нашего журнала хорошо помнят ваши работы в фильмах «Опасные друзья» и «Трактир на Пятницкой». Хотелось бы подробнее узнать о съемках, о том, как вы готовили себя к ролям.

— В «Трактире на Пятницкой» мой герой — сотрудник уголовного розыска (кличка Француз) мастерски «нюхает кокаин», внедряется в банду и плетет невидимую сеть интриг, с помощью которой и обезвреживает бандитов. Работалось в этой картине легко и интересно, потому что рядом были друзья — актеры Николай Еременко, Александр Галибин, оператор Сергей Вронский... Картину сделали за два месяца. Позже я сыграл капитана милиции, следователя в картине «Выстрел в спину». Тогда я, можно сказать, близко познакомился с деятельностью людей, которые противостоят преступному миру, понял, легко ли быть чекистом.

Готовясь к работе в «Опасных друзьях», я постарался использовать все возможности для знакомства с уголовным миром. Даже с концертами выезжал в колонии. А потом — три месяца съемок в настоящей «зоне». Там старался всматриваться и вслушиваться... Насмотрелся и наслушался! Очень непросто было передать затравленный взгляд, взгляд осужденных...

Юрий Громов, мой герой, случайно попал под влияние опасных друзей, но преступление совершает уже не случайно. Осознание главной ошибки своей жизни приходит к нему после. Судьба его трагична и поучительна. Хочу верить, что процесс гуманизации, начавшийся в стране, поможет многим молодым парням избежать горькой участи осужденных, даст шанс исправить свои ошибки, чтобы не обошлись им они столь дорогой ценой, какую заплатил Юрий Громов. Верю в очищение как всей страны, так и многих оступившихся ее граждан.

Возвращаясь к началу вопроса, скажу, что у советских актеров время на подготовку к роли крайне ограничено. Поэтому у нас часто бывает, что врачи морщатся, если фильм про врачей; если про милицию, то милиция себя не узнает. То же самое — об армии... Приблизительно играть — значит играть плохо.

«Французский связной», по-моему, великая картина. Награждена шестью «Оскарами». Там актер, приглашенный на главную роль, полгода (!) работал в настоящем оперативном отряде по борьбе с наркомафией — в самых горячих точках. Жизнью своей рисковал. Но потом и сыграл блестяще.

— Снимаясь в «Опасных друзьях», вы, насколько я знаю, общались и с военнослужащими внутренних войск. Какие впечатления остались у вас от этих встреч?

— Самые теплые. Причем офицеры внутренних войск рассказывали мне немало любопытного, охотно отвечали на все мои вопросы. Это помогло в работе над ролью. Только отчего-то в картине в качестве и воспитателя, «отца» заключенных, и охранника выступает один человек — начальник

колонии. Он же и операцией руководит по задержанию преступников. Но так не бывает! В жизни, я наблюдал, роль представителей внутренних войск во всех этих вопросах весьма значительна. Но не будем забывать, что фильм снимался во времена застойные.

— Лев Георгиевич, вы удостоили критической реплики кино о современной армии...

— Конечно, это особый разговор. Острых, проблемных фильмов о сегодняшней армии нет. Как помочь солдату пережить первый — самый трудный период службы? Можно гонять его десятки километров в противогазе. На то он и солдат, чтобы быть крепким. Но нельзя издеваться над его душой. Почему нет фильмов о «дедовщине», тупости некоторых военных?

Мой сын, Роман, служит сейчас срочную в танковых войсках. Он жалуется. Но рассказывает любопытнейшие вещи. Об этом бы кино снимать.

Или, вспоминая, лет восемь-девять назад по случаю празднования первой маевки нас с приятелем, известным композитором, пригласили на торжественный ужин. Были там и большие генералы. Одного из них не могу забыть. Весь вечер совершенно серьезно и с важным видом по поводу и без повода он твердил одно и то же: «Это идеологически не верно!» и «Это идеологически верно!». Вот — персонаж сам просится на экран. Таких в жизни единицы, но они есть! И я верю, что вскоре такие появятся на экране.

Украшательскими фильмами молодежь к службе подготовить нельзя. Все равно правда дойдет до ребят, но по другим каналам и в более страшном, извращенном виде. От правдивых же картин армия только выиграет, ведь они — тоже форма борьбы со злом...

Схема большинства наших фильмов: герой всех врагов бьет, а в конце погибает. «Чапаев», например, «Сердце Бонивура». Или «Одинокое плавание». У американцев, я заметил, другой подход. Там герой подвергается самым жутким испытаниям, его бьют, но он в конце концов выживает и побеждает. Надо и нашу молодежь готовить к реальным трудностям — и учить побеждать.

— Актеры, как мне кажется, не всегда охотно говорят о своих любимых режиссерах, ролях...

— Лосев в «Картине» по роману Даниила Гранина — моя любимая роль. Почему? Там материал драматургический сложнее, чем другие мои роли.

— Может, и потому, что Лосев борется и побеждает?

— И поэтому тоже.

— Лев Георгиевич, несколько слов о нынешней вашей работе, о планах.

— Заканчиваю работу в фильме «Преследование», где играю врага Советской власти, оборотня, шпиона, бывшего белого полковника. Дал согласие «Азербайджанфильму» на роль пограничника — начальника контрразведки. Как видите, снова роль военнослужащего.

— Успехов вам! И спасибо за беседу.

ВЫСТРЕЛЫ 38-го

ИХ ЖЕРТВОЙ СТАЛ КОМДИВ И. А. ОНУФРИЕВ, СОРАТНИК В. К. БЛЮХЕРА,
ЕГО ПОМОЩНИК ПО ЗАПАДНО-СИБИРСКОМУ СЕКТОРУ ВОЙСК ВОХР

Одними из первых испытали на себе произвол и беззаконие . . . культа личности Сталина герои гражданской войны, заслуженные командиры Красной Армии и войск ВОХР. Написано и сказано о них до обидного мало, а тысячи имен преданнейших Родине сыновей до сих пор неизвестны народу, вычеркнуты из истории.

Двумя орденами Красног Знамени отметил Реввоенсовет Республики заслуги на фронтах гражданской войны Ивана Андреевича Онуфриева. Одна из страниц его боевой биографии связана со службой в войсках внутренней охраны Республики: в 1920 году Онуфриев был помощником начальника Западно-Сибирского сектора войск.

Архивные документы, воспоминания ветеранов помогли проследить жизненный путь комдива И. А. Онуфриева. Невольным свидетелем последних недель его жизни был писатель Лев Разгон.

— В Бутырскую тюрьму меня привезли в двадцатых числах апреля 1938 года, — вспоминает Разгон. — Втолкнули в переполненную камеру. Встретил меня худощавый человек с выправкой профессионального военного. Это был комдив Иван Андреевич Онуфриев — староста нашей камеры.

Среди военных были люди, чьи личности оставались значительными и интересными даже в унизибельно нивелирующих условиях тюрьмы. Я откидываю воп-

рос о том, «признавались» или не «признавались» на следствии самые мужественные люди, профессиональные солдаты, полководцы гражданской войны. Гораздо значительнее было их поведение в тюрьме и лагере.

Комдив Онуфриев... Это был человек, который даже в самых страшных условиях следственной тюрьмы не терял мужества, старался вдохнуть его в своих товарищей по несчастью. Он заставлял сокамерников заниматься гимнастикой (что строго запрещалось), организовал снабжение не имевших передач равным со всеми остальными количеством продуктов.

Иван Андреевич — мужественно-спокойный, добрый человек — был оптимистом по натуре. Разумеется, он не обманывался относительно своей судьбы. И буквально заставлял всех жить. Жить для будущего...

...В ноябре 1914 года Онуфриева зачислили рядовым в 108-й пехотный запасной батальон. По окончании учебной команды был направлен в Чистопольскую школу прапорщиков.

В течение пяти месяцев, как явствует из сохранившегося послужного списка офицера Онуфриева, начальника команды пеших разведчиков, он непрерывно принимал участие в боевых операциях на фронте. За боевые отличия награжден несколькими орденами, назначен командиром роты, произведен в поручики.

На фронте Онуфриев де-

лил с солдатами все тяготы и невзгоды окопной жизни, видел бессмысленность войны, бездарность командования. Когда рухнул царский трон, поручика Онуфриева избрали сначала в полковой, а затем в дивизионный комитет.

27 мая 1918 года И. Онуфриев, член партии большевиков, добровольно вступил в ряды Красной Армии. Здесь перед строем 3-го Екатеринбургского полка он присягнул на верность трудовому народу.

Вскоре Иван Андреевич становится командиром бригады 4-й Уральской дивизии. Обстановка была сложной. В частях бригады не хватало командиров подразделений, часть бойцов была заражена кулацкой агитацией, на некоторые штабные должности пробралась враждебно настроенные бывшие царские офицеры. А фронт непрерывно требовал подкрепления. Приходилось туда посылать недостаточно сколоченные батальоны и полки. 3-я армия (командующий М. М. Лашевич) готовилась 30 ноября перейти в наступление на Екатеринбург, но за день до начала наступления Екатеринбургская и Прикамская группы белых, создав на направлении главных ударов двух-трехкратное превосходство в силах, перешли в наступление с задачей: разгромив 3-ю армию, овладеть Пермью, а затем выдвинуться к Вятке и соединиться с белогвардейскими и англо-американскими вой-

сками, действующими с севера.

В числе других соединений и частей отражала натиск врага и бригада Онуфриева.

От Перми огненными верстами прошел по фронтам гражданской войны комбриг Онуфриев до Петрограда. Вернувшись на Урал, принял под командование 2-ю бригаду Екатеринбургского укрепленного района. А спустя некоторое время получил новое ответственное назначение.

Обратимся к пожелтевшим архивным документам: «Приказ войскам ВОХР № 503 г. Москва от 18 декабря 1919 г.

Приказываю незамедлительно организовать сектор в районе вновь занятой территории Западной Сибири...

На означенный сектор возлагается: охрана порядка в тылу Восточного фронта; борьба с контрреволюционными, дезертирскими мятежами, движениями и волнениями на вновь занятой территории; охрана железных дорог и водных путей сообщения; обеспечение спокойствия для правительного и безболезненного строительства Советской власти в занятых местах...

Наркомвнудел — председатель ВЧК и председатель Военного совета войск ВОХР Ф. Дзержинский».

Приказом войск ВОХР от 29 мая 1920 года начальником вновь созданного сектора, получившего наименование Западно-Сибирского, был назначен герой гражданской войны В. К. Блюхер, а его помощником — И. А. Онуфриев, до этого временно исполнявший обязанности начальника сектора. Сектор состоял из четырех бригад. Они дислоцировались в районах Тобольской, Омской, Челябинской и Акмолинской губерний. По заданию Блюхера Иван Андреевич почти постоянно находился в войсках.

Осенью 1920 года части сектора боролись с бандами, грабившими продовольственные склады, нападавшими на продотряды и отдельных бойцов Красной Армии. А 4 декабря 1920 года Сибирский революционный комитет отменил во-

енное положение в Сибири за исключением Иркутской губернии, находившейся в то время в прифронтовой полосе.

С 1926 года И. А. Онуфриев командует 2-й Приамурской дважды Краснознаменной стрелковой дивизией.

В 1929 году она в составе Особой Дальневосточной армии участвовала в разгроме белокитайцев на КВЖД.

...Сунгарийская наступательная операция была первой крупной боевой операцией во время конфликта на КВЖД. В ходе ее десантные части и подразделения дивизии Онуфриева атаковали крепость Лахасусу и штурмом овладели ею. Главные силы белокитайцев были разгромлены, остатки их позорно бежали в Фугдин.

Командующий войсками ОДВА В. К. Блюхер назначил начало операции в районе Фугдина на 30 октября 1929 года. По его замыслу войска армии были разделены на две группы — ударную и десантную. Командовать десантной группой Василий Константинович доверил Онуфриеву. Одновременно он был назначен первым заместителем командующего группой советских войск в операции.

Началась напряженная подготовка к десанту. Широко распространенной формой политического воспитания воинов в этот период были групповые и индивидуальные беседы. Их проводили, как правило, участники гражданской войны, заслуженные командиры и политработники. И. А. Онуфриев только 27—28 октября восемь раз выступил в подразделениях дивизии, рассказывая о гражданской войне, причинах и истинных виновниках советско-китайского конфликта. В беседах он тщательно анализировал конкретные боевые операции.

Ранним утром 29 октября части и подразделения десанта сосредоточились в районе села Михайло-Семеновское, а в 8 часов утра головной десантный отряд уже прорвался к Фугдину. Под прикрытием артиллерийского огня первы-

ми на берег высадились воины кавдивизиона 2-го кавалерийского полка ОГПУ: в 18.00 они ворвались на восточную окраину города. Каждый дом, каждую улицу приходилось брать с боем.

Утром 1 ноября Фугдин был полностью очищен от войск противника, остатки их капитулировали. 22 декабря был подписан договор между Советским Союзом и Китаем о ликвидации советско-китайского конфликта на КВЖД.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленный при этом героизм 23 воина 2-й Приамурской дивизии были награждены орденом Красного Знамени. Командующий армией В. К. Блюхер вручил И. А. Онуфриеву третий орден Красного Знамени.

11 июня 1937 года Иван Андреевич Онуфриев, прочитав в газете сообщение «В прокуратуре Союза ССР», сказал: «Не могу поверить прочитанному». Речь шла об измене Родине и передаче в суд дел Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путьна В. К.

...Через несколько месяцев был арестован и командир Онуфриев. В чем его обвиняли? Обвинения были стандартными для военных в ту недобрую память пору: «...участие в антисоветском военно-фашистском заговоре». Но так как обвиняемый — инспектор Осоавиахима и находился в товарищеских, судя по сохранившимся в архивах документам, отношениях с «расстрелянным врагом народа Эйдемано», следователи решили внести «живинку» и в обвинительное заключение: «...По заданиям одного из главарей этого заговора Эйдемана выезжал в район формирования повстанческих частей из состава контрреволюционных кулацких элементов и занимался вербовкой новых участников...»

Комдив Иван Андреевич Онуфриев расстрелян 25 апреля 1938 года. Реабилитирован 6 июля 1957 года.

Майор А. КОПЕЙКИН.

Виктор ЛОСЕВ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 11.

Он склонился над солдатами, осторожно достал из-под них автоматы — никто не проснулся! Он взвалил на плечи оружие, легонько поднял фонарь и неспешно зашагал назад, к избе. «Да, так должен поступить всякий, кто хочет раз и навсегда научить человека бдительности», — убеждал он себя, хотя понимал, что действует вопреки всяким уставам и педагогике; так нельзя было делать, но другого способа перестроить психику этих мальчишек за такой короткий срок он не видел. Он боялся потерять снова кого-то из них, как уже потерял двух таких же ротозеев.

Однако с каждым шагом сомнения все больше терзали старшего лейтенанта. «А что, если беглецы наткнутся на них, безоружных? — приходила в голову мысль. — Или, проснувшись и не обнаружив оружия, они попросту испугаются ответственности и наделают непоправимые глупости?»

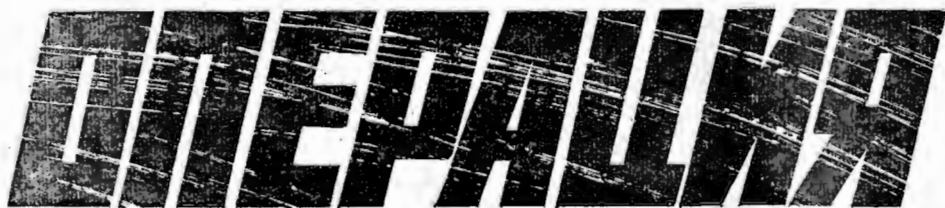
Он вернулся и разбудил обоих солдат, повел их к избушке. Там приказал дневальному сделать подъем по тревоге.

— Я поднял вас по двум чрезвычайным обстоятельствам, — начал Першин привычным для них, неторопливым голосом. — Первое... — он немного задержался, — не явился в положенное время Напольный, и мы не знаем, что случилось с ним и радистом. Они могли заблудиться, попасть на засаду и, может быть, сейчас нуждаются в нашей помощи. Второе. Рядовые Костеркин и Ветров, назначенные в дозор для охраны нашего отдыха, заснули на посту. Все мы подвергались смертельной опасности. Бандиты где-то рядом, и вы, наверное, понимаете — шутить они не намерены. Могут наблюдать за нами, наконец, случайно выйдти к нашему лагерю, и это может стоить жизни не одному из нас.

Першин стоял близко от строя, он даже чувствовал дыхание солдат в первой шеренге и мог разглядеть, как от его слов они постепенно приходят в себя.

— Я не знаю, как поступить с этими, — кивнул он в сторону стоявших понуро перед строем рядовых Костеркина и Ветрова, — но пока отстраняю их от службы. Не могу доверить им дело, которого они не достойны. Разойдитесь, приготовьтесь к выходу. Построение через двадцать минут, пока можно позавтракать из ИЗ.

Солдаты вскрывали банки консервов, хрустели сахаром, запивая его родниковой водой, а Першин сидел на бревне, поглядывая за ними. Никто не подходил к хмурым виновникам происшествия, и это настораживало Першина. Он боялся озлобления, возможного среди уставших, из-

дерганых людей, не хотел довести до этого. Но что означает это подчеркнутое равнодушие всех? Или они просто сочувствуют товарищам, боясь высказать это перед командиром?

В половине пятого небо затуманилось дымкой, и звезды отодвинулись, поблекли, а на востоке и вовсе исчезли, растворились в белой мгле. Першин построил взвод в колонну по одному. Двинулись в том направлении, куда направился сержант Напольный.

А Напольный не вернулся потому, что, взобравшись на взгорок и развернув рацию, он так и не смог выйти на связь. Впереди в туманном лунном свете он различил какой-то огонек и решил проверить, что это за свет, через час блуждания в лесу вышел к тому месту, где была избушка смолокура.

Никто еще не знал, что, встретив беглецов, этот смолокур пытался задержать их и был прожит очередью из автомата. Напольный вернулся к радисту, снова полез теперь уже на другую сопку, откуда наконец вышел на связь со штабом. Сообщил все, что знал, и тут подошел отряд Першина. Наступал рассвет пятых суток розыска. Солнце, кровавое, недоброе, медленно выползало из-за серых, с багровыми краями неровных облаков.

— Что сказали в штабе? — слабым, усталым голосом спросил Першин, выслушав доклад сержанта.

Першин только сейчас ощутил всю тяжесть прошедшей ночи.

— Сейчас сюда прибудет вертолет. Начальник штаба прилетит.

Першин тяжело опустился на мох. Он дремал, когда над тайгой раздался мощный вибрирующий звук тяжелой машины. Вертолет, тяжело подминая струей воздуха кусты, грузно опустился рядом, на вырубке.

Черданцев подошел к Першину, устало поднявшемуся и оправляющему гимнастерку:

— Ну что, размагнитился, командир? — Есть немного, — бесстрастно ответил Першин. — Но поиск проходит без происшествий, за исключением: вчера на посту, в дозоре, заснули рядовые Костеркин и Ветров.

Черданцев зло сдвинул фуражку на ухо.

— Вы без чепа не можете, Першин. Опять сон! Сколько ж могут твои бойцы тебе в карман класть? — напустился было Черданцев, но махнул рукой — мол, не стоит порох тратить, дело с тобой, старший лейтенант, ясное.

— Ну, и какие ж меры ты принял?

— Отстранил от службы.

— Чего-чего?

— Отстранил от службы.

— Может, на губу посадил? — с издевой спросил Черданцев.

Першин молчал.

— А ну, покажи мне этих молодчиков, — и добавил: — Разложил ты роту вконец, хуже некуда.

Першин молча снес и это. Да и то сказать: он был кругом неправ. Ничто не могло оправдать его теперь, да он и не пытался оправдываться, в первый же день приготовился к худшему.

— Ты небось думаешь: семь бед — ответа нет? — усмехнулся Черданцев, слово читая его мысли и переверывая опять половицу.

Першин равнодушно пожал плечами.

— Ну и молчи. Не надо мне твоих разгильдяев, не зови. Не до этого теперь. Сам разбирайся. Считаю, что я о них не знаю, ты мне не докладывал. А поступаю так потому, что некуда на тебя взыскания вешать. Живого места не осталось. Сейчас у тебя такое положение, что и под трибунал можно сыграть.

— Пусть будет как есть, — Першин с вызовом смотрел на подполковника. — Прятать я ничего не буду.

— Ну, дело хозяйское, — почему-то легко согласился Черданцев.

6. ОБЪЯСНЕНИЕ

После первой встречи с Викой прошло немало времени, а Ковров все чаще и чаще старался разгадать ее слова: «Хотя вы заслуживаете большего...» Что хотела она сказать этой фразой?

Вопрос не давал ему покоя, лишал сна. Все свободные от службы вечера проводил он теперь у ее дома: сидел в небольшом сквере напротив, ходил по затененной то полями аллее... И мечтал, и боялся встретиться с ней. Ну что он скажет? Что здесь совершенно случайно, и озарит при этом свою рожу глупейшей улыбкой? Она же, скорее всего, вообще его не узнает в этом цивильном костюме, лишь презрительно и недоуменно окинет взглядом, если он и осмелится заговорить с ней...

А встреча произошла совершенно не так, как предполагал Ковров. Поздний вечер уже размыл верхушки тополей на фоне неба, Ковров подходил к краю аллеи, обрывающейся у пустыря будущей новостройки, а навстречу ему медленно и воздушно выплывала фигура женщины. Ковров еще не мог узнать ее, но сердце уже бешено заколотилось и замерло вдруг, как будто выскочило из груди, а без него неуклюжим и чужим стало тело...

— Я на тебя все время из окна смотрела, — сказала Вика. — А сегодня почему-то решила, что ты больше не придешь, и испугалась.

— Я бы пришел, — ошипшим, срывающимся голосом выдал из себя Ковров. — Я не могу не приходить, я не могу без тебя, Вика!

Не он, а она взяла его за руки, на короткий миг прильнула лбом к плечу, потом отстранилась, заговорила просто, буднично:

— Тылюк в командировке, но ко мне мы все же не пойдем. Есть другая квартира... Боже, какую похабщину я говорю. Я не знаю, что со мной. Пойдем?

— Я тоже живу в хорошей квартире... День после этого совсем чумным ходил Ковров, и неизвестно, сколько бы длилось это состояние, но отрезвило взводного

происшествие, случившееся в роте Першина. Черданцев отправил его вместе с подчиненными в один из таежных поселков — в резерв.

Солдат разместили в пустующей по лету школе, а его устроили в гостинице — осевшем от древности домике, где, впрочем, было вполне уютно: белые простыни на старомодных койках и даже телевизор. Но отоспаться ему не дали. С утра радист не позволил отлучаться от станции: Черданцев как присох к радию и постоянно требовал связи, новых данных. А откуда они у Коврова, сидевшего в тылу?

— Чем занимаются люди? — спросил в один из сеансов Черданцев.

— Располагаются, товарищ подполковник.

— Не располагаются, а разлагаются! Занятия! Занятия и занятия! Изучай меры безопасности, ориентировку, хоть чистку оружия организуй, но чтоб ни минуты безделья. Безделье для солдата страшной врага, понял?

— Понял, — сухо ответил Ковров и едва сдержался, чтоб не добавить «черт побери».

Он понимал, что Черданцев прав, но в последние дни все стало тяготить его, раздражать. Служба перестала быть главным, отодвинулась на второй план, она отвлекала его от чего-то важного, в чем он угадывал большой, даже фатальный смысл. Но, пересилив себя, он покорно отправился к школе, где бродили солдаты, предоставленные самим себе.

Построив их и проверив, все ли налицо, Ковров объявил сержантам порядок дня и в первый час занятий провел урок по ориентированию в лесу, затем распределил, кто из сержантов должен вести занятия дальше, а сам присел в тени, не очень внимательно наблюдая, как вяло движутся его подчиненные. Но он не вмешивался: сержанты были неподготовлены, настроение неучебное, и занятия шли лениво — все отлично понимали, для какой цели они заставили их шевелиться, он и сам не ждал от этого никакой особенной пользы.

Снова прибежал связной — Черданцев никак не мог уговориться:

— Я улетаю к Першину, есть данные, квадрат 4 «б». Это в твоём направлении. Выставь наряды на окраине поселка. В поселок они не должны пройти, ясно? К тебе прибудет на усиление майор Тылюк, встречай. Все.

Ковров хотел уточнить, кто не должен пройти в поселок — штатские или осужденные, даже не потому, что не понял, а чтоб уколоть за чем-то Черданцева, мол, военный язык может быть двусмысленным, и непременно переспросил бы, но последние слова сбили Коврова с мысли, сразу вернув его в тревогу о Вике. Он совсем забыл о Тылюке, его просто не существовало. А теперь эта неизбежная встреча здесь с ним, наедине, была так некстати, он даже растерялся, представив, как трудно будет им обоим.

Глухая волна раздражения накатилась на Коврова — так было всякий раз, когда он попадал в ситуацию, из которой не вы-

шел безопасного выхода. Тылюк представлялся ему мерзким и ничтожным, виноватым перед ним тем, что имел какие-то права на Виду. «Знает ли он о том, что произошло между нами? — думал он. — Если знает — придется как-то объясняться».

Как будет выглядеть это объяснение, он не представлял, положение было довольно глупое, поскольку перед ним был не просто обманутый муж, а человек, который имел над ним реальную власть.

Когда пропыленный штабной «газик» подкатил к школе, Ковров неспешно застегнул воротник куртки и подошел к машине, ожидая, пока Тылюк неловко высвободится из кабины, путаясь в зачехленном плащ-палатке, и повернется к нему лицом. Вид у Тылюка был заспанный, уставший, он словно постарел за эти несколько дней: глаза, глубоко запавшие, смотрели печально и рассеянно, не останавливаясь долго ни на чем. «Все знает», — мелькнуло у Коврова, но он овладел собой, небрежно приложил руку к козырьку и доложил скучным голосом: «Товарищ майор, взвод занимается тактико-специальной подготовкой, происшествий нет».

Майор отряхнул пыльные руки, как-то извиняюще быстро взглянул ему в глаза и, поколебавшись, протянул маленькую потную ладонь. Ковров слишком поспешно схватил ее, не решившись пожать крепко.

Он шел рядом с Тылюком, искоса поглядывая на него, каждый раз отмечая какую-нибудь новую нелепость в его чертах — и походка мелким путающимся шажком как-то боком, и залысина, открытая капельками пота, и манера говорить что-то свое, не требующее ответа, и какие-то испуганные, предупредительные взгляды, которыми он изредка награждал Коврова. «До чего неприятными бывает люди», — думал Ковров, глядя под ноги.

Они вошли в класс, Тылюк протиснулся за парту, надел за чем-то фуражку, потом достал карту, разложил ее и долго расправлял ладонями, словно не решаясь ничего сказать. Ковров понял, что майора также смущает это свидание наедине.

— Ну, так где бы они могли быть? — произнес наконец Тылюк и в первый раз пристально посмотрел на Коврова.

— Кто их знает, — не очень дружелюбно ответил он. — Вам в штабе виднее. У меня тут болото.

— Если подполковник Черданцев полетел сюда, — ткнул Тылюк ручкой в карту, не обращая внимания на тон Коврова, — значит, они обязательно выйдут к нам, к поселку.

— Почему ж обязательно? — не мог сдержать усмешки Ковров.

— Потому, молодой человек, что непременно. Это пока моя интуиция. Но она основана на точном знании психологии бежавших и потому безошибочна.

— Почему же вы сразу не задержали их? — Ковров сделал ударение на этом «вы».

— Раньше мы просто не знали, где они находятся, — снова пропустил мимо ушей

Тылюк его язвительность, — а теперь все ясно, они напуганы лесом и пойдут к жилищу, а наш поселок — первый на их пути. Надо принимать меры.

— Я уже выставил засады.

— Где, покажите, — все тем же учительски спокойным тоном предложил Тылюк, еще раз постучав по карте пухлой ручкой.

— Вот здесь, на развилке, пост первый, у поляны — второй, у ручья — третий.

— Так, хорошо, — посмотрел он на точки, указанные Ковровым. — А болото? На болоте ничего нет?

— Болото хорошо просматривается с третьего поста, да и из поселка как на ладони. Какой дурак пойдет по открытому месту! — Ковров почти не скрывал своей неприязни и дерзил, почему-то уверенный, что Тылюк сейчас не может найти в себе силы, чтобы одернуть зарвавшегося звездного.

— Да, да — задумчиво протянул Тылюк, — логика в этом, конечно, есть. Но преступники, видите ли, потому и преступники, что зачастую поступают алогично, в нарушение установленных правил. Днем, конечно, они по болоту не пойдут, а ночью... Я бы на их месте пошел.

— Но вы не на их месте! — все еще нарывался на скандал Ковров, задетый именно этим спокойным бесстрастным поучением.

— Однако мы должны представить, как они сейчас думают. Они хорошо представляют, что входы в поселок охраняются. И знают, что лучше всего постам укрыться как раз там, где вы их поставили.

Это было уже слишком. Тылюк просто насмеялся над ним, ничем не выдавая своих чувств! Он уже искал слова, чтобы ответить майору порезче, но тот, отложив ручку, сказал:

— Надо будет сюда обязательно выставить пост. Хорошенько замаскировать его прямо на болоте.

— Есть, — ответил, сдержавшись, Ковров.

Его раздражала и эта манера отдавать приказания, невоенная, интеллигентская. Что значит «надо»? Приказ или предложение? Или высказанное вслух сомнение? Такую команду не хочется выполнять. Черданцев бы уже прогудел: «К 16, 20, 23 — выставить пост в количестве ...человек и доложить» и еще раза три спросил бы: «Поная? Повтори!». А этот словно бы стеснялся, что загружает Коврова какой-то работой.

Он сказал «есть», сразу решив про себя, что ничего не сделает. «Перестраховщик! — неприязненно думал Ковров. — Нашел изъян в моем решении — лишь бы сказать Черданцеву — вот, мол, лейтенант здесь ничего не метрит в тактике, я ему помог!»

Ковров был уязвлен, потому что продумал основательно, как выставить посты, и выбрал, казалось, наилучший вариант. Теперь же, если выставлять новый пост, нужно менять все: болото клином врезалось в лесной массив, опираясь в по-

селок. Тылюк пока не видел местности, а то бы сказал, что нужно поставить два поста: прямо по острию этого клина пунктиром — чахлые сосенки, так что они как бы разделяли болото, и ночью с любого конца видна только одна его половина. Поставить два поста — значит, лишиться резерва, даже дозор в поселке придется снять. Кроме того, пост на болоте окажется далеко позади стоящих по флангам других постов, и если невзначай ему придется открыть огонь — свои же солдаты могут оказаться в зоне поражения. Правда, Ковров признавал, что беглецы могут пойти и по болоту. Но в поселке у него всю ночь курсирует патруль, как раз по той самой улице, которая ведет от болота.

— А теперь мне нужно пройти на посты, посмотреть, как они маскируются, что видят.

— Мне вас сопровождать?

— Если вам позволит время.

...Когда они возвратились, солнце уже скрылось за сопками и поселок погрузился в серую дрему. Радист завалил их ворохом радиogramм, из которых следовало, что беглецы в двенадцати километрах отсюда совершили нападение на домик смолокура и Черданцев сейчас ведет активный поиск двумя группами, одной — на север, другой — в их направлении. Распоряжений непосредственно для звзда Коврова не поступило.

Ковров умышленно задержался у радиостов как можно дольше, но все равно вынужден был идти в гостиницу, куда Тылюк направился сразу после проверки службы.

Тылюк топил печь, хотя нужды в этом никакой не было. Он не отрываясь смотрел в огонь, изредка подкладывая сухие поленья, заготовленные на зиму, и никак не реагировал на нарочито шумный приход Коврова.

— Разрешите мне спать, товарищ майор? — спросил он, демонстративно растегивая ремень. — Мне еще службу надо проверить ночью.

— Да, да, конечно, отдыхайте. А службу я сегодня сам проверю.

— Мне тоже положено.

— Вы во сколько собирались?

— В четыре утра.

— Отлично, а я схожу в двадцать четыре. Вот и перекроем самое напряженное время.

Ковров скинул сапоги, передвинул кобур с пистолетом на живот и, не раздеваясь, лег, закрыл глаза. Сон не шел, неясные тени прорывались через закрытые веки. Он тяжело вздохнул.

— Не спится? — тут же повернулся к нему Тылюк. — Может, в шахматы сгоняем?

— Мне-то можно партийку, я высплусь. А вы когда?

— Ерунда, за шахматами сон не сморит, бедности наберусь, и только, — Тылюк улыбнулся.

Они молча двигали фигуры, не глядя друг на друга, и Ковров не ощущал того возбуждения, которое обычно оказывала на него игра. Он рассеянно переставлял фигуры, даже не обращая внимания на

то, как Тылюк делал ход и тут же возвращал его, и, проиграв подряд три партии, сказал:

— Хватит, я сегодня не в форме.

Тылюк молча пожал плечами, медленно сложил фигурки в доску и проговорил:

— Я все же не пойму, почему она выбрала вас?

— Кто выбрал? — краснея от догадки, спросил Ковров, с трудом выдерживая взгляд Тылюка.

— Я говорю о Вике, моей жене.

— При чем тут я? — у Коврова вдруг перехватило дыхание.

— Будьте мужчиной, в любви нужно быть честным, — с каким-то сожалением выговорил Тылюк. — Вика сказала мне, что любит вас и уйдет к вам. Сначала я не мог верить и хотел все-таки понять, почему — к вам?

— Зачем мне слушать ваши объяснения?

— Конечно, вы правы, но это так неожиданно... — теперь смутился Тылюк, и Ковров, уловив это, перешел в атаку.

— Любовь всегда неожиданна, — бросил он.

— Если это любовь.

— Не сомневайтесь, да это вас и не касается, — Ковров с размаху бросился на кровать, всем видом показывая, что говорить не желает. «Хоть бы дал мне в зубы — у него уведат жену, а он объясняется», — думал он.

— Вы правы, простите... Ну, я пойду проверю службу...

Ковров не ответил. Когда за ним закрылась дверь, Ковров, не поднимаясь, подушкой бросил в выключатель, свет погас, но раздражающее лунное сияние, заполнившее комнату, не позволяло заснуть.

...Где-то вдали забухали торопливые и тяжелые шаги — так бегают только солдаты, и сон сразу слетел с Коврова, он тут же натянул сапоги и затянул ремень. В окне, загорая луну, выросла тень, и стекло задребезжало от сильных и бесцеремонных ударов.

— Товарищ старший лейтенант, вас требуют!

Ковров поспешно, сдерживая дурное предчувствие, вышел на порог.

— Что там еще?

— Майора Тылюка убили.

— Как! — только и нашелся сказать Ковров. Кровь отлила у него от головы, все вокруг поплыло, закачалось, потускнело, и он судорожно ухватился за перила, чтобы не упасть.

— Не знаю, вроде беглые встретились.

— На каком посту?

— Да ни на каком, на болоте. Зачем товарищ майор туда пошел? Им старший сержант Голодов говорил, чтобы сопроводить, а он сам...

Солдат говорил еще что-то, долго, обстоятельно, но Ковров не слышал.

Майор пошел на болото. Туда, где он, Ковров, не выставил пост, о чем распорядился Тылюк. Все развернулось именно так, как предвидел майор, и во что не хотел верить он, Ковров. Выходит, в гибели Тылюка виновен он...

7. ВОРОНА, ЛЕЛЬКА

После убийства смолокура беглецы повернули на юг, в самое пекло, где, как говорил Лелька, их как раз и поджидали. Но другого выхода теперь он не видел. Осталось одно: прощмыгнуть не дорогами, а чащобой, обходя поселки, выбраться на сплав и по воде сойти вниз, к крупным городам, где спрятаться, переждать у какой-нибудь сердобольной вдовушки.

Поначалу они ходко шли по заросшей просеке, но километра через три забеснокоились, что нарвутся на засаду, и свернули в тайгу. Заслышав над головой шум вертолетного двигателя, затаились. И хотя под густыми кронами их обнаружить было невозможно, этот вертолет лишил беглецов сил, рязрядив напряженные до предела нервы. Шум винтов давно смолк, но ни Лелька, ни Ворона не поднимали головы. По тому, как скоро появился здесь вертолет, стало ясно: шансов на спасение у них не осталось, кольцо сжимается все плотней.

Лельку колотила мелкая дрожь не то от потери крови, не то от разгорающегося страха. Немела раненая рука, силы и решимость бороться за жизнь покидали его. Взглянув на отрешенное, жесткое лицо Вороны, вдруг поматеревшее, хищное, понял, что с ним теперь не справиться. И это только добавило отчаяния. «Ну, погоди, — бессильно подумал он, — выйдем мы из леса». Он ясно понимал, что сделать это — значит спастись. Главное — проскочить ближайшие посты, не попасться здесь в ловушку. Он просто кожей осязал, что вокруг них замкнулась пока невидимая солдатская цепь. Плечом к плечу идут солдаты, некуда отступить, нельзя прорваться, даже с автоматом, потому что стоит только обнаружить себя, как они сразу набросятся, подомнут. Но даже если пройги их и снова нырнуть в тайгу там, где плотность облавы меньше, ему не удастся отсидеться до холодов — ему казалось, что у него уже начинается заражение крови, и от одной этой мысли испарина покрывала сразу все тело.

Несмотря на репутацию отчаянного «мокрушника», чудом избежавшего «вышки» — высшей меры наказания, наводящего страх на всю колонию, он до ужаса боялся физической боли и собственной крови. И этот ужас только утверждался в нем, когда он, окружив себя жестокими и безжалостными «шестерками», справлялся со всяким, не принявшим его власти.

Обычно он не заводил личных врагов, ни с кем не конфликтовал в открытую. Но его «кодла», состоявшая в основном из хулиганов, буйных и своенравных, постоянно враждовала, хампла, лезла на рожон, и Лелька удачно использовал это для упрочения своего авторитета судьи, жестокого и строгого.

Он догадывался, что его власть, человека в общем-то хилого и заморышного, с детства трусливого, держится на ужасе перед его жестокостью, и всеми силами поддерживал это мнение в колонии. Он

613
614

чутьем угадывал, что бояться даже не столько тех жестокостей, которыми он мог воспользоваться, сколько нелогичности, непонятной неожиданности их проявления. Никто не мог сказать, когда Лелька взъярится, когда будет казнить, а когда миловать, какую пакость он может применить против провинившегося перед ним человека или вовсе ни в чем не виновного.

Между тем у администрации колонии он прослыл осужденным положительным, степенным. Каждый раз, когда кто-то из его не в меру горячих дружков пытался без его ведома расправиться со своим личным врагом, Лелька вмешивался, разнимал, а то и предупреждал контролеров о готовящейся потасовке, и таким образом его вскоре зачислили в актив, приняли в СВП — секцию внутреннего порядка, предназначенную для профилактики хулиганства и преступности в колонии, и это прикрытие как нельзя лучше помогло Лельке царствовать.

Так случилось, что, когда Ворона появился в колонии, Хмырь, человек необузданный и свирепый, которого побаивался Лелька больше всего, решил поизгаляться над новичком, сломать его сразу.

В тот день Ворона получил посылку с воли. Это было потрясающе неожиданно для него. «Воронов — в комнату посылки и передачу», — объявил контролер, но Ворона даже не пошевелился, хотя сердце вдруг защемило от острого желания, чтобы прапорщик повторил еще раз. Ему просто не от кого было получать письма и посылки. Он сразу оборвал связь с волей, свыкся с тем, что отвержен, изгнан из жизни, и не ждал от тех, кто остался там, в его прошлом, ничего хорошего.

— Ну, что вы, не слышите, Воронов? Вам посылка-то, — повторил прапорщик, заметивший, что Ворона даже не пошевелился.

— Не ошибся, начальник? — все-таки спросил он натянуто, лихо усмехаясь, чтобы не выдать своей растерянности и счастья, показаться насмешливо-равнодушным.

— Мы не ошибаемся, у нас все законно, так что давай, топай.

Пришел Ворона в комнату посылки, все еще ожидая подвоха и готовый ко всему — надо же было так случиться, что сегодня первое апреля: «Черт, пошутил, наверно, этот контролер, но если так зло пошутил — я ему припомню», — думал Ворона, заставляя себя замедлять шаги и постоянно оглядываясь: не смеются ли над ним где-нибудь участвующие в розыгрыше. Он-то и сразу не хотел идти, но сдержаться не мог, хватило его только на то, чтобы не броситься бегом, а пройти весь путь неспешно, небрежно поплеывая и пиная ногой ледышку от упавшей сосульки.

Толстушка-контролерша, выдававшая посылку, взглянула на него и ткнула бумажку — расписаться в получении.

Дрожаями, непослушными руками взял этот листок Ворона, поднес к глазам, но почерка не вспомнил, да и смысла написанного не уловил, поспешно вы-

вел на ней корявую свою подпись, протянул контролеру.

— Сестра небось балует? — спросила она. — Или жена? Вроде в деле у тебя ни сестры, ни жены не значится, а, Воронов? Ворона испугался, что вот сейчас не дадут, и с вызовом выкрикнул:

— Да, да, это моя сестра, двоюродная, мне посылка!

— Чего шумишь, получай, коли положено, — обиделась толстушка, доставая серый сверток.

Посылка оказалась небольшой, килограмма на два. Ворона разглядел наконец адрес отправителя. «Воронова Антонина Михайловна» — крупными ровными буквами было выведено внизу мешка.

«Тонька!» — перехватило дух у Вороны. Соседка-однофамилица, одноклассница, на которую он иногда поглядывал тайком, но безнадежно, потому что знал: она считает его последним, конченным человеком.

Как она узнала, где он, почему вспомнила? И что значит ее внимание? Неужели он для нее что-то значит, если она вот так, в самый для него трудный час, когда он уже решил, что нет среди людей у него никого, кто не осуждал бы его, не чурался, неужели она хочет ему добра? Или жалеет? И хоть жалость теперь была для него солью на рану — все равно, от нее он принял бы жалость — только бы кто-то помнил о нем.

Он ясно представил себе скромную угловатую девчонку с жалостливыми, пугливыми глазами, не то серыми, не то голубыми. Ему вспомнилось, что перед ней он нарочно зачем-то напускал на себя вид свирепый и хулиганский, находя удовольствие в ее робости.

И вдруг оказывается, что она не верила этой его маске, почуяла, что все это так, баловство, напускное, что в нем есть кое-что, за что его можно помнить и ему можно верить!

Если б Ворона мог хоть на миг вырваться отсюда, то только для того, чтобы повидать ее и поклясться, что если ей нужна его жизнь — он отдаст, по одному только ее взгляду! Как он не разглядел тогда эту девчонку, которая, быть может, даже любит его! Нежность, давно запрятанная, заросшая коростой нежность, вдруг прорвалась из его души, заволокла глаза влажной дымкой, сквозь которую он не видел ничего, кроме пухлых пальцев контролерши, осторожно прощупывающей каждую везицу. Они, эти пальцы, такие мягкие и женственные, показались ему теперь грубыми и жесткими, словно сейчас касались неосторожно и бесперемежно его ноющих ран. Он не мог этого выносить и отвел глаза от стола, решив не смотреть, как кто-то чужой берет эти священные для него предметы. Он с нетерпением дождался конца досмотра, чтобы потом в укромном уголке все рассмотреть и оцупать.

— А вот одеколон не положено — спиртное, — проворчала контролерша, отодвигая в сторону флакон с зеленой жидкостью.

— Да не выпью я его! — со злостью

закричал Ворона, не желая расстаться с любой мелочью.

— Не-а, не положено. Отнесем на склад, потом получишь, как освободишься.

— Нет! Не хочу! Вылей одеколон, отдай мне пузырек!

— Вот чудак, — внимательно и сострадательно посмотрела на него женщина. — Потом получишь, никуда он не денется.

— Сейчас! — выкрикнул Ворона, наклонился через загородку, ловко схватил пузырек, свистля пробку и стал вытряхивать плохо льющуюся жидкость прямо на пол, задыхаясь от резкого головокружительного и упоительного запаха, давно забытого им. Когда последняя капля соскользнула по горлышку, он аккуратно завинтил пробку и положил пузырек на кучку присланного.

— Чудак, — покачала головой контролер и подвинула ему содержимое посылки.

Ворона молча сгреб все в охапку и, прижимая к груди, вышел во двор колонии. Он спал на верхних нарах, и хорошо — наверху меньше глаз, к тому же до отбоя ложиться на постель не разрешалось, и Ворона один во всем длинном полутемном бараке взобрался на верхний ярус и разложил свое богатство.

Носки. Сама вязала? Для него? Он приложил их к разутой, распаренной портянкой ноге — как раз впору. Откуда она знает размер его ноги? Вот женщина! Неужели такие есть, и для него тоже? Носовые платки. Вещь совершенно ненужная раньше, показалась ему самой необходимой теперь. Четыре шоколадки. И тонкий запах шипра, исходивший из пустого пузырька...

Первый раз в жизни Вороне стало так горько и обидно за себя. Он сам, сам лишил себя всего, сам обрек себя на эту мрачную жизнь. Он повел взглядом по ровным рядам двухъярусных нар, слабо освещенных дежурным желтым светом, таким невыносимо угнетающим. Ему хотелось тут же броситься отсюда вон и бежать, бежать через забор к ней, единственному человеку на земле, кто его понимает и жалост, кто примет его таким, какой он есть, и для которой он не может быть лучшим. Но бежать было невозможно, и он обессиленно закрыл глаза, подтолкнув под подушку содержимое посылки, осязая в себе бьющееся неровно сердце.

В это время в бараке и появился Хмырь. Он неторопливо подошел к Вороне, постоял, моргая маленькими глазами.

— Ворона, — прошипел и толкнул его под ребро. — Что зажался? Посылку отхватил? Пасут тебя родственнички-то! — он бесцеремонно выдернул подушку из-под головы Вороны. — А ну, дай гляну, что там интересного?

Не успел Ворона повернуться, как Хмырь уже схватил шоколадку и сунул ее в рот прямо с оберткой, с хрустом разрывая огромными своими желтыми зубами шелестящую фольгу. Ворона оторопело смотрел, как тягучая коричневая слюна тянется у того от губы к груди.

Хмырь тут же схватил платочек и смазал им губы, разглядывая коричневое пятно на белой глади.

Тут только Ворона пришел в себя, подскочил на койке, потянулся за платком.

— Но-но, — усмехнулся Хмырь и отодвинулся. — Не балуй! Сука, куркуль! Делиться надо, понял! — И демонстративно сморкнулся в платок, нагло и с вызовом глядя на Ворону.

Словно что-то взорвалось внутри у Вороны, ослепило, оглушило. Он со всей силы двинул голой пяткой в лицо Хмырю, но тот был готов к этому — увернулся, цепко схватил его за ногу и легко сдернул с нар. Пока Ворона, отчаянно цепляясь за матрац, валился вниз, Хмырь успел дважды коленом поддать его в живот. Но Ворона не почувствовал боли, поднялся и бросился на Хмыря, повалил его в проходе. Однако Хмырь тут же вывернулся, и Ворона оказался внизу с загнутой под спиной рукой. Хмырь яростно колотил его об пол и, наверное, не унялся бы долго, не появившись Лелька. Он давно со стороны наблюдал за стычкой, но только теперь, боком растолкав зевак, протиснулся к Хмырю и схватил его за рукав.

— Оставь!

— Пошел вон, падло! — огрызнулся разъяренный Хмырь, продолжая колотить Ворону.

— Кончай, я сказал, — так же тихо проговорил Лелька.

— Он мне фасад попортил, вишь, фонарь на скуле, — зло огрызнулся Хмырь.

— Ну, ты тоже не пацкался. Считай, вы в расчете, — снова медленно проворковал Лелька.

— Слушай, ты, не суйся, я сам знаю, что делать, — огрызнулся Хмырь.

— Не забывайся, подумай, — говорил Лелька, как бы опечаленный происходящим.

— Чихал я на тебя, понял? Я вот сейчас ему кровь пущу — помешай только!

Он выхватил из кармана тонкий, отшлифованный до глади нож, искусно выделанный из ножовочного полотна, но Лелька тут же кошкой метнулся к Хмырю, выбил нож, ловко поднял его к глазам, провел пальцем по лезвию и усмехнулся. Хмырь едва успел вскочить на ноги, а Лелька уже небрежным движением выбросил лезвие ему навстречу. Лезвие мягко прошло по горлу, все отпрянули от вдруг захрипевшего и замотавшегося по проходу тела. Все произошло так быстро, что никто еще ничего не понял, а Хмырь уже затих на полу. В комнате стояла зловещая тишина, никто не мог шевельнуться.

Только Лелька, вздохнув глубоко и скорбно, проговорил:

— Так будет со всяким, кто забудет, кто здесь хозяин. — Голос у него был сонный, но какой-то по-особому зловещий. — А теперь все по одному, прятаться. И молчок — никто ничего не видел, до самой смерти, а не то...

Он и не договорил, как трое или четверо теней скользнули в дверь, только Ворона, потрясенный случившимся на его глазах, окаменело стоял у стены. Нервная дрожь колотила его, лишая сил.

— Ты понял, мальчик, что было бы с тобой, если б не я? — вкрадчиво спросил подошедший к нему Лелька и взял за

рукав, тряхнул несильно, приводя в чувство. Ворона судорожно икнул вместо ответа.

— Я спас тебе жизнь. Что ж ты молчишь?

— Спасибо, — выдавил Ворона.

— Вот так. Всегда нужно быть вежливым и не терять головы. А теперь слушай, если хочешь, чтобы все было в порядке. Ты пойдешь к дежурному, скажешь там начальникам, что Хмырь полез с ножом, ты оборонялся, выхватил у него финку из рук и нечаянно — запомни — нечаянно, обороняясь, зацепил его по горлу. Все. Ты был один, защищался, нечаянно пярнул Хмыря. Понял? — еще раз повторил Лелька, глядя прямо в глаза Вороне, словно гипнотизируя.

— А теперь держи пилку, — он аккуратно обтер нож рукавом, стирая возможные следы своих пальцев, и всунул нож в руку Вороне.

— Иди, не бойся. Я законы знаю. Вынужденная оборона, неумышленное убийство — больше трех лет не дадут. Самое большее — переведут на строгий. Но ведь это лучше, чем если б он тебя изуродовал?

Ворону еще раз судили, наказали, как и говорил Лелька, не строго. Перевели на строгий режим, а вскоре туда же за неудавшийся побег угодил и Лелька. Лелька безраздельно властвовал над ним. Еще не раз Ворона был свидетелем коварства и злобности этого своего опекуна, а иногда и соучастником его расправ над непослушными, но Лельке все как-то сходило с рук.

Ворона давно бы уже отвыкся от Лельки, но не мог перебороть страха перед этим загадочным для него человеком.

А Лелька тоже был трусом, но тщательно прятал свой страх и ловко обходил, оберегал себя от физической боли, иногда даже мечтая, чтобы кто-нибудь ударил его, несильно, по-свойски, чтобы почувствовать боль, попытаться перебороть ужас перед ней, но страх был так силен, что он не мог пойти даже на малый эксперимент над собой.

И вот теперь, на воле, впервые столкнувшись с болью настоящей, с собственной кровью, он пал духом, стонал, не пытаясь скрыть своего малодушия, хотя видел, что Ворона презирает и ненавидит его и окончательно вышел из повиновения. Но думать об этом сейчас он не мог. Нужно только скорее выйти из леса, куда-нибудь, хоть к черту на рога, но где можно надеяться на помощь. Ему даже не так страшны стали солдаты. Не станут же они сразу, без разбору стрелять, а возьмут — так все еще можно свалить на Ворону, как-нибудь отвертеться от вышки. Всегда ведь ему везло, повезет и на этот раз. От Вороны только нужно отделаться. Да! Это выход — нужно идти к солдатам, а где-нибудь перед встречей кончить Ворону и сдаться, молить о пощаде, во всем обвинять его. Эта надежда на спасение так разожгла Лельку, так отвлекла от боли, что он перестал стонать, затаился, мстительно поглядывая на Ворону и отводя глаза, боясь суеверно, что тот прочтет его мысли.

644
615

Он стал обдумывать и другой вариант, по которому они проникнут в какой-нибудь поселок, отыщут вдовушку, поселятся у нее на несколько дней, а потом снова уйдут дальше. Для этого у Лельки было припрятано рублей четыреста, собранных в колонии. Деньги, считал он, помогут какой-нибудь сердобольной поверить, что они геологи, заплутали в тайге и нарвались на медведа.

От молчаливых размышлений их оторвал снова появившийся над лесом вертолет.

— Ищут, — тихо проговорил Ворона, взглянув на Лельку, словно тот мог опровергнуть его утверждение. Но Лелька только согласно кивнул и выругался.

— Ну, ладно, пошли, что ли? — почти примирительно спросил Ворона, когда вертолет скрылся. — А то застучают. Лелька согласно кивнул, тяжело и медленно поднялся, всем своим видом показывая, как ему тяжело. Ворона, однако, хмуро и насмешливо поглядывал на то, как он поднимается, оберегая руку от резких движений.

Несколько раз они делали привал, все из-за Лельки, быстро устававшего, и Ворона злился, ворчал, но бросить Лельку не мог — он боялся одиночества в тайге и решил расстаться с ним, когда доберутся до какого-нибудь поселка.

К вечеру вышли к болоту. Оно тянулось на много километров, и в самом конце чуть замечен был взгорок с неровным рядом изб.

Молча пролежали они до темноты, а потом Лелька поднялся первым и пошел, не пригибаясь, прямо на болото.

— Ты куда, гад? — щелкнул затвором Ворона. — Пришью!

— Не кипятись, сопляк! Хочешь — оставайся тут, корми комаров, а я свое знаю. Чекисты сейчас по опушкам сидят, не на болоте — тут открыто, чего им тут делать? Пока мы идем — туман упадет, корова пройдет — не заметишь. Вот и проскочим в поселок, спрячемся, понял?

Они пошли след в след, высоко и осторожно ставя ногу, как цапли, чтобы не треснуло, не чавкнуло. Впереди Лелька, позади, с автоматом наперевес, Ворона, словно вел Лельку под конвоем.

Вороне казалось, что идут они вечность — луна встала в зенит и обжигала холодным светом, темнеющий лес торчал за спиной, а деревья все не приближались. Ему мерещилась засада: солдаты уже заметили их и только ждут, когда они подойдут поближе, чтобы нажать на спусковой крючок. Но скоро, как и говорил Лелька, откуда-то снизу стал нарастать ватный слой тумана, густеющего с каждым шагом, так что вскоре Ворона видел перед собой только размытый силуэт качающегося из стороны в сторону Лельки. Потом впереди тускло засветились фонари на столбах поселка, болото стало суше, колдобистей — видно, пали здесь скотину. Им оставалось преодолеть всего несколько десятков метров до косогора, когда из тумана прямо на Лельку выплыла фигура человека в форме.

Это был Тылжк.

8. РАЗЛАД

В последние дни с Тылюком творилось что-то невероятное. Первым это заметил Черданцев, поручивший Тылюку подготовить штабную почту. Тылюк принес ворох бумаг на подпись, и Черданцев, привыкший к аккуратности заместителя и доверявший ему во всем, как обычно, просматривал бумаги по диагонали, подмахивая их своим заковыристым росчерком, почти не вникая в суть. Но вот на глаза ему попала опечатка, потом вторая. Черданцев нахмурился и стал читать внимательно. Очередная бумага во все поразила его — это был рапорт Тылюка с просьбой предоставить ему очередной отпуск. Черданцев с возмущением отбросил ручку. Какой отпуск! Лето еще не кончилось, самое напряженное время, кто ж будет работать? И кто просит! Тылюк! Это было необычно. Во-первых, он никогда не ходил в отпуск летом, и Черданцев к этому привык, хотя график отпусков составлялся так, что каждый офицер штаба мог идти на отдых год летом, другой — зимой. Однако летом, считал Черданцев, отдыхать некогда, отпуска он затягивал до крайности, переносил с месяца на месяц, разгоняя весь штаб в конце года, и все к этому настолько привыкли, что даже не писали ему рапорта, если не было каких-нибудь чрезвычайных личных обстоятельств. Во-вторых, Тылюк ведь прекрасно знал, что сейчас Черданцев тянет за командира полка, а он сам исполняет обязанности начальника штаба, и заменить его было бы некем.

Черданцев подхватил бумаги, сам пошел к Тылюку, занимавшему кабинет начальника штаба.

— Иван Алексеевич, в чем дело?

Тылюк, предвидевший реакцию Черданцева, смущенно поднялся.

— Мне нужен отпуск, — тихо сказал он.

— Всем надо отпуск. Но ты же видишь, какое положение, на кого я оставлю штаб?

— Хоть на черта, — тихо, но твердо проговорил Тылюк, глядя ему прямо в глаза.

Черданцев опешил. Так Тылюк с ним никогда не разговаривал. Он знал своего заместителя как человека спокойного, деликатного, дисциплинированного до педантизма, никогда не повышающего голоса даже с подчиненным, и вдруг — такое.

— Что ты сказал? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Я сказал, хоть на черта, — все так же спокойно и тихо повторил Тылюк, не отводя взгляда. — Мне нужен отпуск.

— Ну, знаете, товарищ майор, — взъерился Черданцев, — не забывайте!

— Я шесть лет ходил зимой, и мне положено по графику.

— Бросьте мне права качать. Все помнят, что им положено. Вспомните об

обязанностях. Сто ошибок в ваших документах — это что, тоже положено? — затряс он бумагами.

Тылюк посмотрел на бумаги, смутился.

— Я сейчас все исправлю.

— Я вас просто не узнаю, товарищ майор, — Черданцев немного отошел, считая, что инцидент исчерпан. — Рапорт можете забрать, я его не подпишу.

— Тогда разрешите мне обратиться выше, — упрямо продолжал Тылюк, опуская глаза.

— Не разрешаю!

— Но мне надо. По семейным обстоятельствам.

— У всех семья, и побольше вашей. Не семеро чавкают!

— Семеро по лавкам, — поправил Тылюк, поморщившись. Черданцев не мог не знать, что у Тылюка не чета детей. — Вот именно поэтому я и прошу отпуск, — повторил он дрожащим голосом.

Черданцев понял, что зашел слишком далеко.

— Ну, ладно, извини, Иван Алексеевич, но отпуск дать не могу.

— От меня уходит жена, — проговорил Тылюк снова.

— Как уходит?

— Ушла...

— Ну и черт с ней! Баба с возу — по году не делает. Еще вернется. Перемелется — хлеб будет, — сыпал Черданцев своими поговорками, окончательно сбитый с толку. Он терпеть не мог всяких семейных неурядиц, терялся всякий раз, когда сталкивался с бытовыми дразнами. Он просто считал, что их не должно быть, и ко всем этим вещам подходил с профессиональным максимализмом: не должно быть — и все. «Пусть политработники разбираются» — таков был его принцип в подобных вопросах, и он так точно следовал ему, что если бы от него самого ушла жена, разбираться бы поручил только политработникам.

Тем не менее этот разговор растревожил Черданцева, и он подумывал, не переменить ли решение и отпустить Тылюка — пусть остынет, все равно он пока плохой работник, но тут как раз случился этот побег, и все вопросы, как считал Черданцев, разрешились сами собой — не будет же Тылюк настаивать на отпуске в такое время!

Тылюк, едва за Черданцевым закрылась дверь, тяжело опустился в кресло. Некоторое время он сидел неподвижно, потом зачем-то перебрал возвращенные бумаги, принялся было читать правку Черданцева, но не мог сосредоточиться, отложил их в сторону и сидел так, неподвижно глядя на полированную поверхность стола. Несколько раз в кабинет заглядывали офицеры, звонил телефон — он что-то отвечал, не помня что, но по делу. Не заметил, как наступил вечер, в кабинете стало сумрачно, а он все сидел, погруженный в свои мысли. Наконец, пришла уборщица, включила свет, ойкнула, заметив Тылюка.

— Иван Алексеевич, можно уборку-то сделать?

— А, да-да, — поспешно встал он, захлобучил фуражку и вышел на воздух. Домой идти не хотелось. Там все еще дышало Викой, звучало ее голосом, кричало криком единственной и последней сцены между ними, произошедшей вчера.

Вчера они условились быть в две рожденья у какого-то важного для Вики человека, но Тылюка задержали дела, он опоздал часа на два, надеялся, что она уйдет одна. Но Вика была дома. Она молча встретила его, уклонилась от поцелуя, так же молча собрала ужин. Тылюк не чувствовал особой вины — так бывало не раз, и все обходилось. Жена должна была привыкнуть к тому, что мужем распоряжается не она, а «мадам служба» — как иногда шутила сама же Вика.

Сегодня она сидела в кресле перед ним и молча смотрела, как он ест, сосредоточенно и серьезно.

— Иван, — спросила неожиданно, — за те шесть лет, что мы были вместе, у тебя была любовница?

— Что? — удивился Тылюк. — Любовница? Зачем?

— Ну, я хотела сказать, волновала ли тебя хоть какая-нибудь женщина, кроме меня?

По ее тону он почувствовал, что вопрос непростой, что-то крылось за ним, если ревность — напрасно, он был чист перед нею, ни разу не изменив ей даже в мыслях.

— Нет, никогда. А ты что, сомневаешься?

— Значит, я не ошиблась. Нет, Ивач, не сомневалась. Никогда не сомневалась! — ее слова сочились горечью.

— Вот те на! Жене уже не нравится верность мужа! О, женская логика! — пытался отшутиться Тылюк, чувствуя, как беспокойство подкатывает к горлу.

— Твоя верность ничего не стоит. Это равнодушие ко всему, кроме службы, куда ушла твоя страсть. Ты не можешь любить, — она говорила отрешенно, с грустью, и это его особенно угнетало.

Он отложил нож и вилку, посмотрел на нее внимательно.

— Что случилось, Вика?

— Я уйду от тебя.

Он издал какой-то утробный фальшивый смехок: мол, что за чушь!

— Нет, Иван, я серьезно. Я устала от нашей жизни, от тебя, наконец. Поначалу я видела тебя другим, увлеченным настоящим делом, каким и должен быть мужчина. А оказалось, ты не увлечен им, ты просто им задавлен, и тебе из этого никогда не выкарабкаться. Ты забросил и меня, и себя, а ради чего? Какое благородное дело — сторожить преступников! Сколько почета! Ради этого можно положить жизнь, — язвительно и сбивчиво говорила она. — Жизнь! Пойми — вот так ты отслужишь еще десяток лет и, дряхлый, будешь отправлен на пенсию, оглянешься назад — что ты там увидишь, что ты вынес из такой жизни? Воспоминания о побегах, ночных дежурствах? Ради этого стоило родиться, не правда ли?

— Видишь ли, Вика, эта тема для спокойного рассуждения, без эмоций. Я приношу обществу пользу, как любой другой нормальный человек.

— Общественная польза! Ты же не муравей, работающий потому, что природа заложила в тебя программу: работать, работать! Человек, отдавая себя обществу, должен получать от него сполна все радости, доступные человеку.

— Я и получаю. У меня есть все, что и у других людей.

— Похоже — да не то! И вся беда в том, что ты этого не видишь.

— А ты знаешь, кто живет иначе? Только не говори мне об артистах, художниках — у меня, конечно, не такая творческая работа.

— Нет, я знаю: из твоих знакомых, коллег есть люди со смыслом жизни.

— Это кто же, например?

— Например, Ковров.

— Этот старший лейтенант? Хм, не вижу в нем ничего особенного.

— А я вижу. Он не придавлен службой, у него широкий круг интересов вне ее. Он находит время ходить в кино, читать, разбирается в искусстве, стремится в академию...

— Хм, не думаю. Впрочем, в его годы — нормально, я через это уже прошел.

— Но я этого не видела. Я все время в полосе твоей серой жизни, мне досталась ее однообразная и скучная полоса, которая ничем не кончается. Я так и не прошла с тобой по ступеням радости, ничего с тобой не открыла для себя. Мне даже не пришлось ни разу испытать, что такое ревность! А что дальше?

— Надо бы завести детей... еще не поздно, — намекнул он, считая, что в этом все причины ее неудовлетворенности.

— Поздно, Иван. Поначалу соглашалась с тобой, что надо подождать до лучших времен, надеялась, что тебя переведут отсюда. На меня как-то очень повлиял тот конвойный анекдот — помнишь, ты мне его рассказывал? Про сына ватного капитана, побывавшего в Москве?

Тылюк покачал головой — как человек рациональный, он решительно не запомнил анекдотов.

— Ну, я напомию. Когда сын вернулся в поселок и его спросили, что его поразило в Москве, ответил: «Большой город, и бесконвойников много-много!» Я не хочу, чтобы мои дети считали, будто мир делится на осужденных в зоне и бесконвойников. Словом, я все решила. Я уйду от тебя.

Тылюк молчал. Он чувствовал силу ее решимости, но не хотел осознавать ее, принимать как правду. Вика была во многом права. Действительно, что он ей в жизни дал? Вечные тревоги, мир его мелочных дел. Но что бы он мог предложить ей иное — разве она не понимала этого?

— Ну, ладно, я тебе обещаю. — осенью, на инспекторской, попрошусь в Европу — на любую должность, но в хороший город, — пытался он успокоить ее.

— Нет, не попросишься, ты — слабый, за себя не можешь постоять.

— Ну, уходи, — вдруг сорвался Тылюк, словно его справедливо, но больно обидели. — Уходи, хоть к Коврову.

— Именно к нему я и уйду.

Это признание оглушило Тылюка — он совсем случайно назвал фамилию старшего лейтенанта, не придавая значения ее словам о Коврове.

— Но это же невозможно, — проговорил он растерянно, — это же нелепо, ты же и старше его, — глупо защищался он.

— Ты тоже старше меня.

Она молча пошла в спальню, переоделась, потом порылась в еумочке, достала ключ от их квартиры и положила перед ним, скинула рассеянным взглядом комнату, не задержавшись на Тылюке, и куда-то в пространство бросила: «Прощай!»

— Погоди, Вика, — очнулся Тылюк, — не глупи! — он хотел сказать еще что-то, остановить ее, но она уже хлопнула дверью.

...Вика долго бродила по ночному городу. Глупо, конечно, действительно явиться сейчас к Коврову. Может, все, что случилось между ними, блажь?

Ну, хорошо, Ковров обрадуется ей, примет. Но начнется бракоразводный процесс, узнают в части, у Коврова возникнут неприятности. Может быть, его даже пошлют куда-нибудь в другой гарнизон, и тогда — прощай академия. Будет ли он готов вынести все это ради нее?

Она, наверное, отсчитала не один километр, путешествуя по ночному городу под мертвым светом фонарей, всякий раз вздрагивая испуганно от бесшумно выскрывающихся на дорожку кошек. Ее даже подмывало вернуться, войти в квартиру, отказаться от своего решения, улыбнуться Ивану и сказать, что все это глупая шутка, что она просто устала...

Фонари стали блекнуть на фоне светлеющего неба. Она окончательно продрогла от утренней, почти морозной свежести, шаталась от усталости, но ею овладело спокойствие, рассудок перестал перемалывать нахлынувшие чувства, все тревоги отодвинулись, притупились. Вика решительно направилась к дому Коврова.

У двери несколько минут постояла, позвонила — сначала коротко, затем длинно. Никто не ответил ей. Она толкнула дверь плечом — заперто. Как она не предусмотрела, ведь она может быть занята на службе! Она стояла, не зная, что предпринять. Уже засипели в соседних квартирах водопроводные краны — люди умывались перед рабочим днем, и сейчас кто-нибудь выйдет на площадку, увидит ее. В доме жили офицеры и прапорщики их части — ей не хотелось бы показываться им на глаза, и она поспешно пошла вниз, но вернулась. «Он же говорил мне, что ключ всегда держит под ковриком!» — осенило ее.

Ключ был на месте, она поспешно вошла в темный, прохладный коридор, торпливо захлопнула за собой дверь. Через полчаса пришел со службы Ковров. Не успели обо всем поговорить, как раздался стук в дверь.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился посылный. — Вас в часть вызывают, побег.

9. СОЛОМИНКА ДЛЯ УТОПАЮЩЕГО

Сразу после выстрела Ворона и Лелька упали на землю, ожидая ответного огня, но все было томительно тихо. Только справа и слева от них бесшумно взмыли вверх осветительные ракеты, свет от которых ничего не осветил вокруг. Долго висел огненный ком и в той стороне, откуда они только что пришли.

— Все, обложили, — прохрипел Лелька, когда свет между звезд растаял, — и назад уже поздно. Только вперед, в поселок. Может, отсидимся у них под носом, а нет — так напоследок хоть разгуляемся!

Ворона не шевелился, он лежал с закрытыми глазами, в которых еще стояла неясная фигура того, кто окликнул их, и думал об одном: вот так просто можно кончить жизнь человека. Очень может быть, что в следующий миг кто-то вот так же бросит на землю его самого...

Он мучительно искал себе оправдания и, когда догадывался, что оправдания нет, гнал эту догадку прочь. Это казалось ему теперь самым важным, а остальное — побег, Лелька, ночь и необходимость что-то делать — было таким нелепым и ненужным, что он просто отрезился от всего, и его раздражал занудливо скрипящий голос давно ненавистного Лельки. Был момент, когда он с трудом подавил в себе жажду тут же рассчитаться и с ним, потому что Лелька виноват в его несчастьях больше, чем все остальные. Но в это время где-то впереди забухали по деревянной мостовой солдатские кованые сапоги, Ворона спешно отвернул ствол оружия от Лельки, вдавливая его поднятую голову в траву, и почему-то только что заметил, какие у него странные уши — они торчали перпендикулярно голове, и это его рассмешило: может быть, он умеет их ставить, как собака? — и Вороне нестерпимо захотелось дотронуться до них, проверить свою догадку.

— Ты что, чокнулся, быдло! — осадил его Лелька, недоуменно таращась на вскопывающего Ворону. — А ну, давай, жива за мной!

Все еще похохатывая, Ворона послушно вскарабкался следом за Лелькой на косогор, где они спрятались за банькой, притиснувшись к бревнам, пока мимо не пробежало несколько солдат — как раз туда, откуда Лелька и Ворона только что ушли.

— Какж, — пробормотал Лелька, — вон их сколько.

Ворона, окончательно припешедший в себя, сплюнул, подтянул автомат к плечу.

«Полоснуть раз, а потом себя порежить», — подумал уныло. Они переждали, когда шаги стихнут, и выскочили прямо на улицу, под фонари, хотя в окнах поселка кое-где горели огни, и их могли бы здесь заметить. Лелька, вдруг набравшись прыти, скакал по деревянной мостовой так, что Ворона едва поспевал за ним.

— Ты куда, очумел? — пытался он остановить Лельку, хватая за большую ру-

ку, нарочно стараясь причинить Лельке боль. Тот ойкнул, отмахнулся, не замедляя движения.

— За мной, тебе говорят, — шипел он. — По улице надо бечь, иначе собаку пустят — живо найдут. А тут поеле нас тыща пройдет, затопчут следы!

Лелька, как всегда, был прав, и это только больше озлобило Ворону, но не время было сводить счеты, нужно держаться, пока есть хоть какая-то надежда, и дарил ее опять Лелька.

Они проскочили два переулка, прежде чем впереди замаячило крупное по поселковому масштабам серое строение, окруженное невысоким забором. Это была мукомольная фабрика. Ворота оказались запертыми изнутри на громоздкий засов. Они перепрыгнули через ограду, осматриваясь. Окна были высоко, и надо было к тому же выдвигать стекла, а бесшумно это вторых сделать было непросто. Обезжали здание вокруг, ища лазейки. На тыльной стороне у стены стояла лестница, ведущая на чердак. Ворона кошкой вскарабкался по ней, толкнул скрипящую дверцу и рухнул в гнетущую темноту. Вскоре туда же взобрался и Лелька, отдышавшись, он приказал Вороне втянуть лестницу, что тот нехотя и не без труда исполнил — Лелька помогать отказался, он вдруг снова вспомнил о ноющей руке и привыкся ощущать ее со стоном и руганью.

Ворона прикрыл дверцу, оставив щель, и прильнул к ней, вглядываясь в разреженный ими поселок. Утро еще не начиналось, в необозримой вышине слабо мерцала луна, внизу лежал полумрак, освещаемый сиротливыми лампами на столбах, под которыми то и дело мелькали тени солдат. Все они спешили к болоту.

Лелька подполз к щели и тоже молча наблюдал за суматохой.

— Ловко ты его! Дурак, закричал. А могло б быть, что он нас.

Ворона не ответил. Он тоже задумался, почему тот, кто заметил их первым, не стрелял? Не решился? Или хотел сохранить им жизнь? Для чего? Все равно никакой самый праведный суд не даст им меньше вышки. Хотел или не хотел Ворона признавать, что за смерть нужно расплачиваться жизнью, он сейчас никак не мог примерять эту справедливую истину на себя. Это могло быть справедливым вообще: но ведь хотят жизни лишиться его! Кто из живущих на земле может признать это справедливым для себя?

«А кто тебя заставлял бежать? Мог бы отсидеть свой срок и выйти, как все». Ответить самому себе было нечего. И он опять стал думать, что виной всех его несчастий стал Лелька. Из-за него он здесь. Без Лельки давно бы уже вышел из колонии. И чем дольше думал об этом, тем больше ему хотелось тут же рассчитаться с этим подонком. Если б можно было прикончить его и тем спастись, оправдаться, смягчить свою вину, Ворона, не задумываясь, всадил бы в него все оставшиеся пули! Но он знал, что у него не хватит духу заперяться, он знал, что следовательно все равно выгадит из него всю правду. А может быть, заставить

сейчас же Лельку сдать, прийти с повинной? Нет, с Лелькой ему нельзя, он хитрее, он снова выкрутится, свалит всю вину на него, как уже было в тот раз. Лучше все-таки прикончить его и сдать, но не сейчас, а когда будет ясно, что другого выхода нет. А пока можно подождать, может, пронесет и на этот раз. Лелька прав: пока никто не будет искать их здесь.

10. ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Через двадцать минут после того, как раздался выстрел на болоте, в поселок уже прибыл руководивший операцией генерал Козырев. Выслушав доклады офицеров, он обвел кружочком красного цвета поселок на карте, бросил карандаш.

— Все, через два часа будем брать. Из поселка не выпускать! Определить, где укрылись. Пока подождем бронетранспортер. Все группы в районе стянуть сюда, — приказал он Черданцеву. — Наряды расставить на зрительную связь. Беречь людей, слышите? — повысил он голос. — Пока ничего не предпринимать, попытаемся склонить их к сдаче.

К утру в поселке сосредоточилась рота Першина, усиленная двумя взводами курсантов из учебного подразделения. По железной дороге из части прислали бронетранспортер. Поселок встретил рассвет зловещей тишиной и безлюдьем: предупрежденные жители не показывались из домов. Только в школе, которую Козырев превратил в штаб операции, казалось, царил покойствие. Генерал неторопливо пил чай, изредка переговариваясь с Черданцевым. После анализа всех данных они уже не сомневались, что беглецы скрываются где-то на территории мельзавода. Именно для этого и понадобился им бронетранспортер — подходить к каменному строению, царствующему над поселком, откуда был прекрасный обзор и обстрел, слишком рискованно. Бронетранспортер решал дело, и теперь нужно только дожидаться его прибытия.

Першин, совершивший со взводом ночной марш-бросок, чтобы успеть в поселок в жестко ограниченное приказом Черданцева время, теперь выбрал минуту и, закутавшись в плащ-палатку, подремывал в ожидании нового приказа. Но заснуть никак не мог: взмокшая куртка не просыхала, и липкая влага клеила к телу остывшую одежду, его знобило, но снять плащ-палатку, чтобы просушиться, он не хотел — в школе было холодно под утро. Першин осунулся и похудел и был как-то опустошенно спокоен: все уже решилось для него, и он перестал мучить себя своей виной во всем случившемся.

Из всех присутствующих был, пожалуй, один человек, кто не мог найти себе места — Ковров. Он нервно курил сигарету за сигаретой — выпросил пачку у прапорщика-связиста, выходил зачем-то во двор,

толкался без толку среди спящих ввалику солдат и с трепетом и непривычным для себя отчаянием ждал развязки. Мысли его то и дело возвращались к Тылюку. Солдат, прибежавший к нему сообщить о случившемся с майором, поторопился с выводами: Тылюк не был убит. Пуля задела легкое и прошла навывлет. Майор в бессознательном состоянии был доставлен в поселковую больницу, где, к счастью, в эту ночь дежурил опытный главврач-хирург.

— Как думаете, доктор, он будет жить? — спросил у него Ковров.

Хирург поморщился — он не любил делать прогнозы, не исследовав больного.

— Ничего не могу сказать. Будем надеяться, хотя... Как видно, поражено легкое, и, не дай бог, задет позвоночник. Пока не вскрыю — ничего сказать не могу. Может быть, ему повезет. Скажите, он был удачливый человек, этот ваш майор?

Ковров покраснел.

— Не знаю, кажется, нет, — прошептал он.

— Это плохо, очень плохо, — хмуро заметил хирург. — Ну, простите, мне нужно работать.

Ковров вышел из больницы и бессильно опустился на крыльцо.

«Надо было идти самому на проверку службы или хотя бы с ним вместе», — мелькали запоздалые спасительные решения, словно они еще могли что-то исправить. Он не признавался себе ни одним словом, что был прямо или косвенно виноват в том, что произошло с Тылюком, хотя знал, что виноват. Виноват уже хотя бы потому, что не выставил на болоте пост, как приказывал ему Тылюк, и не предупредил его об этом, когда тот пошел на проверку. Он знал, что вине его нет оправдания, и тем не менее инстинктивно искал его.

Господи, если б можно было забыть о приказании Тылюка, если б сам Тылюк о нем никогда не вспомнил!

Подумал так — и даже губу до крови прикусил: «Чего же я желаю, дурак?»

Тут пришла новая дума — о Вике. Как теперь сложатся их отношения? Если Вика узнает о тяжелом ранении Тылюка, если услышит, что есть в этом вина Коврова — что скажет, что подумает?

Он даже застонал, и стон этот расслышал Першин, присевший рядом с ним.

— Что, замерз? — спросил он.

— Нет, нет, — пробормотал Ковров. — Наоборот даже: душно здесь, жарко. Пойду пройдуся.

— Если пойдете в сторону радиостанции, справьтесь, скоро ли бронетранспортер прибывает.

Подойдя к радиостанции, Ковров вдруг остановился на полушаге, потом рванулся в машину.

— Вот что, — глухо сказал он прапорщику. — Передайте в часть, пусть pošлют посыльного на Коммунистическую, 15 и вызовут к аппарату жену Тылюка, срочно!

Прапорщик удивленно обернулся, снял наушники.

— Куда посыльного, — переспросил он, — на квартиру к Тылюку?

— Нет, — раздраженно ответил Ковров. — Коммунистический проспект, пятнадцатый, ясно?

Прапорщик пожал плечами, ответил «есть», как-то странно взглянул на старшего лейтенанта. Ковров подумал, что и этот читает его мысли и осуждает его. На самом же деле прапорщик удивился тому, что Ковров повысил голос и был необычайно возбужден: он никогда не видел его в таком состоянии.

Ковров сел в свободную во время работы станции кабину автомобиля и стал бессмысленно смотреть перед собой. «По крайней мере, хоть здесь я поступлю честно», — подумал он устало.

Прошло с полчаса. Рассвет как-то задержался сегодня, поначалу занявшись, он вдруг отступил перед наплывшими откуда-то из-за леса тучками. Коврова никто не тревожил — теперь, когда Першин был на месте, за все отвечал ротный, и Коврову просто нечего было делать. Наконец, радист позвал Коврова к аппарату. Сквозь писк и шум эфира Ковров уловил тихий, очень медленный от волнения голос Викки.

— Вика, — сказал он глухо, — с Иваном Алексеевичем... в общем, он ранен.

— Что ты сказал? — слышал он ее шепот.

— Он ранен... тяжело. Сейчас ему делают операцию.

— Где вы находитесь? — закричала она. — Я выеду к нему, сейчас же!

— Это невозможно. Сюда так просто не добраться. Да и нельзя.

— Помогите мне, Женечка, помогите мне! Ведь у вас есть вертолет, я знаю!

— Им распоряжается генерал, а не я, — Коврова почему-то обидело это обращение — «Женечка».

— Ты пойдешь к генералу и попросишь его, слышишь, ради меня!

— Я не могу сделать этого, — сказал он, медленно выговаривая каждое слово. — Не могу.

— Ты все можешь. Я знаю, что ты все можешь! — молила она там далеко, и Коврову было страшно неприятно, что ее, молящую, жалкую, сейчас видят в части солдаты-радисты. Он снял наушники, чтобы не слышать ее слов, бросил их на стол и выпрыгнул из кузова. Остановился, раздумывая, что делать дальше.

— Товарищ старший лейтенант, вас требуют, — окликнул его прапорщик.

— Скажите, что меня нет, — хрипло ответил, махнув рукой, Ковров и быстрым шагом пошел прочь.

Генерал сидел в заброшенной на плечи шинели, потирая виски, когда Ковров вошел в класс, почти строевым подошел к столу и вытянулся перед Козыревым. Однако слова застряли в горле.

— Что вам, товарищ старший лейтенант? — удивленно посмотрел на него генерал.

— Я хочу попросить вас отправить вертолет в город, — выговорил Ковров.

— Вертолет? Зачем? Он, кажется, у нас в городе? — спросил генерал, обернувшись к дремавшему позади Черданцеву.

— Так точно, товарищ генерал-майор, там еще.

— Так зачем вам вертолет?

— Я хочу попросить вас доставить сюда жену Тылюка. Он может не выдержать операции...

— Нашли время, — устало сказал генерал. — И потом, кому она тут поможет? Зачем ее беспокоить? Тылюка все равно придется эвакуировать в госпиталь, — генерал явно не мог понять неожиданную просьбу старшего лейтенанта.

— Я вас очень прошу. Я обещал ей добиться вашего разрешения.

— Вот как? — проронил генерал, подняв брови. — Любопытно.

И он очень внимательно посмотрел в глаза Коврова, а тот, одержимый какой-то демонической решимостью, ничуть не смутился, только щека его дрожала мелкой, непрерывной дрожью.

— Вы, кажется, больны, товарищ старший лейтенант. И потом, разве сейчас это самое важное? Тащить женщину сюда, где с минуты на минуту... И при чем тут вы?

— Товарищ генерал... — почти просто-нак Ковров, и генерал нахмурился, потянулся за телефонной трубкой.

— Радиостанция? Дайте полк... Иванов? Разыщите жену Тылюка и захватите ее с собой, к нам. Но не задерживайтесь больше чем на полчаса, ясно?

Генерал медленно положил трубку на аппарат и сухо кивнул Коврову: «Идите». Тот четко повернулся и вышел под неотрывным взглядом находившихся в классе офицеров.

— Что с ним? — обратился генерал к Черданцеву.

— Не знаю, товарищ генерал, измотался, наверное, никак не придет в свою тарелку.

— Нужно хорошо знать своих людей во всяких ситуациях, — не то осуждающе, не то просто к слову заметил генерал, но Черданцев все равно воспринял это как укор, и волна раздражения на миг плеснулась в душе. «Вот и положились на них», — подумал он о Коврове.

— Освободите его от службы, пусть отдохнет, — добавил генерал.

11. ОПЕРАЦИЯ

В шесть часов пятнадцать минут на станции сгрузили бронетранспортер. В него сел Черданцев, несколько солдат, и тяжелая, неуклюжая машина медленно двинулась к поселку, приблизилась к мельзаводу.

— Осужденные Воронов и Лопатко, вы окружены. Сопротивление бесполезно. Сдавайтесь, — прокричал через мегафон Черданцев. Никто не ответил на этот призыв. — На размышление даю пять минут, огонь открываю без предупреждения. Бросайте оружие и выходите. Отсчитываю время.

Ни одного звука не доносилось из здания. Солдаты прильнули к бойницам, выставив стволы автоматов.

Медленно текло назначенное время, и когда Черданцев, не отрывавший взгляда от часов, махнул наконец рукой, тяжелая машина плавно сдвинулась с места и надавила на железные ворота. Ворота оказались прочными. Колеса бронетранспортера завертели на месте, водитель прибавлял газу, и ворота закачались, потом рухнули со скрежетом прямо на таранившую их машину, и тут же по броне забились пули. Стреляли откуда-то с чердака, и старый, без брони сверху бронетранспортер не мог бы защитить солдат, если бы не упавшие сверху ворота.

— Стоп! — скомандовал невозмутимый Черданцев.

Несколько расплюснутых пуль шлепнулись в кузов, не причинив никому вреда. Машина отползла в сторону, в безопасное место.

В то же время группа из пяти человек во главе с Першиным с другой стороны перебежала под стену здания с задачей подняться на крышу. Но пятиметровая стена здесь была абсолютно гладкой, без окон, и до самой крыши не было ни одного выступа, за который можно было бы зацепиться. Лестница, которую они прихватили с собой, не доставала до нависающей крыши метра на два. Першин, ругая себя за нерасчетливость, раздумывал, что бы предпринять. Взгляд его с надеждой остановился на молодой березовой рощице, начинавшейся сразу от забора мельзавода. Длинные тонкие стволы частой поросли тянулись вверх.

— Петров, Смолин, — скомандовал Першин, — рубите вон ту березку, быстро.

Когда солдаты несколько раз из-под стены, с той стороны опять заурчал двигатель. Но стоило бронетранспортеру сдвинуться с места, как прогремел новый выстрел и пуля сплюснулась о броню. Видимо, осужденные берегли патроны, стреляли одиночными прицельными выстрелами, и Черданцев не стал рисковать, он просто дефилировал туда и сюда на безопасном расстоянии, привлекая на себя все внимание оборонявшихся и заставляя их тратить боеприпас.

А между тем солдаты Першина срубили березку и приволокли ее к стене. План Першина был прост, прием был отработан на занятиях. Четыре солдата, оперев кобель в стену, резко подняли ствол, перехватывая его руками от макушки до комля. На тонком конце держался пятый, забрасываемый наверх, как шестом. Першин поднял березу к зданию. Верхний конец метра на полтора поднялся над карнизом крыши. Можно было начинать. Он посмотрел на солдат. Все они владели этим приемом. Но тренировка на занятиях — это другое дело, к тому же там высота была пониже, да и все происходило при страховке, никому ничего не грозило, кроме ушибов, если не хватит ловкости вовремя зацепиться за стену. Здесь, под огнем, было много серьезней. Если за ними наблюдали, то ничего не

стоит подстрелить того, кто будет забрасываться вверх, потому что подъем происходил все-таки медленно, заметно для глаза, и времени для прицельного выстрела достаточно. Это означало, что только отчаянно ловкий и смелый солдат может решиться на этот прыжок и уцелеть. Першин оглядел свою группу. Как назло, двое старослужащих оказались слишком грузными, чтобы их мог с гарантией выдержать тонкий березовый ствол, а молодых солдат он не хотел посылать: даже если они достигнут крыши, то не было надежды, что они смогут хладнокровно и умело действовать там, столкнувшись с вооруженным бандитом один на один. Рисковать в последний момент солдатами он не хотел.

Оставался один вариант — идти самому.

— Соломин, командуй, — бросил он солдату и стал готовиться. Не спеша проверил пистолет, дослал патрон в патронник, скинул ненужную теперь плащ-накидку и ослабил ремень. Потом ухватился за тонкий конец хлыста и кивнул головой.

Четыре пары сильных торопливых рук подхватили ствол, быстро-быстро перебирая его от вершины вниз, к основанию. Береза изогнулась, закрипела, Першин на миг качнулся, заставая ногами землю, но вот береза пошла вверх, унося с собой Першина, все набравшего скорость на взлете. Столкнувшись с выступами шифера, ствол треснул, и Першин свалился на покатошь кровли, больно поранив колено. Не обращая ни на что внимания, он быстро вскарабкался наверх и в сторону, отползая от места падения, и не напрасно: длинная очередь выбила изнутри куски шифера рядом с ним, но стреляли вслепую, на звук.

Некоторое время Першин сдерживал с хрипом рвущееся дыхание, унимая дрожь азарта, захватившего его — нужно было хоть на некоторое время затаяться, не выдавать себя неосторожным движением — его и беглецов теперь разделял всего-навсего тонкий шиферный лист, и им было слышно все, что происходило на крыше.

«Что там в бронетранспортере, — досадливо думал Першин, — почему они не наседают, не отвлекают внимания?»

Но как всегда в таких случаях, произошло непредвиденное. На мельзаводе, оказывается, был сторож, дед Панкрат. Сторож он был никудышный, сохранился по старому штату, хотя воровать тут давно не воровали. Тем не менее он аккуратно выходил на дежурство, аккуратно запирался в «предбаннике», ставил чайник, попивал чаек, слушал репродуктор до полуночи и со спокойной совестью устраивался на столе под полкой полушубка, положенного сторожу по табелю. Так было и в эту ночь. Естественно, он не заметил ни пробравшихся беглецов, ни окруживших здание солдат и проснулся только тогда, когда Черданцев в мегафон прокричал осужденным условия сдачи. Старик сунулся в окошко и застыл от ужаса, не зная, что предпринять. Пока раздумывал, причитая и крестясь, БТР протаранил ворота и раздалась первая

выстрелы. Сторож забился в угол, в надежде отсидеться здесь до конца, каким бы он ни оказался для него. Но потом он сообразил, что если солдаты начнут стрелять, то шальная пуля может достать его, а то, не приведи господь, могут они принять его за беглеца и прихлопнуть — ведь слышал же он команду: огонь открывают без предупреждения! Эта мысль оглушила его как раз в тот момент, когда Першину грохнула на крышу.

Панкрат тут же взвился из своего угла, отдернул засов на своем «предбанничке» и с воплем «Сдаюсь! сдаюсь!» выскочил во двор, держа руки над головой.

Черданцев сначала подумал, что это один из беглецов и заглушил двигатель, но быстро разобрался что к чему и заорал в мегафон: «Назад!», однако Панкрат уже ничего не мог воспринимать и, продолжая вопить и не опуская рук, медленно приближался к бронетранспортеру. Это было не опасно, пока с чердака его не увидели.

Черданцев хотел заставить старика повернуть в здание, чтобы не позволить беглецам со злости разрядить автомат в сторожа, и он орал в «матюгальник»: «Дед, назад!», сопровождая свой приказ непечатными словами, считая, что так будет понятнее. Эта-то заминка чуть не стоила жизни Першину. Однако в конце концов сторож разобрался что к чему и без замедления шмыгнул назад в свое укрытие. Тогда БТР снова зашевелился, и Черданцев, оповещенный, что на крышу уже выброшен десант, приказал дать несколько очередей по зданию. Это хоть и было безвредно для тех, кто там находился, но действовало на их психику угнетающе, а Першину давало возможность проломить под собой шифер, чтобы проникнуть на чердак. Под шум выстрелов он несколько раз сильно ударил рукояткой пистолета и сапогом, расширил дыру и провалился в черноту...

12. ВСТРЕЧА

Вика появилась несколько позже, когда операция уже была закончена. Она понуро сидела в приемном покое, ожидая хирурга. Мимо сновали женщины в белом, и всякий раз она с надеждой привставала перед ними, но у женщин был такой строгий, замкнутый вид, они как бы не замечали ее, и она не решалась задать им ни одного вопроса.

Наконец, из дверей операционной показался врач, но и он лишь рассеяно взглянул на нее и прошел мимо. Вышел на крыльцо, глотнул свежего воздуха, облокотился о стену, задумался. Потом снова вернулся в коридор и на этот раз уже внимательно посмотрел на сидевшую в сторбленной позе женщину.

— Вы что хотели? — строго спросил он.

Губы у Вики скривило так, что она долго не могла произнести ни слова, только всхлипывала.

— Ну, успокойтесь. Он будет жить. Пока нужно терпеть, ждать и надеяться, вам понятно? — хирург не любил женских

слез, считая, что все они — притворство. Вика через силу кивнула головой, но слезы полились еще сильнее.

— А теперь идите домой, сейчас его повезут из операционной, вам не стоит на него смотреть.

Но у Вики был такой умоляющий и беспомощный вид, что он не стал настаивать, махнул рукой, разрешив ей остаться.

Из операционной палаты между тем строгие неприступные женщины вывезли на каталке Тылюка. Вика встала, отталкиваясь от стены, и расширенными глазами провожала желтое, заостренное и незнакомое лицо. «Это не Иван, не Иван! — бушевал внутри нее безгласный крик. — Тут ошибка!»

Потом ее отвели куда-то в гостиницу, ту самую, где располагался Ковров, и она безучастно, покорясь чьим-то увещаниям, легла на койку, не раздеваясь, свернулась калачиком и тут же уснула. Сон лечит.

К Ивану ее пустили только на вторые сутки. Она вошла в палату с замиранием и мукой, страшась увидеть «то» незнакомое ей, изменившееся, чужое лицо. Но Тылюк уже несколько оправился, желтизна сменилась бледностью, и опавшие щеки чуть округлились, ожили — перед ней был знакомый до боли человек.

— Здравствуй, Иван, — тихо сказала она, опускаясь на стул и дотрагиваясь до его холодной руки.

Лишь губы чуть дрогнули на его лице.

— Я понимаю, я виновата перед тобой. Но не гони меня. Я поняла, я саму себя поняла...

— Меня не надо жалеть, — просвистел он тихо, и она заметила сухость его потрескавшихся губ.

— Гражданка, ему нельзя говорить, вас же предупреждали, — вмешалась сидевшая в комнате женщина в белом.

Вика молча похлопала ресницами, сбивая близкие слезы.

— Я прошу у тебя прощения.

Она с мукой искала его глаза, но взгляды их не встречались, словно не доходили друг до друга, не пересекались, проskalзывали в разных плоскостях.

Нечаянно ее слеза упала ему на щеку, но ни один мускул не дрогнул на его лице, он действительно окаменел, застыл. Она легким прикосновением сняла каплю влаги с его щеки, не решаясь сказать что-нибудь еще.

— Я... не хочу тебя видеть. Никогда... — прохрипел он.

И тут же строгая женщина в белом чуть ли не подбежала к кровати.

— Если вы не хотите навредить ему, немедленно, слышите, немедленно... — Она не договорила, но Вика, ничего не видя перед собой, поднялась и побрела к двери.

Правда, Степанов?

РАССКАЗ

Вы меня, братцы новобранцы, атакуете, как на передовой. Да еще со всех сторон. Отдохните лучше, а то, чует сердце, нам завтра опять день топтать придется в сторону славного города Мадоны по топи Лубанской. Ах, вы как раз и отдыхаете, меня слушая... Чего конкретно хотите-то? Узнать, за что я медаль получил? Так навро же сейчас с три короба, братцы новобранцы! Такое понавдумываю, что... Правда, Степанов? Степанов знает, какое я трепло, ему в этом поверьте. Из него слова шипцами не вытащишь, но уж если что изречет, то точно в цель. Я брехун, Степанов? Ты громче, громче это подтверди, чтоб все слышали...

Ладно, не галдите, расскажу, черт с вами. Где правда, где нет — сами решайте, только, прошу, в одном поверьте: медаль эта мной и наполовину не заработана, Степанов ее носить должен. Но поскольку у него и без того вся грудь от наград блестит, мне «За отвагу» дали.

Дело давным-давно было. полгода назад. Не улыбайтесь, не улыбайтесь, я без юмора говорю. Давно, потому что был я тогда необстрелянным воробышком, вот как вы сейчас. В первый бой пойдете — и с того дня новым измерением жизнь мерить начнете тоже, тихие денечки вам давними покажутся.

Ладно, был я, значит, воробышком, скакал, как сия птичка, за нашим старшим лейтенантом Фокиным и чирикал ему сразу на два уха: мол, что ж я только числюсь в роте разведки целый месяц, а ни разу еще на задание не ходил? Ну и, понятное дело, при этом себя нахваливаю: пулей муху подстрелить могу, нож в дерево по рукоятку всажу, а что тонкошей да коротконогий — так это для разведчика плюс, за куст полныни спрятаться могу. Чирикаю ему, значит, день, второй — бесполезно. И на третий, сiju автомат чисту и песню свою продолжаю, благо, Фокин неподалеку расположился. Эх, говорю, не добыли наши языка, хоть всю эту ночь ползали. Это потому, что меня с ними не было. Я бы с пустыми руками не вернулся и приволок бы не абы кого, а, будьте спокойны, козырного фрица.

Слушал меня Фокин, слушал, улыбался,

головой покачивал, а потом и молвит: надоел ты мне, парень, как не знаю что. И посему, продолжает, готов я хоть сейчас тебя послать... Чего хохочете? В разведку он меня замыслил послать, и прямо средь бела дня. Видишь, говорит, хутор? Ночью наши там каждый метр прощупали, брошенный он, никого не оказалось, но ты все-таки подползи поближе, посмотри. Больно там удобный взгорочек для того, чтоб фриц за нами подглядывать мог. Только себя не выдай, как и обещал, за полынь пряхься.

Да я, говорю, товарищ командир, знаете, что до войны проделывал? Бабы в речке купаются, а берега там голые, два-три кустика и все, а я, однако ж, ухитрился подползти и все их манатки умыкнуть, один раз они меня только и засекли.

Фрицу, Фокин говорит, и одного раза хватит, фриц не бабы, те тебя, наверное, выпороли да лопухим сделали, а этот..

Я уж, братцы новобранцы, испужался, что передумает сейчас старший лейтенант, автомат по-скорому собираю, руку к пилоточке прикладываю: разрешите, говорю, выполнять задание? А он смотрит на меня как-то подозрительно и спрашивает: ты, мол, парень, ничего не забыл?

А у меня в это время в голове, поверите ли, уже мысли совсем иные, я уже в мыслях тащу из хутора к своим языка немецкого. Отрезвил меня немного вопрос командира: чего, думаю, разведчик перед операцией забывать не должен? Ага, вспомнил: награды и документы старшине сдать. Старшина тут же сидит, и поскольку награда у меня никаких, протягиваю я ему документы и опять: «Разрешите отправляться?» Скривился Фокин, вижу, недовольный, а не пойму чем. Ладно, говорит, отправляйся, только сначала позови ко мне Степанова. Ну, кликнул я Степанова, схватил автомат и — вперед. Не вру, ползать с детства умел, как ящерка, былинка под мной не треснет. А что бабы меня один раз на пляже засекли — так оттого, что я тогда демаскировался полностью. Загляделся на них...

Ладно, к делу вернусь. Ползу, значит, я к хутору, и сам собой очень даже доволен. Ловко у меня все получается. С зайцем

нос к носу столкнулся, значит, не услышал он меня, сиганул, только когда я его чуть лбом не сшиб. Вот уж и хутор рядом. Ни душн. Эх, думаю, Фокин, Фокин, на потеху всем послал ты меня сюда, знал ведь, что и не будет тут никого. Есть теперь повод ребятам поржать над тем, какое, мол, ответственнейшее задание мне доверили. Вернусь — начнут допытываться, сколько ворон в небе насчитал.

Но делать нечего, надо возвращаться. Взгорочек, о котором старший лейтенант говорил, рядышком, но не просматривается: травой да кустарником зарос. А чего в траве-то искать? Честно скажу, с горя туда полез, чтоб оттянуть время возвращения. И вдруг — мать честная: в радиопередатчик уперся! Коробка черная, антенна, наушники... Зыркаю по сторонам — метрах в пяти от себя немца вижу: штаны спустил, сидит ко мне в профиль... Чего, братцы новобранцы, хохочете, чего тут смешного нашли? Вы что думаете, если война, то можно обойтись без... этого самого? Не над тем смеетесь, смешное — дальше. Привстал я на колено, вскинул автомат, хенде хох, говорю, а то сейчас шиссен сделаю, конку, стало быть, по-нашему. Понял фриц, подскочил, что тот заяц, на лицо аж позеленел, вроде как под траву замаскироваться захотел. Как стал он во весь рост, а аж испугался. У него кулак больше моей головы, честное слово. Такого, думаю, на себе не дотяжу, в нем же пудов десять. И по открытой местности не поведешь: увидят фашисты, стрельбу поднимут. Лежу я, значит, размышляю, как немца лучше к нашим доставить, и вдруг вижу, что с пленным моим метаморфоза происходит. Смотрит он на меня как-то странно, даже ухмыляться начинает, и наглость в его глазах просыпается. Вроде как не боится, что я его на прицеле держу. Шаг ко мне делает, другой... Как тут быть? Ничего не остается, кроме как стрелять. Ну, думаю, еще шаг ступит, и резану я его по ногам. Все же по ногам, чтоб, ясное дело, живым к своим дотащить. Уже решил, что катить его буду, как ком снежный, впереди себя. Тем более, что дорога назад вроде как с бугорка.

Палец у меня уже на спусковом крючке, немец уже ногу для следующего шага за-

носит, да нога вдруг в воздухе так и замерла, и опять он лицом зеленеть начал. Только глаза его не на мой автомат смотрят, а куда-то вверх, за спину мою. Вот, думаю, хитрый, хочет, чтоб оглянулся я, чтоб полюбопытствовал, что ему так понравилось. Нет, решаю, у разведчика такие хитрости не проходят. Не оборачиваюсь, конечно же, а повторяю: ложись, гад этакий, а то точно — шиссен. И автомат повыше, вроде как на прицел беру его...

И тут, братцы новобранцы, обомлел я. Автомат перед глазами, и вижу, что в спешке собрать-то я его собрал, да магазин не присоединил! А это значит, что в руках у меня не оружие, а так, пугач, и его такой громгла, как этот, руками надвое переломит, а заодно и меня.

Понял я, чего немец бояться меня перестал. Но только понял, как фриц новую загадку задал: послушный моим словам, упал на землю и пополз, пополз прямехонько к нашим. А мне, как думаете, что делать оставалось? Правильно, следом поспешать, что же еще. Ползу я и все не могу никак в голову взять, отчего радист послушным таким стал. Ну, а когда наши позиции уже рядышком были, услышал я за своей спиной вполне русский шепоток: сколько, мол, буду я твой магазин тащить, эксплуататор. Оглянулся — Степанов. Его командир, оказывается, сразу же за мной послал, чтоб получше дошло до моей пустой головы, как вредна солдату спешка. Но я даже шустро полз. Да и кто мог подумать, что на фрица наткнулся? Фриц, кстати, знатный оказался...

Вот так, братцы новобранцы, все и вышло. Фокин мне сразу по возвращении прилюдно клизму вставил, но тут же пообещал к награде представить, и слово свое сдержал. Вообще он у нас мужик мировой. Правда, Степанов? А Степанов мне стал как... Да чего там говорить, от смерти спас. Это уж без всяких там шуток. Шутки на войне, ребята, всегда нужны, но они тут за ручку со слезами ходят, знайте это. Смеяться смейтесь, а на ус кое-что из моей истории наматайте.

Майор в отставке Я. ФАЙНШМИДТ,
ветеран внутренних войск

ЧТО ЧИТАТЬ О ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ

ВАЛИШЕВ А. Н. Чекистские были. Лит. обработка Л. И. Бурханова.— Душанбе: Ирфон, 1988. В воспоминаниях ветерана-чекиста содержится ряд неизвестных фактов о работе чекистов по обезвреживанию басмаческой агентуры. Под руководством А. Валишева дивизионом 10-го кавполка войск ОГПУ (где командиром был А. В. Васильев) разгромлена последняя басмаческая банда.

Операция «Синий треугольник»: Рассказы о чекистах Эстонии.— Таллинн: Ээсти раамат, 1988. В книге идет речь о многих операциях, проведенных чекистами Эстонской ССР, начиная с первых лет после восстановления в ней Советской власти. В очерке Ивана Папуловского «Ночные гости» рассказано об участии в борьбе с националистическим подпольем звезда воинов внутренних войск под

командованием лейтенанта Г. Поронина.

Почетные граждане Волгограда.— Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988. Среди других почетным гражданином города назван В. С. Сычугов — в мирные дни строитель, а в годы Великой Отечественной — пулеметчик 10-й стрелковой дивизии войск НКВД. О нем вы найдете материал в этой книге.

ТРИ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

**ПРАПОРЩИК АНАТОЛИЙ ЦЕПКАЛО
ЗА СОРОК ДНЕЙ ОТПУСКА СОВЕРШИЛ
ВЕЛОПРОБЕГ ПО МАРШРУТУ
СЕВАСТОПОЛЬ — МОСКВА.**

В тот день на одном из столичных стадионов проходил физкультурно-спортивный праздник общества «Динамо». Зрители подбадривали стартующих в эстафете. Когда закончился очередной забег, судья-информатор объявил:

— Через несколько минут на стадионе состоится финиш велопробега Севастополь — Москва, который совершил прапорщик внутренних войск Анатолий Цепкало. Сопровождают Анатолия на последних километрах дистанции двухкратный победитель велогонки Мира, заслуженный мастер спорта СССР майор Саид Гусейнов и юные динамовцы...

И вот на стадионе появляется группа велосипедистов. Аплодисментами встречают ее зрители. Совершив круг почета, Анатолий Цепкало и Саид Гусейнов подъезжают к центральной трибуне. Раздаются приветственные слова в адрес прапорщика Цепкало, ему вручены грамота начальника внутренних войск МВД СССР генерал-полковника Ю. В. Шаталина и памятный знак.

...Наш журнал уже писал об этом человеке. В свое время Цепкало совершил пеший переход из Воркуты в Москву, преодолев за 47 дней отпуска — он у северян подлиннее обычного — свыше двух тысяч километров.

С тех пор минуло немало времени. Прошло оно в напряженной подготовке к новому путешествию. Его Анатолий решил совершить на велосипеде. Хотел испытать

себя: в силах ли одолеть на двухколесной машине запланированные три тысячи километров.

К велопробегу его готовила вся семья: например, дочки все прочитали о маршруте, по которому предстояло ехать отцу. Сам же он интересовался, как воевали в тех местах внутренние войска. Но главное — тренировки. Цепкало прошагал по своим заполярным краям полторы тысячи километров, да и на велосипеде «накрутил» несколько сотен.

До Севастополя добрался на поезде. После небольшого отдыха отправился в дальний и утомительный путь. Маршрут пролегал через Ялту и Новороссийск, Краснодар, Ростов-на-Дону, Волгоград, Воронеж, Тулу... Пять городов-героев было на его пути, по местам боев восьми фронтов проехал он. Впрочем, это отвечало девизу перехода «Мы этой памяти верны», посвященного бойцам и командирам внутренних войск, погибшим в боях Великой Отечественной. Об этом он рассказывал военнотружущим частям и подразделений на пути следования. Но встречался не только с воинами внутренних войск, но и с авиаторами, военными строителями. Говорил о патриотических целях пробега, исполнял на гитаре песни собственного сочинения, отвечал на вопросы о здоровом образе жизни, которому сам так привержен.

Ежедневно приходилось преодолевать не менее ста километров. У Цепкало было больше пятнадцати килограммов груза, а в пути, говорят, и иголка вес имеет...

Придерживался жесткого распорядка дня: подъем в пять утра, легкий завтрак — и в седло. До полудня успевал преодолеть основную часть дистанции. Когда начинало припекать — а были дни, когда термометр показывал за тридцать градусов, — уходил в тень. К вечеру снова в путь и так до темноты. Если населенный пункт встречался раньше, то делал привал.

Чтобы побольше отложилось в памяти, Анатолий не только снимал фото- и кинокамерой. Каждый день отправлял домой по письму — это был своеобразный дневник путешествия.

В планах военнослужащего — новый переход, на этот раз лыжный. Года через три, не раньше...

В. ДМИТРИЕВ.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

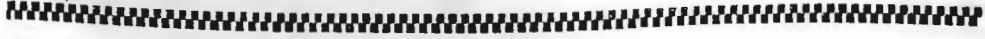
Подводим итоги

Закончился конкурс эрудитов, продолжавшийся целый год. По поступившим ответам читателей можно судить, что конкурс привлек внимание прежде всего военнотружущих срочной службы и прапорщиков. К сожалению, ни один из участников не прислал ответы на все задания, ссылаясь, как правило, на то, что поздно включился в конкурс и не мог прочесть

предыдущие журналы. (Закономерен вопрос: где же хранятся подшивки журнала и ведутся ли они вообще!)

Итак, называем победителей: прапорщики Е. Сафонова, А. Беспамятных, А. Шеренов. Они будут награждены ценными подарками.

ЖЮРИ КОНКУРСА,

У нас в гостях журнал

«ОХОТНИК»

Вопреки досужим домыслам первейший радетьель природы — охотник. Не губит он зверей и птиц, а всячески способствует их приумножению. А берет лишь толику и не корысти ради, а чтобы удовлетворить свои скромные спортивные запросы. Ведь охота, рыбалка — это виды спорта, да не простые, а имеющие немалое военно-прикладное значение. Они формируют в человеке силу, выносливость, волю, выдержку, наблюдательность, мастерство в стрельбе и множество других полезных качеств, которые так необходимы военнoслужащему. Он защитник родной земли, а значит, и всего живущего в ее лесах, степях и водах.

Осознать свою высокую патриотическую миссию помогает воинам Вооруженных Сил СССР Военно-охотничье общество. Оно создано около 70 лет назад, объединяет всех военных охотников, рыболовов и призвано воспитывать их в духе любви, бережного отношения к природе, способствовать их нравственной и физической закалке, активному отдыху.

Военно-охотничье общество имеет свой печатный орган — журнал «Охотник», которому в будущем году исполнится 25 лет. Публикуемые в нем материалы

посвящаются, главным образом, охране природы, пропаганде охотничьего, рыболовного и стрелково-стендового спорта. «Охотник» пользуется спросом и у членов других родственных спортивных обществ, в том числе «Динамо». На него можно подписаться в воинских частях, учреждениях, военно-учебных заведениях, а также в коллективах военных охотников, созданных при перечисленных выше организациях.

Если по каким-либо причинам вы не сможете оформить на месте подписку на «Охотник», обратитесь к нам в редакцию. Для этого необходимо заполнить абонементную карточку без указания номера своего заказа и выслать по адресу: 119121, МОСКВА, УЛ. БУРДЕНКО, 14, КОРПУС А. ЦС ВОО, РЕДАКЦИЯ «ОХОТНИКА». А деньги — почтовым переводом по тому же адресу.

А чтобы иметь более предметное представление о журнале, предлагаем подборку материалов, подготовленных нашими штатными и нештатными корреспондентами.

Полковник в отставке К. ОГЛОБЛИН,
член редколлегии «Охотника».

РАССКАЗЫ У КОСТРА

Законный трофей

Судя по всему, беляк попался матерый. Более двух часов водил гончую и ни разу не завернул на лежку. И вот далеко ушел в глубь леса. Не выдержав, я двинулся в ту сторону, где сошла со следа собака. Шагал по безмолвному лесу, часто останавливался и, замерев, вслушивался, не звучит ли гон. Вскоре уловил отдаленный лай, который уверенно приближался.

Беляк появился неожиданно, как бы вынырнул из-под елочки. Он еще не полностью вылинял. Это все, что я успел заметить. Запоздалый выстрел через ветки не принес успеха. Зато он подхлестнул Рету. Собака погнала еще более яр.

Конечно, косога я бы не упустил. Но спас его случай. Где-то на гону Рете попала лиса. И моя четвероногая помощница не устояла перед соблазном, кину-

лась за кумушкой. Скоро голос гончей пропал вдали.

Начало темнеть. Пора домой. Стал звать собаку, но она не возвращалась. Не шибко экономя силы, направился к дороге. Прошел немного — впереди что-то темнеет. Не пень, шевелится.

«Рета!» — позвал я. Темное пятно перестало шевелиться. Ба, да это лиса! Сдернул ружье с плеча, но рыжая скрылась за деревьями.

Подошел к месту, где заметил зверя. В снегу, забрызганном кровью, лежит крупный беляк. Поднял его за задние ноги, он был еще теплым. Видно, лесная драма разыгралась только что. Лиса охотилась удачнее меня. Принес находку домой. При свете внимательно осмотрел дармовую добычу. И что же? На задней лапе зайца обнаружил свежие ранки от дробинок. Все стало ясно. Беляк, воспользовавшись тем, что Рета оставила его в покое, передохнул и из ельничка уже в темноте скакнул через просеку. Тут его и прихватила лисица, вышедшая к ночи на охоту. По всем статьям получалось, что заяц — мой законный трофей.

В. КИСЕЛЕВ.

«НАРУШИТЕЛЬ»

Рядовому С. Макрушину впервые в жизни пришлось стоять ночью на посту по охране объекта, расположенного в лесу. Волновался, конечно, да и робость немного брала: в темноте жутковато одному. Вдруг вдали раздалось уханье, а затем хохот. Хотя не приходилось слышать такого раньше, Сергей быстро сориентировался — филин: не сей счет его предупреждали опытные сослуживцы. Но вот новые неизвестные шорохи и звуки: вроде кошка замурлыкала и зашуршали шаги... У Сергея мурашки побежали по спине. Не выдержал солдат. Подал команду, как учили: «Стой! Кто идет?» В ответ ни звука. «Стрелять буду!» — а сам в темь, чтобы нарушитель не заметил его. Прислушался. Все стихло. «Вероятно, затаялся», — подумал часовой. Через некоторое время все повторилось. Сергей нажал на кнопку тревожной сигнализации. Лейтенант В. Боренко вместе с караульными не заставил себя ждать — через считанные секунды был уже на посту. Выслушал Виталий Николаевич доклад часового и приказал прибывшим с ним воинам осмотреть прилегающую местность. Ничего подозрительного.

— Как же так, я же слышал отчетливо шаги? — настаивал солдат.

— Хорошо, устроим засаду, — тихо объявил свое решение офицер.

Прошло немного времени, и действительно все услышали негромкое мяуканье и звуки, очень похожие на осторожные шаги. Затем обнаружили воины и самого «нарушителя»... увлекшегося брачными играми самца обыкновенного козодоя, не-большой сумеречной птицы. Это его хлопки принял часовой за шаги человека.

Козодой имеет буровато-охристую окраску с черновато-бурыми поперечными полосками. Широко распространен в нашей стране. Населяет леса, лесостепи и даже кустарниковые полупустыни. В конце апреля—начале мая козодои возвращаются с зимовки и выводят птенцов. В вечерние часы их можно видеть в бесшумном полете во время охоты. Днем козодои сидят на земле в тени кустов или деревьев и их трудно заметить.

Случай на посту познакомил воинов с интересной и полезной птицей, занесенной в Красную книгу, и показал, что наши молодые солдаты, особенно выросшие в городе, мало общаются с природой, плохо ее знают. Отсюда и бывают курьезы, подобные этому.

Н. КАРТАШОВ, почетный член ВОО.

А ВОТ БЫЛ СЛУЧАЙ

Неизвлекаемая донка

Собрался я однажды половить щук на донку с резиновым амортизатором. Ставят ее по-разному. Самый лучший способ — завезти на лодке. Можно забросить снасть грузом с привязанным к нему шнуром. Но ни тот, ни другой способ я применить не мог. Лодки не было, а для размотки и укладки шнура не годился берег — деревья, кустарник, трава, сучья. Осталось одно: поставить неизвлекаемую донку: с тяжелым грузом, практически без надежды вытащить ее потом на берег за резинку. На донку можно ловить долго, пока тройники не перержавеют. Но существенный недостаток — не переставишь на новое место.

Так вот, нашел увесистый обломок кирпича, привязал к нему короткую веревку, а к ней — резиновый амортизатор с леской. Конец лески прикрепил за колышек, воткнутый в берег. Раскрутил над головой груз и запустил его, как спортсмен — метатель мядота. Однако кирпич полетел не

туда, куда надо. Он глухо стукнулся о здоровенный сук стоящей метрах в десяти липы, перепрыгнул через него и шумно плюхнулся в воду. Резиновый амортизатор вместе с леской повис на дереве. Донка поставлена, а точнее повешена на стопроцентную неизвлекаемость.

Рыбалка не удалась. Что делать? А не побродить ли по лесу? День-то какой чудесный: тихий, теплый. С тополей и осин уже начисто облетели листья, но еще золотятся березы и липы, зеленеют дубы и вязы.

Что это белеет рядом со старым трухлявым пнем? Никак груздь? Он. Плотный, чистый, словно из мела выточенный. Чуть подалее еще один виднеется в траве, а рядом белый гриб пристроился! Да крупный какой — прямо с фуражку. Под молодыми сосенками попадаются маслята, давно не хоженную тропинку облюбовали подберезовики.

А как легко дышится в осеннем лесу, на берегу старицы! Сюда не проникает вонючая бензиновая кислотина, здесь нет трубной копоти и цементной взвеси, от которых першит в горле. Зато вдосталь свежего воздуха, так возбуждающего энергию и бодрость духа.

Ну а донка? Надо ли жалеть о ней? Будет новый день, будут новые рыбацкие снасти и замыслы.

Полковник А. ОБЧИННИКОВ,

Птичья дружба

Охотясь однажды в конце октября, я сидел в скрадке на берегу небольшой старицы. На холодных осенних волнах покачивались чучела. Откуда-то с большой воды налетели три чернети. Они сразу же опустились неподалеку. В стайке был один селезень и две утки. Помня о том, что стрелять самок в любое время года не рекомендуется, выцелил селезня. Чернеть очень крепка на рану, поэтому у меня получился подранок.

Я сел в лодку и стал преследовать селезня. Две утки беспрестанно кружились надо мной, издавая хрипкое криканье. Стоило бросить весла и взяться за ружье, как подранок нырнул и исчез. Когда же я оглянулся, то увидел раненого селезня в сопровождении двух подруг уже с другой стороны лодки. Причем, плыли они на расстоянии верного выстрела.

Все время, пока преследовал подранка, утки не покидали своего друга. Вместе с ним ныряли, когда я подплывал очень близко, но с воды не поднимались. Рискую жизнью, они не оставляли партнера в беде. Улетели утки только после выстрела. Такая привязанность поразила меня.

Это был мой последний селезень чернети. С тех пор не стреляю на осенних перелетах хохлатую чернеть.

Ф. САВИНСКИЙ.

СДЕЛАЙ САМ

УДОБНАЯ КОРМУШКА

Именуемая в продаже зимняя кормушка часто подводит рыболовов. Она мала, в ней не всегда надежно срабатывает открывающий крышку механизм. Предлагаю конструкцию кормушки, удобство и безотказность которой проверены на рыбалке в течение нескольких сезонов. Ее можно применять и летом при ловле с лодки.

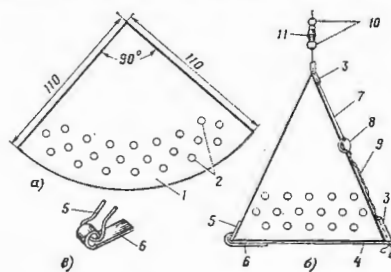
Раскрой материала (рис. а) для кормушки производится из жести толщиной 0,2—0,3 мм. Внизу заготовки про сверливаются три ряда отверстий диаметром 3 мм. Заготовку затем нужно свернуть в конус и пропаять по шву. Сверху и снизу конуса (рис. б) по линии шва припаиваются отрезки медной трубочки с внутренним диаметром 5 мм и длиной 30 мм. Затем по диаметру основания конуса из латуни толщиной 2 мм вырезается крышка. Крепится крышка к конусу (рис. в) с помощью дужки из медной проволоки диаметром 1—1,5 мм и полоски жести из того же материала, что и кормушка, свернутой на одном конце в кольцо. Медная проволока, пропущенная через кольцо, припаивается к корпусу конуса, а полоска из жести — к крышке кормушки (рис. б).

Через верхнюю медную трубочку пропускается стальной поводок, продающийся в магазинах, который крепится к ограничительному кольцу из медной проволоки диаметром 1—1,5 мм. К этому же кольцу крепится спираль из стальной проволоки диаметром 0,6 мм, нижняя часть ее пропускается через трубочку и отверстие в крышке. Заканчивается спираль загнутыми внутрь усиками. Ограничительное кольцо не позволяет стальной спиральке выскати-

вать из трубочки во время работы с кормушкой.

Для того, чтобы не происходило закручивания шнура во время опускания и подъема кормушки, необходимо шнур через заводное кольцо соединить с карабинчиком, а последний тоже через заводное кольцо — со стальным поводком.

Теперь несколько слов о том, как пользоваться кормушкой. Надо взять пальцами ограничительное кольцо и слегка потянуть вверх, при этом усики проходят через отверстие в крышке и освобождают ее. Затем кормушка набивается мотылем (кашей), крышка закрывается, и спиралька проталкивается вниз, фиксируя крышку. Кормушка опускается вниз, и при легком толчке вверх крышка свободно откидывается и прикормка высыпается на дно.

- 1 — раскрой кормушки.
- 2 — отверстия.
- 3 — трубочка.
- 4 — крышка.
- 5 — дужка.
- 6 — пластинка.
- 7 — стальной поводок.
- 8 — ограничительное кольцо.
- 9 — стальная спираль.
- 10 — заводное кольцо.
- 11 — карабинчик.

В. КУЛАКОВ.

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1989 г.

№ с.		№ с.	
КУРСОМ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС			
БАКАТИН В. Время действий	4 5	СИДОРИН В. В роту пришел неформал	6 37
ВОРОБЬЕВ К. Возрождая ленинские традиции	3 3	СОНИНСКИЙ В. Руку, новичок!	4 47
КУЛИКОВ В. Держава должна себя защищать	9 3	ТОЛПЫШЕВ М. Служба на грани фола	12 30
ЛЫСИКОВ П. Углубляя демократию	5 3	УСКОВ В. Дисциплинарный батальон	3 50
МАЛЫШЕВ П. Органичная часть перестройки	5 9	УШАР А. Если бы я был начальником войск...	9 33
МИНОСЯН А. В поисках нестандартных решений	3 6	УШАР А. О нумерации, грабельных и надежности охраны, или Почему фильмину грамоту зовут фильниной? (фельетон)	11 38
МИЩЕНКОВ П. Крепить контакты	6 27	ШЕВЦОВ С. Исповедь слабого «деда»	1 40
МОРОЗОВ С. Фундамент полновластия	4 11	ЗАКАВКАЗЬЕ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ	
ОВЧАРЕНКО Г. Шаг и народовластия	8 3	Боль и подвиг	2 14
ПОТАПОВ В. Рабочая помощь милиции	8 14	КАРПОВ Б. Сердцетрясение	4 24
ПОТЕКАЕВ И. Все мои земляки	3 32	КАРПОВ Б. Встречи на раненой земле	5 26
РЫЧИН Е. Быть хозяином земли	6 24	КАРПОВ Б. Люди на дорогах	12 11
Точка отсчета	6 3	На пути и истине. Что же произошло в Тбилиси?	7 28
ШАТАЛИН Ю. Личная программа перестройки	1 3	НЕЧЕАВ Е. По законам долга и братства	3 18
Экономика: на переломе («круглый стол» редакции)	6 12	РАЖЕВ Ю. Боль и отвага	3 22
		УШАР А. Кто сеет ветер...	3 28
		ШЕМАЕНКОВ А. Трудные дни Тбилиса	6 6
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ			
АДОРИНСКИЙ В. Шли в бой военкоры (5 мая — День печати)	5 70	ПУБЛИЦИСТИКА	
АДОРИНСКИЙ В. Дружба с «Авророй» (72-я годовщина Великого Октября)	11 3	АРТЮХОВ Е. Альма-матер, или Размышления о жизни солдат четвертого года службы	4 56
ГАВРИКОВ Ф. Летопись боевого опыта («Военно-историческому журналу» — 50 лет)	8 62	АРТЮХОВ Е. В чьих руках «Кирпичный флаг»	5 43
КРИВЕЦ В. Держал связь с простыми людьми (к 119-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина)	4 16	АСТАШИН В. Закон суров. Но танов закон	2 22
КУПЦОВ В. Урок настоящему и будущему (к 50-летию начала второй мировой войны)	9 61	АСТАШИН В. Операция «Боецман», или Гипноз глулости	5 28
ЛЕОНОВ В. Граница проходит в Москве (28 мая — День пограничника)	5 72	АСТАШИН В. По-прежнему: «Вступая в ряды Вооруженных Сил...»	10 8
ЛОССАН Б. Четвертая рота (к 119-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина)	4 14	АСТАШИН В. Свастика на плече...	12 60
		БЕЛИКОВ И. Ресурс сердечности	11 56
		БОРОВИК А. Канов он, солдат армии США...	5 52
		БУСЫГИН В. «Эстония в сердце моем...»	11 16
		ВОЛКОВ О. Любовь... по прежнему	11 63
		ВОЛОХ А. «Я — за честную гласность»	12 54
		ГОНДУСОВ В. Последней гранатой	9 22
		ГОНДУСОВ В. Процесса не будет	11 19
		ГРИНЮК М. Однажды солгал себе	5 57
		ДЕРЯБИН А. Тиски дефицита и инфляции	11 52
		ДОРОНИН Н. Перемены зависят от нас	5 18
		ДРОГНЕВ А. Чужое горе	4 63
		КУЗЬМИН С. Кому ставить памятник в Куропатах?	12 57
		ИСАКОВА Л. Павлик Морозов. Кто он? Герой или «символ предательства»?	6 58
		КАРПОВ Б. За монастырскими стенами	2 60
		КАРПОВ Б. Витязь из спецназа	11 33
		КОЗЛОВ И. В чести ли нынче честь	8 48
		КОРТОКОВ А. На порогу у сенсации	10 17
		КУДРЯШОВ В. Посмотрите в глаза герою	8 41
		КУЗЬМЕНКО В. Заложники	9 28
		МАТУШКИН О. Очень серьезный спектакль	8 40
		НЕЧЕАВ Е., СТУДЕНИКИН П. Эпидемия страха и ненависти	12 44
		ПАНКИН В. УГРО: надежды и тревоги	11 9
		РАШ К. Поклонимся памяти нашей	7 16
			8 26
			9 38
		СГИБНЕВ А. У солдата Родина одна	7 24
СЛУЖЕБНО-БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ			
АГАДЖАНИЯ С. Чтобы не было больно	2 53		
АРТЕМОВ А. Моя родная рота	2 56		
БЕРМАН С. Всегда ли учеба реальная?	2 50		
ВЛАДИМИРОВ К. Бороться! Бороться?..	6 38		
ГЕРАЩЕНКО В. Мина замедленного действия	12 28		
ГОНДУСОВ В. У семи нянек	3 47		
ДЗАРАГАЗОВ П. Степень напряжения	4 45		
ЕВСТРАТОВ Д. Слепая любовь	1 36		
КОСТЕНКО А. Не откладывая на завтра	2 58		
КОСТРОВ А. 52 часа на колесах	12 26		
КУЗЬМЕНКО В. Биолокация в охране объектов	4 38		
ЛАРИН А. Эффект отсутствия	3 39		
ЛОСЕВ В. Минуты над зоной	8 44		
МАРЧЕНКО Н. Перед дальней дорогой	3 37		
МАСЛЕННИКОВ Г., ГОНДУСОВ В. Не по наезженной колее	5 35		
МЕЛЬНИК А. А прозрение неминуемо	5 45		
МОШАРЕВ В. РВБ: какой ей быть? Ориентир — кропотливая работа с подчиненными	11 44		
СЕВОДНЯЕВ В. На коротком поводке	3 41		
	11 40		

622
623

	№	с.
СТУДЕНИКИН П. Запах горя и гари	8	8
УСКОВ В. Прокатили... командира	9	16
УСКОВ В. Молдавское брожение	7	12
УСКОВ В. Начальник колонии	9	44
УШАР А. Оборотни	11	48
ШЕВЦОВ С. За правдой в «Правду»	6	50
ШОШИН В. Избирательное милосердие, или Ночные дела «дневной роты»	8	36
Эмоции и факты (открытое письмо первому секретарю ЦК ВЛКСМ Мироненко В. И. и главному редактору «Комсомольской правды» Фронину В. А.)	8	33
	10	13

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

АРТЮХОВ Е. По эту сторону разлуки	10	42
АРТЮХОВ Е. ...И бросил партийный билет	12	40
АФАНАСЬЕВ В. Рецидив застойной психологии	1	64
АФАНАСЬЕВ В. «Банальный» конфликт, или Является ли соблюдение буквы уставов бюрократизмом?	8	60
БОРИСОВ С. Угасший костер	10	38
ГЕРАЩЕНКО В. «Вниз» и «в сторону» перевели старшего прапорщика А. Велиева. За что?	7	66

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА: СОДЕРЖАНИЕ, ДЕЙСТВЕННОСТЬ

ГОРЛОВ А., ВОЛКОВ О. На поверке времени	1	17
ДУРНЕВ Ю., ВОЛКОВ О. Взгляд с пристрастием	2	7
ЕНЯГИН В. Условия меняются, А результат?	4	41
КУНДУС В. Лучше раз увидеть...	6	41
НАЗАРЕНКО В. Что вместил политчас?	12	35
Политической учебе — сплав теории и практики	1	14
РЕВЕНКО А. «Изберите секретарем... мою жену»	6	44

РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНЯТИЯ

АЛЕКСАНДРОВ Г. Воспитательная роль соревнования	4	49
БУСЫГИН В. Формирование морально-боевых качества	6	68
ГЕРУСОВ М. Человеческий фактор в условиях перестройки	3	57
КОТЕНЕВ С. Прапорщики и надежность охраны объектов	5	64
НОВИКОВ А. Комната, куда спешат солдаты	4	54
РАЖЕВ Ю. Дорожить честью советского воина	5	59
СТЕЖКА Б. Укрепляя законность	1	22
ШАРОВ В. Нравственный облик советского воина	6	63

В ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

БОДЯК Р. Пришлите «десант»!	10	29
БОЛЬШАКОВ А. Смотр боевитости	9	26
БЫСТРОВ А. Кошунство	4	66
ВИСКОВ М. Собрание... «в грубой форме»	5	51
ГОРБОВСКИЙ В. Как же повысить отдачу? «Демократию?.. Разрешаю!»	2	72
ЕЛОВ А. Чтобы жизнь не поставила «неуд»	11	67
	11	31

ЕРМОЛАЕВ В. Видя корни недостатков	3	14
КИБАКИН М. Метод «погружения»	3	55
КЛИМОВ Ю. Инициатива требует простора	1	55
ЛАВРИЩЕВ А. Единомышленники	2	66
СКРЫННИКОВ Е. Успеха отблеск незаемный	1	53
ТАРАСОВ Ю. Разведка политбоем	2	70
ФЕЛЬК В. Право дать ответ	4	30
ШАПОШНИКОВ В. Едет в роту партбюро	5	49
ШАВЫРИН Д. Рок: следствие и последствия	12	64

ИЗ ИСТОРИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

БЕЛИКОВ И. Ступень возвышения на пути падения	3	69
БРЮХОВЕЦКИЙ В. «...Вы подрываете устои армии»	3	68
ГОРЮНОВ А. Чекист из Мотовилихи	2	74
Знать, чтобы помнить («круглый стол» журнала)	9	54
КОПЕЙКИН А. Бригадный комиссар Август Цинит	1	67
КОПЕЙКИН А. Выстрелы 38-го	12	70
КРИВЕЦ В. В строю навечно	3	61
ЛОГУНОВ М. Без вины виноватые	3	63

НИКОЛАЕНКО П., ГУТМАН М. Смотр Красной казармы	1	70
ПОЗДНЯКОВ А. Не впасть бы в крайность	3	66
СЫСОВЕВ Н. «...Заговор в войсках НКВД»	4	68
ЩЕРБАКОВ М. А звезды такие далекие	5	14
ЯРОСЛАВЦЕВА С. Ни в чем не виновны	10	54

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

БОЛДИН И. Волчата (рассказ)	8	92
БОРИСОВ М. В измерении времени (стихи)	4	91
ВАЙНЕР Г., СЛОВИН Л. На темной стороне Луны (повесть)	1	74
	2	76
	3	72
	10	26
ЕРХОВ Е. На правой стороне (поэма)	10	26
ИГНАТЬЕВ А., УЛАНОВ А. Диски (рассказ-быль)	6	92
КАРАПЕТЯН Р. Валентин Пинкуль: «Спешите утверждать себя!»	5	74
КАРАПЕТЯН Р. Натюрморт. Экзамены (рассказы)	7	86
КЛАРОВ Ю. Перстень Люцифера (повесть)	9	74
	10	70
ЛОСЕВ В. Операция (повесть)	11	74
	12	72
МИХАНОВСКИЙ В. Думы полководца (из поэмы «Маршал Жуков»)	11	46
ПИКУЛЬ В. Исторические миниатюры	5	76
ПОЛЯКОВ А. Суд чести (повесть)	5	80
ПЫЛЕВ С., САМОВАРЩИКОВ В. Антриса (рассказ)	11	84
СЕМЕНОВ Ю. Ненаписанные романы	4	71
	6	72
	7	68
	8	71

СОБОЛЬ М. Битвы разного значения (стихи)	9	52
СТАРШИНОВ Н. Песня о пехоте (стихи)	7	92
ФАЙНШМИДТ Я. Правда, Степаяев? (рассказ)	12	88
ХАЛТУРИН Ф. По азимуту жизни (стихи)	8	24
ЯГОДИН А. Стережущие (из поэмы)	12	42

Фантастическая

Залетевшая в казарму муха сообщила новой подруге:

— Я только что узнала, что на Марсе, оказывается, люди живут!

Подруга развела лапки в сторону:

— А почему бы и нет?

— Еще говорят, что Земля скоро начнет вертеться в другую сторону.

— Вполне возможно, — невозмутимо проговорила муха-домоседка. — Захочет — и завертится.

— А вот последняя новость: в клубе нашей части, говорят, новогодний концерт самодеятельности состоится.

— Ну, это такая уж фантазия, что и вообразить трудно! — рассмеялась подруга. — Эту «новость» я третий год слышу!

Любовная

Праздничная открытка доверительно сказала конверту:

— Послушай-ка, что пишет Антону Нурашину его невеста Танечка: «Поздравляю с Новым годом, мой ненаглядный...»

Клверт усмехнулся.

— Ишь, «ненаглядный»! А вот на комсомольском собрании про Антона другое говорили: «Нурашкин — наглядный пример беспечности и ротозейства!» Вст и разберись: наглядный он или ненаглядный...

Хозяйственная

Перед Новым годом автоматы чествовали пирамиду. Долго служила она им опорой и теперь уходила в запас. С уважением говорили о ней как о заслуженном ветеране. И только ржавый гвоздь, неизвестно когда и кем вбитый в стену, еще сильней порывал от зависти.

— Подумаешь, заслуженного ветерана нашли! — скрипел он. — Я еще задолго до пирамиды начал торчать здесь. А мне теперь никто даже спасибо не скажет.

— А за что? — в наивной простоте спросил дверь. — За то, что ты ржавый?

Сказочник А. ЧИСТЯКОВ.

ЧИТАЙТЕ

...Сколько стоят кровь, пот и нервы бездомных офицеров! А может, и им перейти на самообучаемость: хотите привлечь войска для обеспечения общественной безопасности на улицах города, товарищ председатель горисполкома, давайте жилье!

Майор А. УШАР.
«Буферная республика»,
или Какова цена
общественной безопасности!

В СЛЕДУЮЩЕМ

Есть только один способ выжить, считает Н. Семенова, — ввести свое тело в режим наибольшего соответствия законам природы...

Сотни людей совершают вместе с Надеждой Семеновой путь к здоровью, вновь и вновь осознавая, что единственное спасение от болезней — путь разума.

Надежда СЕМЕНОВА: «Хочешь жить, умей... питаться!»

• • •

...Генералы сказали ему, что схватка обойдется в сущую ерунду — всего в дюжину солдат, на что Мориц ответил:

— Дюжину солдат! Но это не ерунда. Лучше я отдам неприятелю дюжину голов своих генералов.

Валентин ПИКУЛЬ.
Историческая миниатюра.

НОМЕРЕ

623
624

Охотничья душа не всем понятна.
Что в ней! Прапращуров порыв,
Проснувшийся и странно, и невнятно,
Стрелка в тебе внезапно пробудив!
А может, здесь, в мирке
пустом квартирном,
Душе, зажатой в блочный круг,
Единства с чистым первородным миром
Потребовалось сразу, вдруг!

Но сколько добрых чувств
в ней отзовется,
Когда среди утренних зарниц
В лесу глухом
гортанный клич прорвется
Токующих прекрасных птиц!

ВАЛЕРИЙ УСКОВ.
ФОТО Р. РЯЗАНОВА.

